

Степанов

Боровичское общество краеведов
Новгородский музей-заповедник. Боровичский филиал

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ПОРШНЯКОВ

история замечательной жизни
в очерках, исследованиях, воспоминаниях

Москва
ГЕОС
2023

УДК 929/82
ББК 26.323
П 68

**Сергей Николаевич Поршняков: история замечательной жизни в очерках, исследованиях, воспоминаниях. – М.: ГЕОС, 2023. – 178 с. + 18 с. вклеек
ISBN 978-5-89118-871-6**

Составители:

Л.В. Николаева, А.А.Игнатъев

Ответственный редактор:

Л.В. Николаева

Редакционная коллегия:

Л.В. Николаева, А.А. Игнатъев, И.А. Игнатъев, Ю.В. Мосейчик

Книга посвящена жизни и деятельности Сергея Николаевича Поршнякова (1889–1982) – энциклопедиста, выдающегося знатока природы, истории и культуры Боровичского края, многолетнего директора Боровичского краеведческого музея (ныне – Музей истории города Боровичи и Боровичского края – филиал Новгородского объединенного музея-заповедника).

Издание адресовано краеведам, научным работникам, учителям и всем, кто интересуется природой и историей Северо-Запада России.

Авторы и члены редколлегии выражают благодарность Ю.В. Савицкому, Ю.С. Бискэ, С.М. Снигиревскому, М.Р. Геккер, Е.М. Ахмедовой и всем другим лицам, предоставившим материалы для этого издания и оказавшим ему поддержку.

© Л.В. Николаева, А.А. Игнатъев (составление), 2023

© Коллектив авторов (статьи), 2023

© Ю.В. Мосейчик (макет), 2023

© О.Н. Егорова (обложка), 2023

К читателю

Сергея Николаевича Поршнякова, с 1927 по 1952 год занимавшего пост директора Боровичского краеведческого музея, все еще помнят люди старшего поколения. Он был колоритной фигурой и производил на собеседников неизгладимое впечатление – своим видом, знаниями, манерой общения. Живя в маленьком городе, он никогда не замыкался в «провинциальных» рамках, был в курсе событий в географии, геологии, палеонтологии – в тех науках, которые его интересовали. Вел переписку со многими учеными, не упускал возможности встретиться с ними лично. Раскрывал неизвестные страницы истории города, связанные, в том числе, с выдающимися личностями. При нем были сформированы основные коллекции музея. Неутомимый исследователь края, он исходил Боровичский и соседние районы вдоль и поперек. Из походов всегда возвращался с «добычей». Его брезентовый издававший виды рюкзак наполняли образцы горных пород, глиняные черепки и кремневые орудия людей каменного века, окаменелости морских животных, найденные в карьерах и на берегах рек. Он собирал сведения о старинных промыслах, рассказы об истории населенных мест и необычных природных явлениях, исторические документы и фотографии...

В 1920 году при Первой средней школе Поршняков организовал кружок юных краеведов, положивший начало боровичскому краеведческому движению. Сергей Николаевич был страстным пропагандистом-просветителем. Не было, пожалуй, ни одного учебного заведения, сельского клуба, завода или фабрики, где бы он не выступал с лекциями и беседами об истории и природе края. Не одно поколение боровичан приобщилось через Поршнякова к бескрайнему миру науки, десятки молодых людей увлеклись естественными науками, стали исследователями. Двухэтажное здание старого музея на набережной Октябрьской революции было средоточием общественной жизни города.

Часто находясь в стесненных материальных условиях, он был духовно богат, щедро делился своими знаниями с другими. Всю жизнь служил людям, стараясь сделать «общественное поле» в отдельно взятом городе Боровичи – лучше!

Указом Президиума Верховного Совета СССР к 50-летию советской власти Поршняков награжден медалью «За трудовую доблесть», в 1970-м – медалью «За доблестный труд», а в 1977 году исполком городского Совета народных депутатов присвоил Сергею Николаевичу Поршнякову звание «Почетный гражданин Боровичей».

В 1989 году в связи со 100-летием Поршнякова его имя было присвоено Боровичскому краеведческому музею.

За последние три десятилетия имя Поршнякова незаслуженно забыли, исчезло оно и с вывески городского музея. Между тем, Сергей Николаевич оставил нам богатое наследие: его архив в музее – один из самых больших, и он ждет своих исследователей!

Пришла пора прикоснуться к пожелтевшим страницам дневников, записных книжек, исследований, писем, хранящих не только историю жизни дворянского интеллигента, принявшего революцию, но и события героического и трагического двадцатого века, прошедшего по большей части – при советской власти.

Итак, мы начинаем!

Любовь Николаева

НА ЖИЗНЕННОМ ПУТИ

Патриарх боровичского краеведения

Фонд Сергея Николаевича Поршнякова один из самых больших в Боровичском городском музее. Кроме литературного наследия, дневников, записных книжек, документов, в нем хранится переписка с самыми разными людьми. Круг общения этого человека поражает! В своей «Автобиографии» биолог, поэт и бывший сотрудник музея Кронид Гарновский пишет: «Ни один приехавший в Боровичи научный работник, будь то этнограф, зоолог, ботаник, экономист, археолог – не мог миновать здесь Сергея Николаевича с его музеем. Энциклопедичность Поршнякова была исключительной, но более всего его влекло к геологии, особенно к вопросам карстоведения. Сергей Николаевич был директором и, в то же время, единственным, не считая сторожиков, сотрудником музея, до тех пор, пока и для меня не нашлось тут места».

Сергей Николаевич входил в комиссию УОНО по учету, охране и использованию историко-культурных ценностей, преподавал в учебных заведениях. В музей он пришел уже состоявшимся знатоком природы края, большое внимание уделял историческому краеведению, как источнику военно-патриотического воспитания подрастающих поколений. В годы Великой Отечественной войны принимал участие в создании музея русского полководца Александра Суворова в селе Кончанском, открывшегося в 1942 году. Работал «по заданиям районных советских организаций над важнейшей задачей изыскания и мобилизации лекарственного сырья (растений) из местной природы», читал лекции «Что надо знать бойцу по физической географии местного края» для красноармейцев в многочисленных военных госпиталях, размещившихся в городе.

И в военное лихолетье Сергей Николаевич продолжал работать с детьми и подростками, ходил с ребятами в многодневные походы, исследовал вместе с ними интересные природные объекты.

Интерес С.Н. Поршнякова к геологии получил развитие в 1930–1940-е годы, когда началось активное изучение северо-западных районов страны с целью добычи необходимых для индустриализации народного хозяйства полезных ископаемых, таких как уголь, глина, известняк. В 1931–1932 годах он участвовал в геологической съемке, которой руководил Николай Николаевич Соколов (1895–1977), впоследствии доктор географических наук, профессор Ленинградского университета, видный исследователь Северо-Запада СССР. Машинописная копия работы Н.Н. Соколова «Геология бассейна Мсты» (1940 год) хранится в Боровичском краеведческом музее.

С 1933 года С.Н. Поршняков – действительный член Русского географического общества. Он был знаком практически со всеми крупнейшими геологами и географами, проводившими работы в Боровичском крае. И не толь-

ко знаком – но и высоко ценился ими как знаток местной геологии и географии. Многие из этих исследователей стали его друзьями, поддерживали с ним переписку, делились идеями и новостями.

Сегодня мало кто помнит, что перед войной шла подготовка к строительству на Мсте каскада гидроэлектростанций, и геология была в центре внимания. Мсту планировали направить в новое русло, а ее прежнюю долину превратить в огромный известняковый карьер. Проводились инженерно-геологические работы. В 1940–1941 годы этими изысканиями (Мста-ГЭС) руководил видный специалист по изучению рек, будущий академик Гаврила Иванович Горецкий (1900–1988). Когда проект закрыли, Сергей Николаевич, с волнением следивший за всеми перипетиями его реализации, с облегчением сообщил об этом своему другу – известному стратиграфу и палеонтологу Роману Федоровичу Геккеру (1900–1991), считавшему Мсту с ее разрезом нижнего карбона одним из наиболее интересных мест для изучения. В марте 1943 года Геккер ответил Поршнякову из Фрунзе: «В последнюю встречу с Вами Вы рассказывали, что угрожало Мсте. Я очень рад, что волею судеб она по-прежнему течет по своему руслу и разговаривает на перекатах».

К указанному периоду относятся многие опубликованные работы С.Н. Поршнякова (см. Приложение).

* * *

Дружба длиною в жизнь связывала его с упоминавшимся выше Романом Федоровичем Геккером и Александрой Ивановной Осиповой (1914–2007), изучавшими нижний карбон реки Мсты; ученым-географом, доктором наук Давидом Львовичем Армандом (1905–1976) и многими другими.

Сергей Николаевич считал своим долгом держать связь со своими повзрослевшими «юными краеведами», многие из которых стали известными учеными – геологами, биологами, зоологами, ботаниками, работавшими во всех уголках страны. Его бывший «юный краевед» Иван Иванович Соколов (1904–1980) стал доктором биологических наук, одним из организаторов Института оленеводства (впоследствии – Институт полярного сельского хозяйства, г. Норильск), с 1945 года в Зоологическом институте занимался вопросами морфологии, систематики копытных, хищных и домашних животных. Автор не одного десятка научных работ, в том числе крупных монографий, представлял советскую науку за рубежом – в Англии, Франции, Западной Африке.

Доктором биологических наук, профессором, одним из крупнейших исследователей флоры Сибири (Байкал, Путорана) стал Леонид Иванович Малышев (1931–2014), школьником участвовавший в экскурсиях Поршнякова. С 1976 по 1983 год Малышев возглавлял Центральный Сибирский ботанический сад Сибирского отделения наук АН СССР (Новосибирск). И вот что интересно. Кроме научных статей, монографий, Малышев совместно с Леонидом Владимировичем Бардуновым в иркутском издательстве опубликовал две небольшие книжки, «посвященные описанию весенних и осенних биологических экскурсий по окрестностям города. Живо и интересно написанные, они помогли не одному поколению школьников определить свои интересы и выбрать в дальнейшем для себя специальность биолога». И тут прослежива-

ется след Поршнякова, его влияние – нести в широкие массы знания о природе. Их переписка длилась всю жизнь.

Из его кружка юных краеведов вышли будущий редактор Ленинградского отделения издательства «Детгиз» Григорий Павлович Гроденский (1904–1978), ученый-химик Пантелеймон Васильевич Верещагин (1905–1965), кандидат геолого-минералогических наук, заведующий лабораторией физических методов исследования радиоактивных ископаемых Сыктывкарского института геологии Кирилл Паскальевич Янулов (1920–2004). Посвятили всю жизнь геологии бывшие «юные краеведы» – Борис Николаевич Розов (Смоленск), Евгений Павлович Бочков (Новосибирск), Владимир Константинович Кирсанов (Боровичи) и многие другие. Один из последних «птенцов гнезда Поршнякова» Леонид Иванович Быков продолжает его традиции в Боровичах. Работая преподавателем в школах, техникумах города, геологом на производстве, он всю жизнь изучает историю края, не один десяток лет руководил общественной организацией «Эколог». И сейчас в свои «за восемьдесят», как и Поршняков, он ходит с ребятами в многодневные комплексные природные экспедиции. Многие его воспитанники, как и юные краеведы Поршнякова, связывают свою жизнь с изучением природы во всех ее проявлениях.

Попадая в притягательное поле Сергея Николаевича Поршнякова, люди навсегда увлекались историей края. Более половины сопок, курганов и могильников, на которых не одно десятилетие (1964–1990-е) работала Северо-Западная экспедиция Института археологии АН СССР под руководством кандидата геологических наук, автора книги «Неолит реки Мсты», Майи Павловны Зиминой (1936 г.р.), обнаружены боровичскими краеведами в 1950–1970-е годы. В предисловии к своей работе «Неолитические памятники Валдайского Приозерья» Зиминая отмечает С.Н. Поршнякова, М.А. Аксенова, В.В. Гарновского, К.В. Гарновского, Г.И. Ивановского, П.Г. Николаева, Н. Пахомова. Именно они открыли стоянки людей неолита в районе рек – Уверь, Съезжая, Валдайка, озер – Шерегедро, Люто, Сомино, Городно, Пироз, Кафтино.

Известный детский писатель-природовед, орнитолог Виталий Бианки, выступая со «Словом о краеведении» на учительской конференции в Боровичах (1946 год), так говорил о Поршнякове: «Среди вас живет краевед, высоко чтимый и ценимый всеми учеными и просто людьми, интересующимися вашим Новгородским краем, Боровичским и соседними районами, городом Боровичи, – человек, всю жизнь посвятивший всестороннему изучению этого уголка огромной нашей Родины: организатор и директор Боровичского краеведческого музея Сергей Николаевич Поршняков – “знатный краевед”, которым может гордиться Новгородская область.

Обладая огромными богатствами знаний, Сергей Николаевич раздает их всем желающим направо и налево по первому требованию, а часто и без всяких требований – сам старается всунуть их людям малым и старым. И от этого становится только богаче – прямо миллионером. Сергею Николаевичу все интересно, каждая “мелочь”: случайно оброненное вами деревенское сло-

вечко, камень под ногами, травинка, песчинка, соринка, то, что для нас – слепых и глухих – кажется чепушинкой, недостойной внимания».

По просьбе Поршнякова Бианки в военные 1940-е годы написал большую исследовательскую работу «Птицы Боровичского края», изданную лишь в 2001 году, но не утратившую своей актуальности и в наши дни.

* * *

В архиве Поршнякова больше всего писем – около трехсот – от сына Георгия Сергеевича Поршнякова (1918–1993), с которым они были близки по мировоззрению. Заведуя в Ленинградском университете кафедрой исторической геологии, Георгий Сергеевич привозил на Мсту своих студентов. Отец и сын вместе написали руководство для экскурсоводов «Геологические экскурсии в районе г. Боровичи», с которого начинают свое знакомство с районом Горной Мсты и любители геологии, и профессионалы.

Выйдя в 1952 году на пенсию, Поршняков еще долго не оставлял своего занятия краеведением. Живя в зимний период в Ленинграде у сына или внучки, со многими своими корреспондентами он встречался теперь лично.

Почетный гражданин города Боровичи *Сергей Николаевич Поршняков* умер в возрасте 92 лет, оставив о себе добрую память в сердцах людей.

Боровичский художник Александр Павлович Константинов вспоминает:

«Его манера держаться, деликатно выслушивать собеседника, никогда не спорить, но вставлять несколько слов, словно советуя, покоряла людей. Я не помню ни одного случая, чтобы Сергей Николаевич возвысил голос.

Очень мужественно перенес смерть своей жены Сергей Николаевич. Я застал его с сыном Георгием Сергеевичем, молчаливо сидящими за скромно сервированным столом без вина, вместо него стояли стаканы с чаем. Георгий Сергеевич сказал мне просто и тихо:

– Извините, сегодня мы похоронили маму...

Но я помню, как он ликовал при встрече со своим другом ученым-географом Давидом Львовичем Арманом (1906–1976), приехавшим из Москвы. Он так разволновался, что даже принял какое-то лекарство прямо на ходу на улице.

Не забыть мне его прощального выступления на могиле директора Суворовского музея в 1974 году. Гроб уже был опущен в могилу, как все увидели бегущего по дорожке Поршнякова, в расстегнутом светлом плаще, запыхавшегося 85-летнего старика. Он вспомнил один яркий эпизод из жизни Лидии Александровны Коноваловой, подчеркнув этим рассказом ее работоспособность. Как в Кончанском музее в 1950-е годы она, будучи директором, чистила трубы, сидя на крыше суворовского дома. Приехавшее областное начальство было поражено этим фактом».

На одной из поздних фотографий Сергей Николаевич вброд, засучив штаны, переходит маленькую речку. Путешественник он был неистовый, почти до самого последнего года своей жизни.

Использованные материалы

1. НГОМЗ. Боровичский филиал. Фонд № 46. С.Н. Поршняков.
2. По великому трансазиатскому горному пути. К 70-летию выдающегося исследователя сибирской флоры доктора наук Леонида Малышева. <http://www.nsc.ru/HBC/hbc.phtml?16+38+1>
3. Память об учителе и хорошем человеке. <https://cyberleninka.ru/article/n/pamyat-ob-uchitele-i-horoshem-cheloveke/viewer>
4. Шарков Ю.В. Мне посчастливилось быть его последователем // Мстинский альманах «Боровичи». № 4. 2015.
5. Игнатъев А.А. Дневник владельца усадьбы Ровное-Михайловское // Мстинский альманах «Боровичи». № 3. 2013.
6. Зимица М.П. Неолит бассейна реки Мсты. М.: Наука, 1981.
7. Бианки В.В. Слово о краеведении. Боровичи, 28 июля 1946 года // В.В. Бианки. Собр. соч. Л.: Детгиз, 1975.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Прижизненные публикации С.Н. Поршнякова

Данные взяты из исторической справки к Архивной коллекции С.Н. Поршнякова, составленной старшим научным сотрудником Боровичского музея А.А. Игнатъевым.

1. Краеведческий сборник «Будем изучать наш край» (1930 г.).
2. Статья о диатомитах Бологовского района в Бюллетенях Ленинградского геологоразведочного треста за 1932 год, № 1–3.
3. «Отчет начальника Колчедановой партии Поршнякова: вторичные (рассыпные) месторождения серного колчедана в бассейне р. Мсты, 1932 г.»; фонды Северо-Западного геологического управления.
4. «О диатомитовых месторождениях бассейна р. Мсты» (приложение к отчету начальника съемочной партии Н.Н. Соколова, 1931 г.).
5. «Торфяные ресурсы Боровичского края и проблема использования торфа в сельском хозяйстве» (отчет о работе по договору с Центральным бюро краеведения).
6. «Месторождения гравийных дорожно-строительных материалов в Боровичах и смежных районах» (отчет о работе по договору с Центральным бюро краеведения, 1934 г.).
7. «Недра Мошенского района» – цикл популярных очерков по геологии бассейна Увери – Мсты в газете «Мошенской колхозник», 1930-е годы.
8. «О карстовых явлениях на Валдайской возвышенности» (тезисы доклада в геоморфологической комиссии Всесоюзного географического общества), Известия географического общества, № 10, 1939 г.
9. «Карстовые явления в бассейне р. Валдайки» (отчет о работах, произведенных в 1934–1935 гг.); фонды Ленинградского филиала Гидропроекта.
10. «Карстовые явления в верхнесредней части долины Мсты и прилегающей местности» (1941 г.); фонды Ленинградского филиала Гидропроекта.
11. «Карстовые ландшафты в районе Валдайской возвышенности и Мстинской впадины» (практические проблемы, связанные с местным карстом); из доклада в Комиссии вод и лесов Всесоюзного географического общества от 25.09.1940 г.
12. «Предпосылки для организации производства абразивов в Боровичском районе» (для артели «Промминерал», 1942 г.).

Жизнь, отданная родному краю

«Веселое, милое Ровное»

В пору моего детства и ранней юности летом, почти ежедневно, можно было видеть высокого сухопарого старика с рюкзачком за плечами и геологическим молотком на длинной рукоятке в руках, устремленного к крутым берегам Горной Мсты. Во все годы он был одет в выдавший виды парусиновый костюм, выбеленный солнцем, легкие ботинки. Голову покрывала выцветшая панамка или такого же вида помятая светлая шляпа. Вся фигура, и одежда, и снаряжение, и седая борода, и круглые очки выделяли его и делали совершенно не похожим на местных жителей. Шел он не по-стариковски бодро, широким шагом. Редкие прохожие здоровались с ним. Он со всеми раскланивался, приподнимая шляпу. Мать, увидев его в окно проходящим по дороге, произносила вслух для себя фразу: «Сергей Николаевич уже пошел», – и быстро заканчивала домашние дела. Пора было идти на работу.

Это был Сергей Николаевич Поршняков (1889–1982), сын нашей ровенской барыни Ольги Михайловны. Все жители старшего поколения знали его, и он всех их знал. Здесь он вырос в имении своей матери. Хоть и производил своим видом и манерой общения чужаковатое впечатление, все его уважали и называли только по имени и отчеству – Сергей Николаевич. Это имя, сухопарая фигура, уважение взрослых без всякого притворства запали в мою детскую душу и остались в ней на всю жизнь.

Сергей Николаевич был самым известным нашим земляком. Он считал Ровное своей малой родиной, любил его. Все в его исхоженных окрестностях ему было знакомо: каждая тропинка, каждый куст, каждый камень. Все окружающее было предметом его научного интереса, скрупулезно изучалось и исследовалось.

В его черновиках сохранилась удивительная зарисовка – «Веселое Ровное». Он вспоминает о Ровном своей юности тепло и с любовью описывает его, повторяя слова матери: «Веселое, милое Ровное». Только влюбленный в село, в его окружающую природу человек, чувствующий со всем этим неразрывную душевную связь, мог найти такие теплые, сердечные слова.

Именем Ровное на правом берегу Мсты владел в конце XIX века дед Сергея Николаевича – Михаил Карлович Линденбаум. В конце 1880-х годов из четверых детей Михаила Карловича осталась одна младшая Оленька. Потеря детей в юношеском их возрасте была для него трагедией. Он чрезмерно оберегал Ольгу, заботился о ней, делал все, чтобы она чаще бывала в имении. Пребыванием в Ровном она не тяготилась: с детства ей нравилась сельская жизнь.

Обучаясь в гимназии и закончив ее, Ольга Михайловна зимой жила в Петербурге, а лето проводила в своем любимом Ровном-Михайловском. Она достигла возраста, в котором встает вопрос создания семьи. Михаил Карлович желал Ольеньке достойного мужа. Он поддерживал хорошие отношения с братом своей первой, рано умершей жены, Михаилом Алексеевичем Поршняковым, проживавшим в Петербурге. Ольга с гимназических лет была в этой семье своей. Между ней и сыном Михаила Алексеевича, студентом-медиком Николаем, возникло чувство. Дело продвигалось к свадьбе. Михаил Карлович был очень рад выбору Ольги. Ольга Михайловна Линденбаум и Николай Михайлович Поршняков обвенчались.

В 1889 году у них родился сын Сережа – будущий директор Боровичского краеведческого музея – Сергей Николаевич Поршняков. У Михаила Карловича уже были внуки от старшей дочери Лизы. Он виделся с ними. Старший внук Володя Комаров проводил у деда все каникулярное время. Но к внуку, родившемуся у младшей, любимой дочери и растущему на его глазах, было особое отношение.

Ольга Михайловна жила в имении и во время беременности, и во время вскармливания ребенка. Дед умилялся, глядя на нее и внука. Он записывает в своем дневнике: «...Я не ожидал, что моя Ольенька будет такая нежная, горячая мать. Вчера я наблюдал, как она возилась со своим детенышем. Сейчас приходила сверху розовенькая, свеженькая, веселенькая».

Вскоре после рождения Сережи дед умер. Ольга Михайловна стала хозяйкой Ровенского имения. Она все чаще бывает и подолгу живет в Ровном. Даже поступление сына в гимназию в Петербурге существенно не изменило образ жизни матери. При первой возможности к ней в Ровное приезжает Сережа.

Его родители по характеру были совершенно разными людьми. Отец – сухой, педантичный, малообщительный, никогда на людях не выражавший своих эмоций, все время отдававший работе и ставший профессором. Все эти черты отца унаследовал Сергей Николаевич. Мать – полная противоположность отцу: веселая, экспансивная, любящая компании и многолюдье. Они все больше отдалялись друг от друга. Взаимное уважение сохранилось.

* * *

После окончания гимназии Сергей Николаевич поступает в Санкт-Петербургский университет на естественное отделение физико-математического факультета. Будучи девятнадцатилетним студентом второго курса, он спрашивает руководителя экспедиции, своего двоюродного брата Владимира Леонтьевича Комарова, ставшего к тому времени известным ботаником, преподавателем Санкт-Петербургского университета, включить его в состав ботанической экспедиции на Камчатку. Сергей Николаевич едет в экспедицию за свой счет и обязуется выполнять любую работу по экспедиции. На руках у него документ-просьба за подписью члена Государственного Совета, сенатора, действительного тайного советника Н. Семенова-Тяншаньского «оказывать содействие... С.Н. Поршнякову – студенту Петер-

бургского университета, члену ботанического отряда Камчатской экспедиции», организованной на средства Ф.П. Рябушинского.

Под влиянием марксистских идей

Внук штатского генерала, сын профессора медицины, он вращался в демократической среде, и она формировала его нравственные и гражданские качества. Он не мог не поддерживать революционные идеи. И не он один. Студенчество, молодые преподаватели университета были захвачены ими почти поголовно. Говоря об отношениях в то время со своим старшим двоюродным братом, преподавателем университета В.Л. Комаровым, Сергей Николаевич вспоминал: «Мною он интересовался мало. Когда же я в 18 лет сказал, что пришел самостоятельно к марксизму, у нас установились дружеские отношения» (воспоминания С.Н. Поршнякова, записанные Л.В. Подобед).

Шестнадцатилетним подростком он стал свидетелем событий 1905 года. На Петербургских улицах наблюдал шествие народа 9 января к Зимнему дворцу. Затем слышал разговоры о Конституции, Манифесте, о баррикадах и уличных стычках в Москве. Казалось, народ поднимается и вот-вот будет свергнуто самодержавие.

Сергей Николаевич в письме поделился впечатлениями со своим ровенским товарищем Василием Федоровичем Лисенковым, рабочим ровенского лесопильного завода. Встречаясь, они вели откровенные политические разговоры. Лисенков в ответном письме уверял, что «в деревне никто и слышать ничего не хочет о борцах за свободу, и все настроены монархически»¹.

В первые студенческие годы Сергей Николаевич сдружился со своим земляком А.В. Равенским. В Петербурге они вместе посещали кружок по изучению марксизма. Равенский по паспорту – Александр Васильевич Федоров, уроженец села Ровное. Его отец работал столяром в Боровичах и рано умер. С малых лет оставшись без отца, он у матери был единственным сыном. В Петербурге работал гравером на заводе «Вулкан» и в типографиях. Летом, приезжая в Ровное, они вели пропаганду марксизма, собирали кружки в Боровичах, временный кружок существовал в Ёгле. Равенский вел в кружках занятия по политике, рабочему движению. Сергей Николаевич – по естественным наукам и истории социализма. В пропагандистской работе принимал участие и боровичский горнорабочий А.В. Щипцов.

Кружок по изучению марксизма в Ёгле возник не на пустом месте. Знакомство жителей Ровного и Ёглы с марксистскими идеями произошло лет на 10–12 раньше, в связи с высылкой сюда под гласный надзор Якова Михайловича Майорова, одного из первых рабочих-революционеров Боровичского края. Он родился в 1856 году в селе Ёгла в бедной крестьянской семье. Жили в маленьком домике на два окна, без отца. Он, мать и брат Федор. Мать работала поденщицей на водоотливе на барках. Однажды упала за борт, еле спасли. Имели небольшой огород. Юному Якову удалось выбраться из де-

¹ НГОМЗ. Боровичский филиал. Фонд № 46. Ед. хр. 180.

ревни в Петербург. Там он окончил школу технического общества и работал поденно. В 1893 году вместе с товарищами по работе был привлечен к дознанию «за организацию преступных рабочих кружков». Пробыв в предварительном заключении с июня по октябрь, он был освобожден из-под стражи. В 1894-м вновь привлечен, теперь уже по делу народовольцев. После тюрьмы в декабре 1897 года выслан под гласный надзор в Ёглу, устроился рабочим на лесопильный завод в Ровном. Его дядя состоял церковным сторожем в Ровенском Спасо-Преображенском храме. Холостой Яков жил то у него, то у матери.

В 1969 году Сергей Николаевич попросил жителя Ёглы Бочкова Василия Константиновича, который знал когда-то Якова Майорова, написать о нем воспоминания. Бочков был членом Ёгольского подпольного кружка начального марксистского образования в 1909–1911 годах, организованного С.Н. Поршняковым. Он вспоминал, что Яков Майоров – стройный человек, среднего роста, с черными усиками и маленькими черными бровями. Говорил мягко, с улыбкой. Встречался с мужиками. Почитывали газеты, разговаривали. Слова он произносил внушительно, мужички интересовались. В декабре 1900 года Майоров выбыл в Варшаву. А в 1901 году полиция сообщила, что «состоящий под негласным надзором крестьянин Новгородской губернии Майоров (он же Картошкин), временно проживавший на складе нефтепромыслового общества «Кавказ», 7 сентября принял серную кислоту с целью лишить себя жизни, доставлен в больницу, через полчаса скончался»².

После спада революции 1905 года, бывая в Ровном и окрестных деревнях, Сергей Николаевич убеждался в справедливости слов своего ровенского друга В. Лисенкова: «никто и слушать ничего не хочет о борцах за свободу, все настроены монархически». Крестьяне говорили о том, что не хотят, чтобы царя свергли, без него помещики опять восстановят крепостное право. Сергей Николаевич вспоминал: «Молодежь была настроена легкомысленно, общественными вопросами не интересовалась».

В Ровном проживал один старик, бывший матрос. Этот старик рассказывал: когда он служил на флоте, ему пришлось после 1 марта 1881 года расстреливать близко знакомого морского офицера-народовольца. Теперь старик рассуждал: «...если царь спит, его надо разбудить». «Исключая этого старика и приятеля-подростка (Васю Лисенкова. – *Авт.*), – замечает Сергей Николаевич, – вся деревня была за царя». Но, видимо, Яков Майоров оставил о себе память. Ведь товарищ Сергея Николаевича Вася Лисенков, с которым он поделился впечатлениями о 9 января 1905 года, был работником того же лесопильного завода. Не случайно он интересовался политикой.

Мало показалось Сергею Николаевичу и его товарищам марксистского кружка. Вскоре задались они целью «выпускать свои листовки и даже сборники и распространять их среди боровичских рабочих и крестьян»³. Равенский с друзьями сделали в Петербурге печатный станок. Натаскали из типо-

² НГОМЗ. Боровичский филиал. Фонд № 42. Оп. 1, ед. хр. 2.

³ НГОМЗ. Боровичский филиал. Фонд № 46. Ед. хр. 180.

графии шрифта. В мае 1909 года привезли этот станок на железнодорожную станцию Боровичи. Оттуда на лошадке, запряженной в телегу, Сергей Николаевич перевез его в Ровное, в барский дом Поршняковых.

В этом доме имелась небольшая изолированная комната с единственным окном на восток. Она располагалась на втором этаже, под чердаком. В нее с черного хода вела высокая лестница. В этой комнате, скрытой от посторонних глаз, довели станок до рабочего состояния и разобрали шрифт. В этой работе, кроме Сергея Николаевича, участвовали Николай Михайлович Галкин, боровичский наборщик, Сергей Иванов, петербургский столяр высокой квалификации, Василий Федорович Лисенков, рабочий ровенского лесопильного завода.

В километре от барского дома примыкала к лесу сосновая роща. Называлась она Горелицей. В Горелице, в картофельной яме, были спрятаны станок и шрифт. На зиму их перевезли в дом Равенских в Боровичах.

В 1909 году, после поражения революции 1905 года, царским правительством преследовались и жестоко пресекались всякие попытки оживить революционное движение. Всех, кто был причастен к таким попыткам, отдавали под суд. Молодые люди, собравшие печатный станок для выпуска противоправительственных листовок, рисковали своей свободой и судьбой. Им грозила тюрьма и каторга.

Осенью 1909 года жандармам в Петербурге удалось ликвидировать практически все подпольные типографии. Традиционные первомайские листовки в 1910 году отпечатать было негде. В апреле 1910 года из Петербурга приехал А.В. Равенский. Станок переправили в поселок Волгино, на квартиру рабочего Алексея Щипцова, Николай Галкин сделал набор, и было отпечатано 6 тысяч листовок. Они были единственными первомайскими прокламациями, выпущенными в этом году РСДРП для Петербурга.

Все, имеющие отношение к печатанию этих листовок, заплатились. Сергей Николаевич не принимал непосредственное участие в печатании; в это время он сдавал экзамены в университете. Но в ночь на первое мая 1910 года его арестовали. Только на следствии он узнал, что произошло.

В Петербурге был арестован наборщик Иван Андреев. Он дал чистосердечные признания в том, что находился в Боровичах у А.В. Равенского и помогал набирать и печатать первомайские листовки. Сразу же в Боровичах арестовали А.В. Равенского, А. Щипцова и Н. Галкина. При обыске в рабочей казарме в поселке Волгино, где проживал А. Щипцов, обнаружили типографию и письма Сергея Николаевича. Всего по этому делу было арестовано 12 человек, в основном все из числа рабочих. Сергей Николаевич был признан организатором. Дело называлось: «Дело о С.Н. Поршнякове и других, обвиняемых в государственных преступлениях».⁴ Вменялась грозная 102 статья.

Весной 1912 года состоялся суд. Судила их судебная палата. А.В. Равенский еще до суда сошел с ума и умер в камере. Щипцов и другие «подельники» были высланы на поселение. Сергей Николаевич получил 3 года крепо-

⁴ НГОМЗ. Боровичский филиал. Фонд № 46. Ед. хр. 180.

сти, сидел «от звонка до звонка» в «Крестах» и вышел на свободу в мае 1913 года. Было ему тогда 24 года.

Работа – его страсть и увлечение

Сергей Поршняков из университета был исключен. Не теряя времени, он подготовился и сдал экзамены за университет экстерном.

Мать его в эти годы практически постоянно проживала в Ровном. Туда же приехал и сын. В 1914 году он женился на дочери ёгольского зажиточного крестьянина Ф.А. Бочкова, Мавре (Муре) Фёдоровне. И сам Сергей Николаевич, и все в Ровном и Ёгле, называли ее Мурой, я даже не знал, что ее настоящее имя Мавра. Она не была похожа на крестьянку. Получила образование в профессиональной школе генеральши Ю. Аргамаковой для крестьянских и мещанских девочек (Боровичи). Мура Федоровна осталась в моей памяти интеллигентной, доброй, спокойной, вежливой, как и сам Сергей Николаевич. До революции 1917 года у них родились две дочери – Зоя и Злата. За это время Сергей Николаевич успел побывать на фронте. Революцию принял с удовлетворением, она казалась ему исполнением тех демократических идеалов, которые он исповедовал в юности.

Дедовский дом после революции не национализировали. Специальная комиссия при Уисполкоме выдала О.М. Поршняковой «охранную грамоту». Ей для проживания выделили второй этаж (мезонин). Здесь жила и семья Сергея Николаевича.

В 1918 году у них родился сын Георгий (в Ровном его звали Юрой). Георгий Сергеевич (1918–1993) впоследствии стал ученым, профессором Ленинградского университета.

Жилось трудно. Сергей Николаевич работал инспектором уездного отдела народного образования. Зарплата мизерная. Трое детей. Престарелая мать. Кормились огородом и хозяйством. Донашивали одежду, приобретенную еще до революции. Впрочем, как мы убедимся в дальнейшем, жизнь Поршнякова и его семьи в материальном отношении всегда будет трудной.

По установившейся еще до революции традиции, их дом в Ровном посещают многие ученые. В 1920-е годы здесь гостил академик Павел Иванович Степанов, геолог, председатель комиссии геологии и географии Академии наук СССР, директор Геологического музея в Ленинграде. В 1923 году, летом, приезжал Владимир Леонтьевич Комаров. Сергей Николаевич, как работник отдела образования, организует встречи светил науки с учителями. В Ровенский клуб собирались учителя трех волостей. Работая инспектором отдела образования, Сергей Николаевич изучил весь Боровичский район, добирался до школ, расположенных в малодоступных деревнях, на границе с Мошенским районом и Тверской областью.

В 1928 году умерла мать Ольга Михайловна Поршнякова. Жители ее любили. Похоронили с красными флагами у входа в ровенскую церковь Спаса-Преображения, напротив барского дома, рядом с могилой отца – М.К. Линденбаума.

В 1927 году Поршняков был назначен заведующим Боровичским краеведческим музеем. Теперь семья Поршнякова живет в небольшой квартире при музее. Жена, трое детей. Оклад – мизерный. Выручал маленький огородик, держали корову. Лето проводили в Ровном, в дедовском доме, где каждое лето размещался колхозный детский сад.

Время было трудное и опасное. Выискивались «чуждые элементы», «враги народа». Музейное дело считалось «идеологическим фронтом». Здесь легко можно было совершить ошибку. Бывший дворянин Поршняков понимал это. Ему приходилось быть очень осторожным, подстраиваться к обстоятельствам. И все равно над ним сгущались тучи, но по какому-то счастливому обстоятельству гром не грянул. В 1930–1940-е годы решала судьбы людей председатель Ровенского сельсовета Матрена Минаевна Новикова. Многие годы спустя, она как-то сказала мне: «Пусть Сергей Николаевич скажет спасибо, что мы его не тронули, пожалели. Ведь он был эсером». Он не был ни коммунистом, ни эсером, но в те годы никаких доказательств не требовалось. Объявляли эсером и арестовывали.

* * *

Сергей Николаевич был равнодушен к материальным благам. Его страстью и увлечением была работа. Будучи человеком дотошным, он пытается выяснить историю картин, портретов, поступавших в музей из барских усадеб. Вел по этому вопросу переписку с Академией наук, Русским музеем. Но главная его работа – изучение родного края, особенно геологии. Серьезно изучает карстовые явления, как в бассейне реки Мсты, так и в Мошенском районе. Экспонаты и все сведения для экспозиции «История Земли на геологических материалах» были собраны в основном им.

Музей при нем стал значимым культурным учреждением города. Страсть и увлеченность Сергея Николаевича, его неуемная энергия привлекали к нему краеведов-любителей, которые помогали пополнять фонды. Много лет Сергей Николаевич руководил кружком юных краеведов. Занимались не только геологией, но и изучали растительность, животных и птиц. Он являлся страстным пропагандистом и просветителем, использовал любую возможность, чтобы передать людям свои знания об истории края и его природе.

У меня в памяти остались некоторые моменты пребывания его в Ровном в первые послевоенные годы. Он жил уже не в барском доме (тогда в нем размещался Дом отдыха комбината «Красный керамик»), а в людской избе, стоящей рядом еще со времен М.К. Линденбаума. Это был просторный дом из двух половин, перегороженных капитальной стеной. В советское время в одной половине размещалась почта, а в другой проживала семья Павла Петровича Новикова, начальника почты (его жена Мария Федоровна и дочь Рита служили на почте телефонистками). Мария Федоровна приходилась родной сестрой Муре Федоровне, жене Сергея Николаевича. Вот в этом доме, у своих родственников, летом и жили Поршняковы с внуками Ольгой и Юрой. В чердачном помещении для Сергея Николаевича был устроен кабинет.

Помню, в конце сороковых он читал в нашем деревенском клубе лекцию о происхождении ровненских известняков. На сцене, на большом листе ватмана, в разрезе, было изображено море и его дно с обитателями и растениями. Иногда Сергей Николаевич собирал вечером деревенских детей, вел в поле и рассказывал о травах. У барских прудов он срывал травинку за травинкой, говорил названия. Для нас это было удивительно: все травы знает! «Пожуйте зубами вот этот стебелек, – говорил Сергей Николаевич, – чувствуете горечь?» И начинал рассказ...

Легкомысленное детство! Не считали мы нужным запоминать названия, пропускали мимо ушей. Только взрослым я понял, какой у меня пробел в знаниях об окружающей природе.

* * *

В 1952 году С.Н. Поршняков вышел на пенсию, но образа жизни не изменил, занимался по-прежнему своим любимым делом – изучением природы. Пока были живы Новиковы, Поршняковы проводили лето в Ровном. Как и прежде, Сергея Николаевича можно было видеть с рюкзаком за плечами. В дневнике 1954 года он описывает, как собирал на Пезине землянику, как встречал совсем близко от деревни волка.

В 1963 году ушла из жизни его опора, добрая, заботливая и верная жена Мура Федоровна. Он пережил ее на 19 лет. Ему довелось дожить до поры, когда взрослыми и самостоятельными стали внуки. Удалось увидеть новое здание музея, порадоваться, что его любимое дело не захирело, что его продолжают достойные люди. Умер Сергей Николаевич в 1982 году в возрасте 93 лет. У него была долгая и насыщенная жизнь.

«Тюремные тетради» Сергея Поршнякова

Во мгле безвременья, как символ неизменный
Бессмертных творческих, извечно юных сил,
В душе тоскующей твой образ я носил...

«Жизнь», 1914 г.

«Во времена давно-давно минувшие, а может быть, и никогда не бывшие, жил-был на свете такой человек, равного которому никогда не рождала не только действительность, но и творческое воображение художника или пророка. Это был юноша, почти ребенок... Но в едва сложившихся чертах лица его, в движениях, взгляде и голосе, казалось, сияла, переливалась и искрилась вся красота, какая только когда-либо была разлита по Вселенной... Люди же, и даже Небожители, никогда уже не находили себе покоя, однажды встретившись глазами с юным рыбаком из Леи, ибо было в этих глазах что-то глубоко проникающее в душу и затрагивающее в ней лучшие, еще никогда не звучавшие струны...» Так начинается фантазия «Певец из Леи» студента Поршнякова, заключенного Петербургской одиночной тюрьмы, известной как «Кресты».

Сергей Поршняков, внук тайного советника Михаила Карловича Линденбаума, сын профессора медицины (в 1906 году петербургская общественность отметила 25-летие врачебно-педагогической практики Николая Михайловича Поршнякова), по окончании петербургской гимназии поступил на естественное отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета. С детских лет он подолгу бывал в Боровичском крае, в усадьбе Ровное-Михайловское, принадлежавшей его деду, а затем – матери Ольге Михайловне, где пристрастился к охотничьим блужданиям по окрестностям в сопровождении друзей из крестьянской среды. Здесь он познакомился с Маврой Федоровной Бочковой (1890–1963), своей будущей женой, дочерью зажиточного крестьянина из деревни Ёгла. Здесь же, будучи студентом, вступил в один из первых, еще времен Первой русской революции, марксистских кружков. За участие в организации подпольной типографии РСДРП Сергей Поршняков был осужден и приговорен к трем годам одиночной тюрьмы. Выйдя из тюрьмы, восстановился в университете и успешно закончил его в 1915 году. После Октябрьской революции поселился в Боровичах, где до 1927-го работал инспектором в отделе народного образования, а затем до 1952 года – директором краеведческого музея.

В архиве Сергея Николаевича Поршнякова, среди документов личного характера, обращают на себя внимание материалы, связанные с историей

подпольной типографии, судебным процессом и годами заключения. В своих воспоминаниях Сергей Николаевич, насколько можно подробно, поведал эту историю.

В начале весны 1909 года в Петербурге его товарищ по марксистскому кружку Александр Равенский, гравер по профессии, с друзьями-наборщиками приступили к сборке печатного станка. На оборудование типографии Поршняков передал сто рублей, предназначенные для покупки охотничьего ружья. В последних числах мая он пригнал на Боровичскую железнодорожную станцию, к утреннему поезду, подводу. Принял через окно вагона хорошо упакованные кассы, отвез в Ровное, и спрятал в родительском доме. Через несколько дней оборудование было перевезено в поле, в урочище Горелица, и спрятано в картофельной яме, откуда – в начале августа – вновь извлечено и скрыто уже в Боровичах на Тверской улице. Во всех этих операциях участвовали разные лица, друзья Поршнякова по марксистскому кружку.

По поручению петербургских рабочих организаций Равенский с Иваном Андреевым приехали в Боровичи, где должны были отпечатать первомайскую листовку. Работу планировали провести на квартире шахтера Алексея Щипцова, которого Поршняков заранее уведомил письмом: «К Вам едет родственник»...

И вот однажды вечером, 29 апреля 1910 года, в петербургскую квартиру доктора медицины Николая Михайловича Поршнякова *«ворвались полицейский пристав, восемь городских, агент охранного отделения... и двое понятых (один из них – старший дворник)»*. В результате обыска были обнаружены: памятная книжка, «в коей рукою Поршнякова написано несколько революционных стихотворений»; рукопись озаглавленная «Маркс и Энгельс. Коммунистический манифест в общедоступном изложении с некоторыми пояснениями и примечаниями»; заметки «по программным вопросам социализма»; тетрадь со стихотворениями «революционного и тенденциозного содержания», а также – девять запрещенных к обращению брошюр, две прокламации и номер газеты «Известия рабочих депутатов» (из «Обвинительного акта» от 9 октября 1911 г.).

Арестованного Сергея Поршнякова отвели в участок на Владимирской улице, откуда отвезли в арестный дом Коломенской части, что у Калинкина моста... *«Снаружи здание из закоптелого темного кирпича выглядело мрачно. Высокое, узкое, замкнутое, обособленно стоящее, оно походило несколько даже на средневековый замок»*.

19 мая в «карете», разделенной на несколько слепых кабин-отсеков, арестантов отвезли в Дом предварительного заключения (Шпалерная, 25), где Поршняков получил свою первую «тюремную тетрадь» – около шестидесяти листов, пронумерованных, прошнурованных и скрепленных сургучной печатью. Разрешая заключенным вести дневник, жандармское управление преследовало и свои цели: при просмотре записей следователь мог найти «что-либо изобличающее образ мыслей обвиняемого». Но в дневнике студента Поршнякова все совершенно аполитично: пишет, от нечего делать, любитель

природы и художественной литературы... Дело в том, что обитатели «предварилки» имели возможность пользоваться библиотекой. В тюремной тетради сохранились названия научной (И. Сеченов, К. Бернар, О. Гертвиг, Р. Гертвиг и др.) и художественной (Сергеев-Ценский, А. Куприн, Г. Сенкевич и др.) литературы, прочитанной студентом-естественником в теплые летние месяцы 1910 года. Особое место занимают путевые впечатления от Урала и Западной Сибири (путешествие на Камчатку в 1908 г.) и охотничьи воспоминания о Боровичском крае. На 92-й странице «тетради» – расписание дня: «7 час. – гимнастика, чаепитие, моцион (10–15 мин.), научные книги; 12 час. – обед, движение, чтение (из разных областей); 3 час. – чаепитие, моцион, научные книги; 6 час. – чаепитие, беллетристика, моцион (или наст. гимнастика)».

В ноябре 1910-го за отсутствием улик Поршняков был освобожден под залог, который внес за него отец. Через год обвиняемые по делу о подпольной типографии были вновь арестованы. В 1950-е годы Сергей Николаевич вспоминал: *«Ненастной, бурной осенней ночью 1911 года по малоллюдному Литейному проспекту в полицейском сопровождении шел я в направлении к «предварилке»... Петропавловка мерно стреляла из пушек: начиналось наводнение... А там заспанный помощник начальника тюрьмы отправил меня в одну из худших камер: угловую нижнего этажа, окном на север, – сырую и клоповную... При содействии тюремного врача, я был переведен из темной мозглой 65-ой камеры – в 221-ю на пятый этаж. Шире показалось небо за не открывающимся откидным окном. В нарушение устава, возможно стало наблюдать «гуляющих» на дворе заключенных».*

В доме предварительного заключения обвиняемые находились до суда. Поршняков вспоминал: *«Щецова, Галкина и Эськина взялся защищать Керенский (тот самый). Однако эта пресловутая знаменитость отказалась от защиты по какой-то причине незадолго до суда. Вместо Керенского защиту их принял на себя присяжный поверенный Исаев».* Поршнякова и Молоканова защищал Переверзев (впоследствии – министр Временного правительства). Поскольку перед разбором дела Переверзев неожиданно заболел, Поршнякова с Молокановым судили отдельно, месяцем позже. *«В качестве обвинителя выступал товарищ прокурора Мякинин – не особенно умный молодой человек типа великосветского хлыща. Бессловесные судьи и сословные представители... На местах для публики за барьером было людно».* В числе присутствовавших были родители Поршнякова, его двоюродный брат В.Л. Комаров, товарищи по марксистскому кружку И.А. Волк и М.Ф. Бочкова. Согласно Приговору Судебной Палаты от 19 апреля 1912 года на основании 2 ч. ст. 164 Уголовного уложения («за недонесение»), Сергея Поршнякова заключили в крепость на три года с зачетом 11 месяцев предварительного заключения. Через месяц после вынесения приговора его перевели в Петербургскую одиночную тюрьму.

Тюрьма состояла из двух зданий крестообразной формы. Поршнякова отвели в 505-ю камеру второго корпуса, во втором этаже, «оконцем на Неву». Здесь ему предстояло жить до мая 1913 года (был освобожден досрочно по

амнистии в честь 300-летия дома Романовых) и исписать две «тюремные тетради», сохранившиеся до наших дней.

«Располагает одиночка писать стихи, – вспоминал Сергей Николаевич в 1967 году. – Неумелое (и подчас абсолютно бесталанное) стихотворчество было среди одиночников – политических заключенных чем-то вроде эпидемии. Редко кто не писал стихов. С тоски почти у каждого пела душа. Охваченный жаждой слагать стихи, я углубился в изучение современной поэзии, ища в ней «последнего слова техники» и для излияния души и воздействия на современников... Казалось подчас, что выразительнее, сильнее можно высказать что-либо, перевоплощаясь, влезая по-брюсовски в чужую шкуру, в шкуру суеверного человека-дикаря, в сказочный мир или капризный мир своих «настроений»...»

*Кто-то бешеный, кто-то безумный
Грозным пламенем, блеском зарницы,
Ураганом пустыни промчится в стенах...
Крик упавшей подстреленной птицы, –
Крик отчаянья в черных холодных волнах
Вдруг ворвется в молчанье темницы...
Крик победы, подхваченный откликом гор,
Долетевший до глади зеркальных озер, –
Несмолкающий, праздничный, шумный...
И – как огненный смерч – унесется в простор, –
Разбросает-сожжет затуманенный бор –
Кто-то бешеный, кто-то безумный.*

1912 г., Кресты

Лирика Сергея Поршнякова волновала не случайно, он был влюблен. И за стенами тюрьмы грустил не только о воле, о «клейких листочках» и о рыболовно-охотничьих радостях. Вспоминалась и Она «на фоне озера – с необыкновенно глубокими и чистыми глазами». Вспоминалась «лунная ночь после долгого знойного июльского дня» на берегу озера Долгого. Это была обычная прогулка нескольких человек, среди которых были двое, которые еще не знали, что через какое-то время станут близки и проживут вместе почти пятьдесят лет. Но о своей любви Сергей Поршняков говорить не мог, не имел права, потому как был временно выпущенным из тюрьмы до суда арестантом.

*...Было озеро арфой. Как струны, дрожали
Серебристые волны на нем.
Месяц бронзовый встал в затуманенной дали
И зажег их неровным огнем.*

*Ночь дышала на нас. Струи блестящей влаги
Набегали, звеня в тростниках.*

*Как рогатые звери, темнели коряги
В неподвижных прибрежных песках.*

*...Ярче стала луна. Стали скованы очи
С пеньем струй, что по озеру шли...
Тая в серых песках, мы в симфонию ночи
Чуть звенящим аккордом вошли.*

9 июля 1912 (июнь 1911)

Однажды в камеру, из окна которой был виден лишь уголок темно-серого осеннего неба, «нежданной молнией» сверкнула открытка, всего четыре слова: «Будь здоров, не унывай!» И подпись: «Мура». На обороте открытки – вид лесного озера при луне. Как вспоминал Сергей Николаевич, «было это настолько невозможно, парадоксально с точек зрения, на которые я себя насильственно ставил, что я заставлял себя не верить глазам... Заложенная в книгу открытка опять и опять оказывалась у меня в руках, брызгами прорывалось совершенно невероятное счастье...»

*Из сказочной страны лазурного былого,
Упав средь мертвых стен, зажглись огня светлей,
Светлей весенних роз, заискрились три слова –
Улыбкой солнца, свежестью полей.
Зачем вы здесь? Чтоб сказкою туманной
Мне отравить покой безрадостных ночей?..
Нет-нет, останьтесь здесь – хоть грезой обманной,
Хоть явным призраком живительных лучей!
Я сердцем шлю ответ на милое участие,
Безгласный свой привет и пожеланье счастья.*

«Три слова». 1912 г., Кресты

Для Сергея Поршнякова годы, проведенные в Крестах, оказались не только «университетом марксизма» (меткое словечко одного из заключенных), но и своеобразным литературным институтом. Помимо «облегченных» жанров (дневник, воспоминания, поэзия), Поршняков брался и за написание рассказов, повестей и даже – драм. Повесть о психиатрической больнице «Новое» – психологический этюд о европейском средневековье, «Уеннер», «Певец из Леи» – продолжают бунтарские темы его стихотворений. А все вместе – это вариации портрета «нового человека», которым бредил двадцатитрехлетний узник Крестов.

Миниатюрная трагедия «Прометей» раскрывает в полной мере всю автобиографичность творчества Поршнякова. Ведь и Уеннер, и жители Карморании (которых освобождает Эрней, певец из Леи), и студент Луганский живут в несвободе, с которой борются, и довольно успешно. А последние слова Прометея Юпитеру звучат как антиправительственное выступление:

*В тишине полуночи – ты слышал ли стон –
Отдаленный, чуть слышимый, из сумрачной бездны?
То грядущего голос. Из груди железной
Прорицания Кроноса властно гремят
(Уж циклопы, гиганты на страже стоят)...
То отец на тебя посылает проклятье!
...Как низвергнут отцом твоим древний Уран, –
Так погибнешь и ты, полновластный тиран.*

«Прометей». 1912 г., Кресты

В первые же дни по выходе из Крестов в мае 1913 года Поршняков встретился с Маврой Бочковой. Как вспоминал Сергей Николаевич, *«сообщила мне Мура... о загадочнейшем самоубийстве моего друга – школьного товарища – Исидора Александровича Волка... Побывали мы с М.Ф. на его свежей еще могиле в Обухове (на еврейском кладбище) и потом, у ст. Славянка – невзначай это вышло – «объяснились».*

Двадцать лет спустя, заполняя личный листок номенклатурного работника, директор краеведческого музея Сергей Николаевич Поршняков в 6-й графе (пункт Б) указывал сословие родителей: «из дворян». А ниже в графе 21-й (подвергался ли репрессиям за революционную деятельность до Октябрьской революции) не без гордости выводил: «отбыл трехлетнее крепостное заключение». Это последнее спасало его от репрессий и лагерей в годы, когда его родословная была страшнее уголовных преступлений. И он хранил все документы по делу подпольной типографии, включая и листок выдачи книг из Дома предварительного заключения, и копию приговора, и многое другое... Хранил он и «тюремные тетради» – красноречивые свидетели его благонадежности. Но мы-то знаем, что таким образом «холодный» Поршняков берег «соловьиною пору» своей юности, первые счастливые дни своей любви, которая пережила смерть Мавры Федоровны, не дожившей нескольких месяцев до золотой свадьбы. Уже в «стариковских» дневниках Сергей Николаевич признавался в своем желании написать поэму, посвященную Муре. Мечта его не осуществилась. Но какое уже это может иметь значение, когда в сложнейшие – не только для себя, но и для всей страны – годы Сергей Николаевич ощущал рядом с собой близкого и любимого человека. Не почтовой открыткой – лучом света скользнула Мура в камеру Поршнякова в Крестах, легко минуя замки и тюремные стены. Скользнула, чтобы рассеять мрак осенней ночи – и стать солнцем всей его жизни...

Использованные материалы

1. НГОМЗ. Боровичский филиал. Фонд № 46. Оп. 2. Ед. хр. 8. Обвинительный акт о дворянине Поршнякове С.Н., крестьянах Андреевых И.П. и Н.П., Молоканове И.А., Щипцове А.В. и др. 1911 г.

2. НГОМЗ. Боровичский филиал. Фонд № 46. Оп. 2. Ед. хр. 10. Приговор дворянину Поршнякову С.Н., крестьянам Андреевым И.П. и Н.П., Молоканову И.А., Щипцову А.В. и др. 1912 г.

3. НГОМЗ. Боровичский филиал. Фонд № 46. Оп. 2. Ед. хр. 12, 13. Тетради тюремные Поршнякова С.Н. 1910-е гг.

4. НГОМЗ. Боровичский филиал. Фонд № 46. Оп. 2. Ед. хр. 36. Листок личный по учету кадров Поршнякова С.Н. 1940 г.

5. НГОМЗ. Боровичский филиал. Фонд № 46. Оп. 2. Ед. хр. 166. Поршняков С.Н. Предварилровка. Встречи с Игнатьевым А.М. Воспоминания. 1960 г.

6. НГОМЗ. Боровичский филиал. Фонд № 46. Оп. 2. Ед. хр. 172. Поршняков С.Н. В Крестах (Воспоминания о 1912–1913 гг.). 1967 г.

**«Я отрезан от мира цепями застав»
(из «тюремных тетрадей», 1910 г.)**

26 мая. Среда

Временами разыгрывается воображение. Выплывают одна за другою виденные раньше картины. Вспоминается, например, такой же светлый майский день, как сегодняшний (то, да не то, ибо помимо метеорологических, существуют еще и физико-географические, фитогеографические и прочие условия). Жгучее полуденное солнце почти над головой. Тропа идет все больше опушками, и молодой березняк редко где дает отрадную тень. Жарко. Над головой с шумом носятся оводы и слепни. Идешь размашистой ровной поступью. За спиной в такт постукивает обо что-то чайник в кузове. Если и останавливаешься, то только для того, чтобы подвязать лапоть или переложить с плеча на плечо громоздкий бродец. Путь утомителен своим однообразием: опушки с едва колышущейся некошеной травой, светло-зеленые березовые лядинки, кряжи, поросшие лесом, небольшие болотца, поросшие лозой. Везде хорошо, но оводы и не пройденное еще расстояние не допускает остановки.

Впереди где-то все ближе и ближе слышатся какие-то крики; точно там, на болоте, перекликаются звонкими, радостными голосами: это журавли. Недалеко уж, значит, и Гладкое болото... Ускоряешь шаг... Ненадолго открывается слева широкая, просторная, безупречно ровная дорога, точно медленно текущая моховая река; и обступивший ее с обеих сторон лес напоминает обрывистые речные берега. Видение скрывается: снова мелькают ослепительно белые стволы берез и серый олешняк. Где-то неподалеку впереди, в дремлющем знойном воздухе, рождается красивая музыкальная трель; вот, она переходит в рыдающий свист. Останавливаешься, и, затаив дыхание, жадно ловишь переливающиеся гармоничные звуки. Так, вероятно, утомленный длинной дорогой по безжизненной пустыне путник прислушивается к донесшемуся до него журчанию холодного и чистого родника... Это осторожный кроншнеп почувствовал приближение человека.

Тропа круто поворачивает; еще несколько шагов, и картина сразу преобразается. Широкий ровный, залитый солнцем простор. Целое море мха в железистой, медленно идущей из озер воде. При однородном тоне поражает разнообразие красок. Красный мох переходит в желтый, желтый в оранжевый, коричневый или зеленый... Там и здесь сверкают среди мхов омутки, из которых и рождается текущая сначала во мхах речка. Вдалеке едва виднеется темно-зеленый берег, а поперек болота разорванной цепью пролегают островки веретья, покрытые пышной зеленью.

Осторожно переступаю, шаг за шагом нащупывая подо мхом «мосты» (продольно положенные в один ряд жерди). С шумом подается вниз трясина от каждого шага, пуская пузыри. В воздухе медленно кружится серебристый от солнца кроншнеп со своей тревожной песнью. Когда он подлетает близко, можно разглядеть его длинный серповидный клюв. С удвоенной осторожностью переходишь по жердочке через змеящуюся узкой лентой речку. Это ее начало. Чернеющая среди зыбких мхов, она здесь глубока, а жердь окутана извивающимися от течения нитчатыми водорослями... Переходишь лесистый мыс, и опять «мосты» – еще более труднопроходимые, тянущиеся с версту. Не раз оступишься и ввязнешь чуть ли не по пояс в жидкой торфяной массе...

Снова пустошь. Бесконечная, цветущая и зеленеющая пустошь. Опять равномерно позвякивает за спиной чайник, опять слепни на солнце и комары в тени. Осталось еще три-четыре, а может быть, и шесть верст: никто их не мерил среди безлюдной пустоши. Однообразные лядины и жары убаюкивают, разыгрывается воображение. Но сознание, что впереди озеро, удваивает энергию.

Солнце понемногу склоняется. Растягиваются тени. Лес как будто оживает, все становится красочнее, голоса певчих птиц – оживленнее. Но солнце все еще жжет; растет усталость, и бродец кажется все тяжелее и тяжелее. Силы начинают изменять... Сбрасываешь с плеча бродец и в изнеможении опускаешься на траву в тень...

И вдруг, сквозь вой назойливых комаров явственно раздается вдалеке своеобразный высокий голос. Это не человек, не журавль, не кроншнеп... Несомненно, это норь (гагара); значит, озеро совсем близко... Забыты усталость; бродец потерял половину своего прежнего веса. Дорога как будто стала ровнее.

Выше становится березняк. Напряженно всматриваешься в расступающийся впереди лес, но озера все нет и нет. Опять прежняя усталость. Является вопрос: да туда ли я иду? Быть может, это на окнище крикнула гагара? Замедляешь шаги. Чувствуется мучительная жажда.

И в ту минуту, когда вовсе уже не ждешь ничего, из-под старых берез вдруг сверкнет, как сталь, зеркальная поверхность озера. Дохнет навстречу утоляющая прохлада. Все шире, шире раскидывается светло-синяя гладь. Еще сотни ускоренных шагов... Бродец сам скатывается к воде. Нет кузова за плечами. С шипением и треском разгорается «груда»; над ней греется чайник.

Нет и не было утомительной дороги!.. Есть только крестообразно раскинувшееся среди диких лесов зеркальное озеро. Есть только прохладный ласковый чуть слышный всплеск под берегом; тростник, хвощ да вездесущий торфяной мох... Четко рисуется обрамленный торфяником с ровными сосенками залив озера. А на самой почти середине плавают две гагары, оставляя за собой на синей глади серебряные полосы... Шаг за шагом погружаешься все глубже в светлое озеро, увлекая за собой развертывающийся бродец... Простор, свет, тишина, гармония красок...

Таков ли жизненный путь человека? Не знаю. Много тропок и дорог в пустоши, но только одна, которая-то, ведет к озеру. Собыется человек с дороги или вовсе не попадет на нее – и бродит вечно по утомительно-однообразной пустоши, принимая крики других заблудившихся за голос норя... Бродит до тех пор, пока ночь не заставит сомкнуть глаза в какой-нибудь лядине... Или следуя крику норя, зайдет в болото и попадет в окнище, из которого уже нет выхода...

Сегодня исполнилась неделя моего пребывания здесь.

6 июня. Воскресенье

Солнце временами проглядывает сквозь сгрудившиеся мелкие облака. На воздухе хорошо. Прохладно. Даже пар замечается при дыхании. Что-то осеннее как будто чувствуется в сегодняшнем утре. Временами накрапывает дождь, как видно. Сегодня с близи рассматривал одну ветку (давно не приходилось): она была клейкая, светлая, весенняя.

Читал между прочим второй том рассказов Сергеева-Ценского (о поручике Бабаеве). Весьма своеобразный талант. Беспощадно правдивый и ужасный бред. В печальном освещении проходит перед глазами наша жизнь. Есть тут Лидочка Канелли – вся ушедшая в ловлю женихов; есть пьяный доктор, напоминающий почему-то утопленника; когда он по утрам молится, стоя на балконе, сеттер Нарцисс стоит внизу и удивленно лает... Грозным отвратительным символом проходит старик с угодливыми глазами из мертвецкой; и вдруг во всем окружающем оказывается много аналогичного. Где-то адвокат Саша бегаёт босиком (для здоровья) по саду и поливает кипятком муравьев, забравшихся на его землю. Вот его красивая молодая жена, рядом со своей жадной, ограниченной, безобразной, толстой и «зыбкой» матерью; и когда Бабаев всматривается внимательнее, то вдруг оказывается, что все эти свойства матери, хотя и в зачатке и в грубо прикрытом виде, а все-таки имеются в наличности и у дочери.

На цветущей лужайке комичная фигура молящегося и целующего землю пантеиста, гимназического учителя Нагнибеда с его приплюснутой форменной фуражкой. Это классический жестоко-верно схваченный тип-полусимвол. Этот Нагнибеда, равно как и Передонов (из Ф. Сологуба), если, быть может, и не встречаются в чистом, кристаллизированном виде, то во всяком случае диффузно расплылись по средним учебным заведениям наших дней; и в редком преподавателе не сидят одновременно и Нагнибеда, и Передонов. Прискорбно, но верно.

Много отвратительных кровавых картин какого-то пьяного разгула, резня, грабеж! Расколотые черепа... Денщику Бабаева Гудкову все это кажется занимательным и смешным; с таким вкусом он рассказывает обо всем этом... Тяжело читать даже.

8 июня. Вторник

Довольно резкий переход: из беллетристики мне сразу после Сергеева-Ценского попал в руки Г. Сенкевич. Вместо жестокого реального поручика Бабаева сразу вдруг идиллически прекрасный поручик Скшетуский! Вместо горькой кошмарной прозы вдруг сказочная розовая лирика!.. Такое впечатление испытывает, вероятно, человек, когда его живым увозят на небо... Довольно много детски наивного, но, в общем, занятно как-то читать.

15 июня. Вторник

Утром – светло-серое (близко к голубому) небо; сквозь эту тонкую пелену просвечивает солнце. Был дождь. После дождя небо расчистилось. С утра было тепло, но не душно. Часов в шесть-семь вечера опять дождь. Сейчас голубое небо отражается на мокрой крыше. По-видимому, закат солнца – чистый, без облаков... Утром прочел короткий, но очень недурной рассказ «Два старика» (очевидно – Наживина). А теперь принялся за первый том Сергеева-Ценского. Прочел «Тундру», «Умру я скоро», «Маску» и «Взмах крыльев». Герой, от лица которого написана «Тундра», очевидно, тот же Бабаев, но попытавшийся со скуки влезть в шкуру студента-естественника; метаморфоза плохо удалась. То же могу сказать о Хохлове из «Маски». И тем не менее эти рассказы (очевидно, литературные начинания) мне очень нравятся, хотя и уступают «Бабаеву»...

Приходил отец на свидание. Рассказал новость: двоюродная сестра замуж выходит. Досадно, что отец вынужден, имея свободное время, оставаться здесь из-за моего дела...

16 июня. Среда

Солнечный день. Ходят облака (мелкие). Сегодня истекают четыре недели моего пребывания здесь. Кроме теории оплодотворения Гертвига, читаю беллетристику. Тот же Сергеев-Ценский.

...Прочитал «Верю»; я не знаком с опереткой, но думаю, что лучше ее описать нельзя; замечательно хороша характеристика, которую С.-Ц. дает своей будущей жене. Вообще этюд – великолепный... То, что я прочел сегодня, заставило меня еще выше ценить Сергеева-Ценского, как художника. Замечательна объективность при крайне субъективных приемах описания! Получил сегодня три письма от 5–9-го чисел. Одно от В., два от матери. Вечер облачный.

17 июня. Четверг

Если бы я вздумал написать нечто вроде рассказа и начал бы описанием сегодняшнего утра, первые строки были бы такого рода: «Стояла глухая

тоскливая серая петербургская осень. Июнь перевалил уже за середину...» Да, петербургское осеннее утро – это нечто специфическое. Мне вспоминается, как поезд медленно подходит к мокрой платформе Николаевского вокзала. Я – еще гимназист четвертого или пятого класса. Холодный шумный серый вокзал. Потом извозчик, – морозящий с грязно-серого неба мелкий дождь, и улица – тоже грязно-серая, как будто искусственно обесцвеченная ядовитыми реактивами, так что сохранился лишь желто-серый цвет. В этом только и была для меня столица. А впереди еще – гимназия – точно символ всего серого, холодного, казенного... А вчера были еще леса в ярких осенних красках, простор полей... Сегодня я вспомнил эти далекие впечатления.

Прочитал сейчас «Скуку» Сергеева-Ценского. Можно смеяться, читая самые ужасные драмы Расина, даже Шекспира, но от такого рассказа, я думаю, всякая живая душа прямо в клочья изорвется. Написать этого не мог бы ни пьяный Куприн со своими «ямами», ни даже Л. Андреев; а неудачный «Окуров» Горького кажется чуть ли не фальшью рядом с «Сомовым»... Тема, конечно, не новая в русской литературе наших дней. Кроме С.-Ц., весьма удачно она взята Арцыбашевым («Бунт») и Чириковым («Танино счастье», «Именинница»). Я не знаю, быть может, окружающая обстановка причина тому отчасти, но на меня «Скука» произвела ужасное впечатление.

...День этот, по обыкновению, отмечен светлым пятном – свиданием. Приходил отец. В настроении все чередуется глухая спячка и музыка в душе.

19 июня. Суббота

Сегодня исполнился месяц моего пребывания под этим кровом. День, в общем, солнечный; небольшие облака. Около пяти часов прошла над головой небольшая градовая туча, прошла при ярко-солнечном свете; был один порядочный раскат грома. А сейчас опять чисто, опять белые облака, плывущие по чисто-синему небу. Тепло. Пахнет зелению, но скудно... А на душе какое-то тупое и бесцветное ощущение, напоминающее тошноту, но еще более тусклое. Синева неба кажется какой-то фальшью, подделкой; а запах зелени почему-то напоминает дешевые и пахучие леденцы (быть может, из-за примесей). И небо, и зелень не те, что там, в лесах или на озерах.

21 июня. Понедельник

Медленно тянутся длинные, однообразные дни. Это однообразие напоминает медленные скучные капли осеннего дождя, падающие с крыши. А день сегодня летний, солнечный, сияющий... «Тоскливый стон измученной души он в музыку искусно претворяет», вспоминается отрывок из «Человека» Горького. Да, бывает такая тоска; но есть и другая – тупая, блеклая, чуждая всякой музыке. Моя тоска относится ко второй категории и

лишь временами на душе вспыхивает что-то яркое. То, что я вижу, кажется мне как бы отделенным от меня каким-то грязным и тусклым стеклом. А небо сегодня безоблачное и какое-то особенно синее... Дочитал сборник рассказов Крюкова. Хорошо написано «К источнику исцелений»; впечатление остается гнетущее и беспросветное. Вспомнил по этому случаю рассказ бабы на вагонной площадке в «Скуке» Сергеева-Ценского. Решительно не понимаю, как Горький может восторгаться в «Исповеди» этой ужасной безнадежной темнотой и тупостью... Много ценного в этой книге Крюкова.

22 июня. Вторник

Небо опять безоблачное и чистое-чистое. Хорошо, вероятно, сейчас сидеть над каким-нибудь маленьким прудом и наблюдать кипящую жизнью воду. В воздухе какая-то особенная свежесть, чистота. Слегка пахнет душистым тополем. Чуть слышно шелестит трава. А в неглубокой воде – огромный и сложный мир. Ежеминутно выплывают на поверхность проворные головастики; коснутся зеркальной поверхности воды и так же быстро убегают на дно. Красной лентой проплывает черная пиявка. Среди стеблей водяных растений медленно скользят среди водяных растений большие брюхоногие моллюски. Если сорвать из воды светло-зеленый стебель, на нем засверкает, точно драгоценное изделие из горного хрусталя, икра такого моллюска. Неподвижно замер жук-плавунец, касаясь воздуха своим черным хитиновым покровом; там, внизу, охотятся его хищные личинки. А если присмотреться поближе, откроется еще новый мир – крошечные низшие ракообразные... Долго можно смотреть в эту живую воду и открывать в ее тайниках все новые и новые жизни. А что даст потом поддетая склянкой лента водорослей под микроскопом! Светлое небо ласково отражается в зеркальной поверхности воды... А теперь... В голове точно свинец.

23 июня. Среда

Вчера, после свидания, я принялся за чтение первого тома рассказов Олигера. Сегодня продолжаю. Если бы в сырое и темное подземелье внезапно проник радостный трепещущий луч весеннего солнца, он произвел бы там такое впечатление (не на мокриц, разумеется), какое вынес я от этой книги с первых страниц ее. Я вспомнил, как один мой знакомый (по Коломенской части), припоминая имя этого беллетриста, говорил: «Этот, совсем молоденький, зеленый... Птенец... Как бишь его?.. Олигер!» Именно молодостью, чем-то весенним, чутким, непосредственным веет от этих рассказов.

24 июня. Четверг

Сегодня на свидание пришла и мать. Очень тепло и душно на воздухе. То солнце, то дождь. Ветер. Часу в пятом гроза...

Дочитал сборник рассказов Олигера. В великолепно удавшемся рассказе «На краю степи» автор показал себя, между прочим, и наблюдательным этнографом: киргиз как обрисован! Точно то же могу сказать и про «Искушение», и про «Нашу аму»: в памяти живо воскресают образы владивостокских китайцев. Между прочим, припомнил своего камчатского знакомого, которого, как и героя «Искушения», звали И; знакомство было кратковременное, но он хорошо сохранился у меня в памяти. И вот, прочитавши эти два рассказа, я как будто короче познакомился с наивной, прямо-таки детской душой того же китайца-повара И, с которым беседовал на берегу Авачинской губы.

...Сегодняшнее свидание все-таки внесло некоторое разнообразие в утомительную монотонность моей жизни.

25 июня. Пятница

«Гаснут один за другим долгие, серые дни...» С утра шел дождь. Днем переменчиво. Вечер безоблачный. Прочел какой-то исторический роман из русской жизни первой половины восемнадцатого столетия. Книга, изготовленная в 1889 году двумя классическими учреждениями: редакцией «Родины» и типографией «Петербургской газеты»; этим в сильной степени характеризуется ее дидактическое содержание... Знакомлюсь с книгой Дюкло о Пастере.

29 июня. Вторник

Вот и Петров день. Никогда я не думал, что его можно проводить при такой обстановке. Это ведь охотничий день, и встречаешь его обыкновенно среди шелестящих тростников, на тихой речке, на озере или на непролазно вязком болоте с зеркальными синими омутками; на диком просторе, далеко-далеко от всяких стен...

День тихий, ясный. Небо сегодня чистое, синее. Но все это не то: и небо, и тишина, и солнце, и зелень... Вспоминается отрывок из какого-то стихотворения, вышедшего, очевидно, из-под пера горожанина:

Я не знаю, как вечер рождается в поле,
Как алеют цветы среди нескошенных трав,
И как воздух под сенью вечерних отрав
Замирает от радостной боли.
Я отвык от нездешней, от той тишины,
Что под вечер царит над родным перелеском,

Вся сливаясь с далеким серебряным плеском
Задремавшей в овраге весенней волны.
Я боюсь, я не знаю вот этой луны –
С неподвижным и мертвенным блеском...

Е. Тарасов, 1903 г.

1 июля. Четверг

День солнечный. Пришлось мне несколько раз за последние дни испытывать ни с того ни с сего какой-то неосмысленно радостный подъем настроения. Точно проснулся спавший сотни лет богатырь-певец и дерзкой рукой ударил по своим заржавевшим гуслим звончатым. Взовьется бодрый аккорд и сейчас же глухо упадет, встретив свод из могильной земли... Или, бывает, смотришь в окно вагона и видишь черную, беззвездную осеннюю ночь. Черной, страшной стеной с причудливыми зубцами мчится перед глазами обступивший полотно еловый лес; и огненным дождем сыплются и тонут безвозвратно в этой душной чаще яркие искры от паровоза. Мчатся в воздухе золотые искры, догоняют вершины елей сказочно-дремучего леса и умирают бесследно. В вагоне чуть светит унылая одинокая свечка. А там, за окном, кроме искр – сплошная жуткая тьма; только небо чуть-чуть светлее леса. Жил когда-то в этой чаще страшный старик – Леший; носилась на ступке злая Баба-Яга; кричали кикиморы там, дальше, на моховом болоте; а на озере, среди болота, пели красавицы-русалки... А теперь нет ничего: все умерло или выцвело. Умерло и гниет медленно; тяжел и душен, вероятно, там воздух от этого гниения, тяжел и холоден. А что не умерло, то совсем состарилось, сделалось уродливым, выцвело, гниет заживо и хрипит в предсмертном кашле – где-то в стороне... Убежала подальше от полотна, подальше от огненного трехглазого паровоза. Падают светлые искры – большие и маленькие – и задыхаются в душной мгле. Уносится с железным грохотом поезд, и остается только повисший мутной пеленой над болотом дым... Дым проползет через болото, окутает лесистый кряж в пустоши; а в чаще что-то захрипит и закашляется от этого непривычного дыма; будет кашлять до зари, пугая пожилых прохожих, призывающих крестную силу и шепчущих заклинания. А железный Трехглазый и не узнает об этом: перед ним уже зеленые, красные огоньки станций... Такой лес, между прочим, описывается в статье Полякова по этнографии Олонецкой губернии. Статья, в общем, очень интересная.

Постскриптум

Я отрезан от мира цепями застав.
Я давно позабыл очертания воли.
Я не помню, как вечер рождается в поле,

Как алеют цветы средь нескошенных трав
И как воздух под сенью вечерних отрав
Замирает от радостной боли.
Я отвык от нездешней, от той тишины,
Что под вечер царит над родным перелеском,
Вся сливаясь с далеким серебряным плеском
Задремавшей в овраге весенней волны.
Я боюсь, я не знаю вот этой луны –
С неподвижным и мертвенным блеском...
Я не вижу улыбки весеннего дня.
День и ночь надо мною тяжелые своды.
Здесь сильнее, чем на воле, ревет непогода,
В переплете решетки проклятьем звеня.
Даже ночью, во сне, избегают меня
Мимолетные грезы свободы!..

Стихотворение Е.Т., в котором я нашел одно из своих настроений, относящееся ко времени заполнения этой тетради.

Личное дело С.Н. Поршнякова (из материалов Боровичского отдела народного образования)

В методическом отделе комитета образования Администрации Боровичского муниципального района хранится личное дело С.Н. Поршнякова периода 1923–1924 годов¹. Материалы столетней давности, относящиеся к личности героя книги, не могли не заинтересовать.

Оказалось, в деле присутствуют и документы 1920–1922 годов. Среди них – несколько анкет и опросных листов Поршнякова для отсрочки от призыва в армию. Военскую повинность он отбывал с начала 1916 по 1918 год. К Ровенскому военному прикреплён на учет со снятием из списков Боровичского военкомата 3 марта 1923 года, личная карточка № 15, военная категория № 40. На поверочный сбор являлся в Боровичах 1 ноября 1920 года.

Из документов следует, что в это время он с семьёй проживал в городе Боровичи на ул. Московская, д. 21. Родился 7 февраля 1889-го, окончил курс университета, беспартийный, родом из дворян, к сословию не принадлежал, недвижимости своей не имеет. Семья занимается крестьянским хозяйством, он сам 6 лет служит в УОНО инструктором.

Каждый раз Поршняков получал отсрочки от армии, причина всегда одна: «тов. Поршняков является единственным и незаменимым внешкольным работником и лектором при Политпросвете». Среди сухих архивных документов, сообщающих даты, цифры, факты, встретились и материалы, ярко характеризующие эпоху, быт, отношения между людьми.

«В виду того, что лошадь инструктора С.Н. Поршнякова служит ему (уже пятый год) для выполнения всех служебных разъездов, и что в ближайшие дни ему необходимо приступить к объезду волостей, О.Н.О. просит об освобождении от труд-гужналога инструктора ПОРШНЯКОВА вместе с лошадью» (из ходатайства отдела образования от 1 июня 1922 года в Боровичский отдел труда).

Другой желтый выгоревший листок 1921 года свидетельствует, что мать и отец Сергея Николаевича, жившие врозь, сохраняли теплые родственные отношения. В заявлении от 18 августа 1921 года в Отдел народного образования при Боровичском Совете рабочих, крестьянских и солдатских

¹ Личное дело Поршнякова Сергея Николаевича. Начато 23 декабря 1923 года, окончено 31 декабря 1924 года, на 33 листах. Боровичский городской отдел народного образования (Гороно).

депутатов Поршняков пишет, что мать уехала в Петроград к отцу, заболевшему тяжелой формой дизентерии. И в связи с тем, что на дворе «страдное время кончающегося сенокоса, ярового, обмолота ржи, пахоты и сева», просит продлить отпуск (в счет очередного) на возможный срок. «За время службы моей в отделе я использовал лишь 1 неделю очередного отпуска и 2 недели внеочередного». В конце заявления он пишет, что «истекшие 2 дня (т.е. 16 и 17 авг.) я сопровождал экскурсию Геологического Комитета Республики в районе порогов Гверстка и Путлино».

Интересна своей подробностью справка, потребовавшаяся Поршнякову для предоставления в Мандатную комиссию Ленинградского индустриального института, куда направлялась заводом «Электроприбор» его дочь Зоя, в том, что он

«1) 30 мая 1907 года окончил Петербургскую гимназию (аттестат зрелости за № 985);

2) в июне 1907 года принят в число студентов Петербургского университета (свидетельство от Университета от 14/ХІІ–1915 г.);

3) в мае 1910 года был арестован по делу подпольной социал-демократической типографии, арестованной у боровичского горнорабочего А.В. Щипцова, и привлечен к суду по 102 статье (копия обвинительного акта, составленная товарищем прокурора Петербургской судебной палаты Васильевым 9/Х–1911 г.);

4) 19 апреля 1912 года приговорен судебной палатой по 164 ст. к заключению в крепость на три года с зачетом предварительного заключения (копия приговора, подписанная “За секретаря” С.-П. палаты Павловым);

5) по отбытии заключения в сентябре 1913 года вторично принят в университет и в 1915 году сдал все установочные испытания по естественному отделению физ.-мат. ф-та (вып. свидет. от 14/ХІІ–1915 г. за № 4260, подпис. деканом фак-та В.М. Шимкевичем);

6) в 1916 году прослушал курсы синоптики и практической метеорологии Гл. Географической обсерватории (удостоверение от Гл. Воен.-Мет. управления от 10/V–1916 г.);

7) с середины мая 1916 г. до февр. 1917 г. включительно был солдатом Первой авиационной роты в чине рядового, а с марта 1917 г. и до мобилизации из старой армии – также на положении низшего чина – на Южном полигоне Гл. Артиллерийского Управления, где заведовал метеорологической станцией.

С 1 апреля 1918 года Поршняков состоял инструктором Боровичского отдела народного образования (справка Бор. отдела нар. обр. от 22/ ХІІ–1923 г. № 2360), а с 5 марта 1924 года переведен на должность уездного инспектора просвещения (извещение от Бор. ОНО за № 3662); с сентября 1927 года перешел на заведование краеведческим музеем, остается на этой работе и в настоящее время.

Ведет общественную, педагогическую и научную работу. Зарегистрирован в секции научных работников (удостоверение от Лен. обл. отд. СНР за № 15932).

Все изложенное на основании проверенных мною документов удостоверяю.

Зав. Гор. ОНО. Подпись. 26/IV–1935 г.»

* * *

Из документов можно узнать об исследованиях, над которыми работал Поршняков до прихода в краеведческий музей, а также – на каком уровне решал поставленные перед ним задачи. В своем ходатайстве от 4 января 1922 года инспектор по экскурсионному делу Поршняков пишет: «В связи с данным кружку заданием по изучению местной природы – для организации Музея природы в Боровичах – представляется необходимым командировать в Петроград для выяснения ряда возникших в процессе работы вопросов члена кружка П.В. Верещагина. В задание командировки вошло бы посещение ряда музеев и других научных учреждений, использование некоторой литературы Публичной библиотеки, получение указаний от специалистов в области музейной и экскурсионной деятельности с последующим докладом в кружке».

В 1923 году Поршняков хлопотал перед Главной физической обсерваторией о восстановлении в Боровичах метеорологической станции, ездил в Окуловский район на обследование усадьбы, где родился известный путешественник и этнограф Николай Николаевич Миклухо-Маклай.

Сергей Николаевич вел курсы для школьных и внешкольных работников в качестве лектора – в Новгороде, Крестцах, Боровичах и уезде.

В личном деле хранятся письма от учительских коллективов района с самыми лестными характеристиками Поршнякову, как человеку, «преданному делу народного образования, много хорошего и полезного давшего учителям волости в области педагогики и самообразования». «Потеря такого идейного руководителя может вредно отразиться на общей работе учителей», – пишут педагоги Великопорожской школы в феврале 1924 года и ходатайствуют об оставлении Поршнякова руководителем их ячейки Р.С.П.

Свою озабоченность в связи с переходом Сергея Николаевича на инспекторскую работу, выражают и педагоги Новоселицкой волостной ячейки работников просвещения. Они характеризуют его как «научного методиста, до глубины души преданного своему делу вполне бескорыстно, умеющего создавать и направлять по руслу времени и требованиям современной школы работу учительства».

К моменту прихода в музей Поршняков, несомненно, обладал солидным авторитетом и имел большой опыт внешкольно-просветительской и школьно-экскурсионной деятельности.

СЕМЬЯ

Сергей Николаевич Поршняков и его предки

В Музее истории города Боровичи и Боровичского края хранится документальная коллекция из семейного архива деда С.Н. Поршнякова, тайного советника М.К. Линденбаума. В ней – документы конца XVIII – 1870-х годов: списки принадлежавших некогда деревень, свидетельство палаты гражданского суда Владимирской губернии об имении коллежского советника К.И. Линденбаума (1821 г.), купчие крепости, письма, прошения, квитанции, выписки из ревизской сказки, квитанции, императорские указы о назначении и т.д.

Самым ценным и содержательным документом в этом архиве является «Дневник», в котором изложена судьба не только отдельно взятой семьи, но и освещены главные события, происходившие в России на протяжении трех десятилетий. Если добавить к этому страницы, где Линденбаум вспоминает ранние свои годы, то фоном этой истории служит весь XIX век: Михаил Карлович родился при императоре Александре I, а умер к началу правления Николая II.

* * *

Действительный статский советник М.К. Линденбаум завел дневник во время своей службы в Оренбурге, в 1865 году. На его страницах он коротко изложил историю своих родителей:

«Маменька – дочь полковника Устьянцева, о котором мне известно только то, что он был комендантом в Тюмени и успешно действовал против Пугачева. У него был один сын – Василий Андреевич, которого я знал по бывшему у нас портрету его, но он умер до моего рождения в Смоленске, где командовал гарнизонным батальоном (он не был женат). Дочерей было три: старшая, Марья Андреевна, очень некрасивая девица, жившая с братом в Смоленске, потом приехавшая в Петербург, где скончалась в доме моей матушки, кажется в 1834 году. Вторая – Анна Андреевна <...> и младшая – матушка моя – Елизавета Андреевна. Обе последние были очень хороши собою. Все три, по смерти отца, жили с матерью (которой я тоже не знал) в Петербурге, в собственном деревянном доме на Васильевском острове. Матушка вышла замуж 22 лет, в 1797 году, когда мой отец служил в Кавалергардском полку. Брак этот был чисто по любви. Оба были по летам ровесниками, и чуть ли отец еще не был несколько моложе матушки.

Когда отца моего из Кавалергардского полка перевели в Лейб-Гусарский полк, стоявший и тогда в Царском Селе и окрестностях, при Императоре Павле, то она была там из числа очень замечательных дам — по красивой своей наружности; она ездила бойко верхом и отличалась умением одевать-

ся со вкусом. Крепко приглянулась она бывшему тогда Великим Князем Александром Павловичу и даже получала от его приближенных такие намеки, которые заставили ее избегать встречи с этим известным сердцеедом. Матушка рассказывала, что служба тогда была вполне по пословице: “Близ Царя – близ смерти”. Каждый раз, когда отец ехал на развод или на парад, матушка прощалась с отцом моим со слезами и страхом великим, потому что были случаи неудовольствия Государя, имевшие последствием отправление прямо с развода офицера в Сибирь. Я помню, как сам отец рассказывал, что опоздав несколько к какому-то выходу и подъезжая к дворцу, он услышал от стоявшего на балконе Государя такое приветствие: “Скотина!” Еще матушка рассказывала вот какое происшествие: отец, командуя эскадроном, стоял на Графской Славянке (теперь Царская Славянка), принадлежавшей графине Самойловой. Кучер отца по неосторожности, находясь в конюшне со свечою, зажег конюшню, и большая часть селения сгорела. Тушить пожар было трудно, потому что улица была покрыта досками вместо мостовой, и эти доски горели. Государь приказал посадить отца моего за это в крепость, что в Павловске, где он просидел целую неделю, но был освобожден. Потом отцу моему и еще, кажется, двум полковникам <...> пожалованы были вотчины. По 100 душ каждому во Владимирской губернии, а затем предложили им Армейские Кирасирские полки. Отец мой получил Орденский, а потом Малороссийский Кирасирские полки. У матушки моей уже было двое детей: мой старший брат и сестра Елизавета Карловна, которая родилась в Стрельне, где отец мой с эскадроном лейб-гусаров был по какому-то случаю, и родилась двумя месяцами ранее срока, потому что матушка испугалась. Великий Князь Константин Павлович очень близко от ее комнаты забавлялся стрельбою из ружья в окно.

И так родители мои вместе с двумя маленькими детьми, вместе с Орденским полком странствовали в Польше, и там у них родился (в м. Зельбах) мой второй брат, Сергей Карлович. В компании 1807 года матушка с полком странствовала по Германии, видала все ужасы войны на местах боищ. Отец мой был ранен под Прейсши-Эйлау пулею в бок навывлет. Потом они воротились в Россию и стояли в Орловской губернии, где помещичье самодурство и транжирство было во всю пуцу. Жили весело, вдаль не смотрели, проматывали огромные состояния и думали исключительно о веселии. Матушка щеголяла, но была мастерица сама, своими руками готовила себе такие туалеты, что все любовались. Во время службы отца управляющим Кронштадтскою таможеню она сильно хворала. Ревматизм и раны на ногах приковали ее к дивану так, что она почти два года не покидала его. Впоследствии она всегда с особенною благодарностью к лечившему ее доктору Франку вспоминала, как он добросовестно ее лечил и вылечил совершенно. Натура ее была богатая, все выдержала, только в последний год жизни она почувствовала старческую слабость, но до самого последнего времени сохраняла свежесть духа и память, любила читать, музыку, театр и интересовалась всеми современными событиями. Я был женихом, когда она скончалась, и ей не довелось хорошенько узнать мою Александру Андре-

евну, но она уже почувствовала к ней влечение и, если б не предсмертная болезнь, то, без сомнения, сильно привязалась бы к ней; она любила говорить со мной о моей невесте и принимала самое сердечное участие в ея ощущениях по случаю предстоявших брака и новой жизни».

Поскольку Карл Иванович с 1803 года был командиром 13-го Драгунского военного ордена генерал-фельдмаршала Миниха полка, его имя можно найти в истории полка, составленной полковником А. Григоровичем (1912). Замечательно, что в книге есть иллюстрации, в числе которых рисунки К.И. Линденбаума, его силуэт на медальоне и факсимиле (т.е. автограф полковника Линденбаума). В тексте его имя встречается в связи с двумя неординарными эпизодами.

В 1800 году с Карлом Ивановичем произошла трагическая, но в то же время забавная история:

«На одном из смотров император Павел I, особенно отличивший полковника Линденбаума своими похвалами, послал за ним ординарца. Прискакавший по вызову Линденбаум остановил разгоряченного коня в нескольких шагах от императора. В это время порыв ветра перебросил пень с губ лошади на мундир и лицо Павла. Гнев государя был так велик, что он велел ссадить Карла Ивановича с коня и тотчас же отправить в ссылку в Сибирь. Но, как известно, гнев Павла не был продолжительным. Через несколько дней он “сменил гнев на милость” и, учитывая многочисленные боевые заслуги Линденбаума, повелел догнать колонну ссыльных и вернуть опального полковника на службу. А в знак признания его заслуг, даровать в потомственное владение ближайшее поселение, от которого колонна ссыльных будет находиться. Посыльный догнал колонну вблизи села Ветельница Гороховецкого уезда Владимирской губернии. Так, по Высочайшему повелению, село Ветельница со всеми его жителями в количестве 100 душ стало потомственным именем Карла Ивановича Линденбаума».

В другом сохранившемся эпизоде уже сам полковник предстает в роли самодура:

«Полковник Карл Иванович Линденбаум, прокомандовавший полком шесть лет, 12 апреля 1809 года переведен в Малороссийский кирасирский полк. Определенного указания на причину перевода полковника Линденбаума не имеется; не был ли вызван таковой следующим случаем? В Ошмянах, штаб-квартире полка, полковником Линденбаум был устроен вечер; кроме офицеров полка и соседних помещиков, были приглашены лица местной администрации. Ошмянский земский комиссар Высоцкий, так же получивший приглашение, не явился. Карл Иванович, получив сведение, что комиссар демонстративно “не исполнил его желаний”, арестовал Высоцкого на три дня. Вынужденный отбыть наказание Высоцкий обжаловал самоуправство полковника Линденбаума; по Высочайшему повелению в формулярный спи-

сок полкового командира был внесен “на замечание поступок с ошмянским земским комиссаром”».

Из послужного списка Карла Ивановича:

в 1797 году переводится в Лейб-гвардейский гусарский полк;
в 1799 году произведен в ротмистры, а в 1800 году – в полковники;
в 1801 году переведен в Кирасирский военного ордена полк, а в 1809 году – в Малороссийский кирасирский полк;
в 1805 году был в армии Беннигсена; в 1806 и 1807 годах при Голимине, Алленштейне, Вольфсдорфе, где 24 мая при деревне Петерсдорфе он был ранен пулей в правый бок на вылет, 28 мая – под Гутштатом, 29 мая – под Гейльсбергом и Фридландом;
в походе 1809 года был в Галиции;
23 октября 1811 года по болезни уволен со службы.

Известно, что по завершении военной карьеры Карл Иванович был директором Кронштадтской таможни. Год его смерти неизвестен, но в начале 1830-х годов Елизавета Андреевна Линденбаум писалась «вдовой, коллежской советницей». В семье было три сына и две дочери: Павел, Сергей, Михаил, Елизавета и...

* * *

Михаил Карлович Линденбаум, родившийся 9 октября 1813 года, был младшим в семье. Он окончил Высшее и Артиллерийское училища (в 1828, 1830-х гг.), после чего искал себя «в литературе» (первая часть «Дневника», где, по-видимому, автор поведал о своей юности и о первых литературных опытах, не сохранилась). С 1838 года Линденбаум служил в Военном министерстве – в Приватной канцелярии П.А. Клейнмихеля.

В 1839 году он женился. Супруга Александра Алексеевна (в дев. Поршнякова) родила ему пятерых сыновей, которые умерли в младенчестве, и дочь Елизавету. Будучи предрасположенной к чахотке, Александра Алексеевна умерла в 1851 году.

С 1842 года Линденбаум управляет Канцелярией казенной палаты, в 1845 году служит в Комиссариатском департаменте военного министерства, с лета 1846 по 1855 год – начальником Канцелярии департамента военных отчетов государственного контроля, а затем – обер-контролером со стороны Государственного контроля при Главном Штабе Его Императорского Величества по военно-учебным заведениям. Сохранилась Грамота Его Императорского Величества коллежскому ассессору, Правителю Канцелярии контрольного департамента военных отчетов М. Линденбауму о награждении знаком за пятнадцатилетнюю «беспорочную службу для ношения на Владимирской ленте» (22 августа 1950 г.)

В 1856 году надворный советник Линденбаум вступил во второй брак. Его жена Александра Андреевна – дочь профессора-богослова Андрея Ивановича

ча Райковского¹, родила четверых детей: Андрея (1857–1858), Сергея (1860–1881), Александру (1862–1880) и Ольгу (1865–1927).

В 1862-м статский советник М.К. Линденбаум назначается управляющим делами Совета о военных учебных заведениях (приказ Его Императорского Величества № 22 от 27 мая 1862 г.). В 1863 году его переводят из статских в действительные статские советники (приказ № 7 от 10 февраля 1863 г.). В начале 1865 года Михаил Карлович с семьей уехал в Оренбургскую губернию, где ему предложили службу. Здесь он жил до болезни Александры Андреевны, которую перевез сначала в Ригу, затем в Женеву, где она умерла в 1869 году.

В 1870-м Линденбаум заключил брак с молоденькой «бонной» своих детей Антуанеттой Эдуардовной, швейцарской подданной, вернулся в Петербург и в ноябре этого же года вышел в отставку, получив следующий по табелю чин тайного советника. Вскоре ему предложили место директора Ремесленного училища, от которого он не отказался, так как ему, по собственному признанию, надо было поднимать детей. Петербургский климат не способствовал их здоровью, и Линденбаум стал подыскивать усадьбу в провинции. Выбор пал на усадьбу Ровное-Михайловское Ровенской волости Боровичского уезда, которую ее владелец, аптекарь Лютгенс уступил за 9500 рублей.

Лето и осень он провел в усадьбе и, как известно из «Дневника», выезжал в Петербург в декабре 1876 года и в конце января 1877 года. В один из этих приездов он встречался с братом мужа своей дочери Елизаветы – В.В. Комаровым. В 1860–1870-е годы, что можно проследить по «Дневнику», Михаил Карлович писал статьи на общественные темы, в частности – о военной реформе, в периодические издания, в том числе – в газету «Петербургские ведомости», основанную В.В. Комаровым в 1871 году. Кроме того, интересовался внешней политикой, прежде всего «восточным вопросом».

Последнее десятилетие жизни Михаила Карловича было омрачено болезнями и смертью любимых детей: Александры, Сергея, Елизаветы... В его «Дневнике» все чаще появляются размышления о смерти. Из газет он узнает о похоронах своих знакомых, сослуживцев, однокашников по Высшему и

¹ *Андрей Иоаннович Райковский* (1802–1860) родился в семье священника. Закончил Санкт-Петербургскую духовную Академию (1821), в которой до 1829 года преподавал гражданскую историю. С 1830 года – профессор богословия в Санкт-Петербургском Императорском университете. Преподавал догматическое и нравственное богословие, церковную историю и каноническое право, с 1850 года читал лекции по логике и опытной психологии. Служил в Исаакиевском и Казанском соборах Санкт-Петербурга. В 1842 году «за отлично-усердную службу по званию профессора богословия при университете» произведен в протоиереи и назначен членом столичной Духовной консистории и членом Духовного цензурного комитета, служил в различных комиссиях и комитетах. Известный духовный писатель, автор книги «Логика, описывающая механизм нашей мысли, ее формы и законы на основании здравого, христианством руководимого, смысла» (1857).

Артиллерийскому училищам. Он внимательно следит за реформами, перестановками в правительстве, трагедиями государственного значения, как-то: убийство Александра II, крушение поезда с императорской семьей и др.

Год смерти Линденбаума неизвестен (предположительно 1894 г.), последние записи «Дневника» датированы 1889 годом, годом рождением внука Сергея (Поршнякова). Последнему мы и обязаны тем, что имеем возможность держать в руках «Дневник» одного из деятелей пореформенной России, знавшего и пережившего многих великих своих современников.

* * *

На страницах дневника тайного советника сохраняются некоторые подробности сватовства Николая Михайловича Поршнякова к Ольге Михайловне Линденбаум – родителей С.Н. Поршнякова.

13 июля 1886 г. *«Свершилось: Олюся моя уходит от меня. Свадьба 30 числа – в среду, а после венчания они поедут в Черниговскую губернию (в имение жениха), откуда воротятся в конце августа, чтобы устроиться в Петербурге... Сегодня оглашение в церкви».*

20 июля 1886 г. *«Итак, 14-го я был уже в Петербурге и начал покупать – что следовало. Жара была утомительная. Но вот, среди этих забот, 16-го числа получаю я письмо о. Ионы и Олюшки о том, что венчанье не сможет состояться без разрешения Митрополита, потому что жених – брат моей первой жены, хоть и не матери Оли».*

21 июля 1886 г. *«Итак, я был сильно встревожен, хотя о. Иона писал, что Митрополит легко разрешает такие браки. Написал я немедленно просьбу и 17-го числа отправился с нею к Митрополиту. Он ехал в Синод и сказал мне, что предложит эту просьбу на разрешение Синода. Вечером того же дня я опять ездил туда, чтобы осведомиться о решении, но ничего не узнал. Между тем, сидя потом за чаем, припомнил обстоятельство, ниспровергающее все и делающее ненужным разрешение Митрополита: именно припомнил я, что отец Николая Михайловича был рожден до брака его отца, то есть деда Николая Михайловича. И вот я вечером 17-го отправился домой и, по приезде немедленно послал Митрополиту заявление о том, что новое обстоятельство, уничтожающее всякое законное родство между женихом и невестой, показывает, что мне и утруждать Владыку не следовало».*

22 июля 1886 г. *«Моя просьба Митрополиту изменила весь наш первоначальный план. Теперь предполагена свадьба в Москве, куда Антуанетта Ивановна с Олюсей уехали в субботу, 19 числа, и куда выедет из Петербурга жених наш завтра. Я поеду туда, вероятно, в воскресенье 27 числа, если получу уведомление, что свадьба решительно устроится 30-го числа. Венчание предполагается тотчас после обедни, чтоб молодые, позавтракав, успели*

Андрей Иванович Райковский – прадед
С.Н. Поршнякова (1850-е гг.)

Михаил Карлович Линденбаум – дед
С.Н. Поршнякова (1880-е гг.)

Дети М.К. Линденбаума
Александра, Сергей
и Ольга (сидит)
с бонной (1870-е гг.)

М.К. Линденбаум с женой Александрой Андреевной, сыном Сергеем, дочерью Елизаветой и зятем Л.В. Комаровым (1860-е гг.)

Усадьба М.К. Линденбаума Ровное-Михайловское (советское время)

Николай Михайлович Поршняков –
отец С.Н. Поршнякова (1870-е гг.)

Ольга Михайловна Линденбаум (в замуж.
Поршнякова) – мать С.Н. Поршнякова (1881 г.)

О.М. Поршнякова с сыном Сергеем (1890 г.)

Николай Михайлович Поршняков
(1880-е гг.)

Ольга Михайловна Поршнякова
(1880-е гг.)

Гимназист Сергей Поршняков
(1900 г.)

Сергей Поршняков – студент Санкт-Петербургского университета (1907–1908 гг.)

Члены Камчатской экспедиции (1908–1909 гг.). Первый ряд (слева направо): Л. Бэр, С. Поршняков; второй ряд: В. Савич, С. Конради, В. Комаров, А. Державин, Э. Бейзас; третий ряд: Е. Круг, В. Бианки, капитан парохода Ланшвагер, П. Шмидт

Владимир Леонтьевич Комаров в Камчатской экспедиции (1908–1909 гг.)

Мавра Федоровна Бочкова
(в замуж. Поршнякова, 1908 г.)

Сергей Николаевич Поршняков
(1910-е гг.)

Вообще об организации своей «Фронт» ^{Фронт} вспоминаю
с непростыми чувствами. Организм мой был, в общем,
^{зависимым} пропорциональным от получаемых мною посяг.
ков (и тогда, конечно, роль играю не государство, с которым
они связаны, - а нечто более материальное, «вещное»
мое). Вопрос о справедливости не было: то, что не
безопасно мне, маму, папу вредно... (Так и по-
лучаю то, плакала: «Спаси-помилуй папу маму,
папу вредно...») - было великой справедливости
Заруднагов сказать, что я любил больше: мамин-
ку или папаверну. Показу, что маминку: она бы-
ла не только - самой красивой, умной, образованной,
хорошей и справедливой во всем мире; слова ее были ве-
стой и исторической истиной. Иные в нашем доме, как
она, примери, так и так люди воспринимавшие меня -
были только организмом для нее благодетелью. Разом
в 30-е годы я отчаянно выкачал это С.Н.В. в какой-то фот-
лик: «Ваша еще еще так как шанце!» - и человек -
«Ваша когда меня заставила швыряться. - Как, что я
опытан и вышло заставляла меня бить за себя».

Страница из
“тюремных тетрадей”
С.Н. Поршнякова (1912 г.)

Владимир Леонтьевич Комаров –
двоюродный брат С.Н. Поршнякова
(1916 г.)

С.Н. Поршняков с одним из организаторов подпольной типографии
в Боровичах, встреча спустя 20 лет (начало 1930-х гг.)

М.Ф. Поршнякова (1910-е гг.)

С.Н. Поршняков (1930-е гг.)

Дети С.Н. Поршнякова (слева направо) Георгий, Зоя, Злата
с двоюродным дядей В.Л. Комаровым (1928 г.)

Здание Боровичского краеведческого музея им. М.А. Реппо
на набережной Октябрьской революции (1932 г.)

В одном из залов Боровичского краеведческого музея (1950-е гг.)

Студенты-геологи 3 курса геолого-почвенного факультета ЛГУ (20 декабря 1938 г.). Второй слева в предпоследнем ряду – Георгий Поршняков; третий справа во втором ряду – профессор М.Э. Янишевский

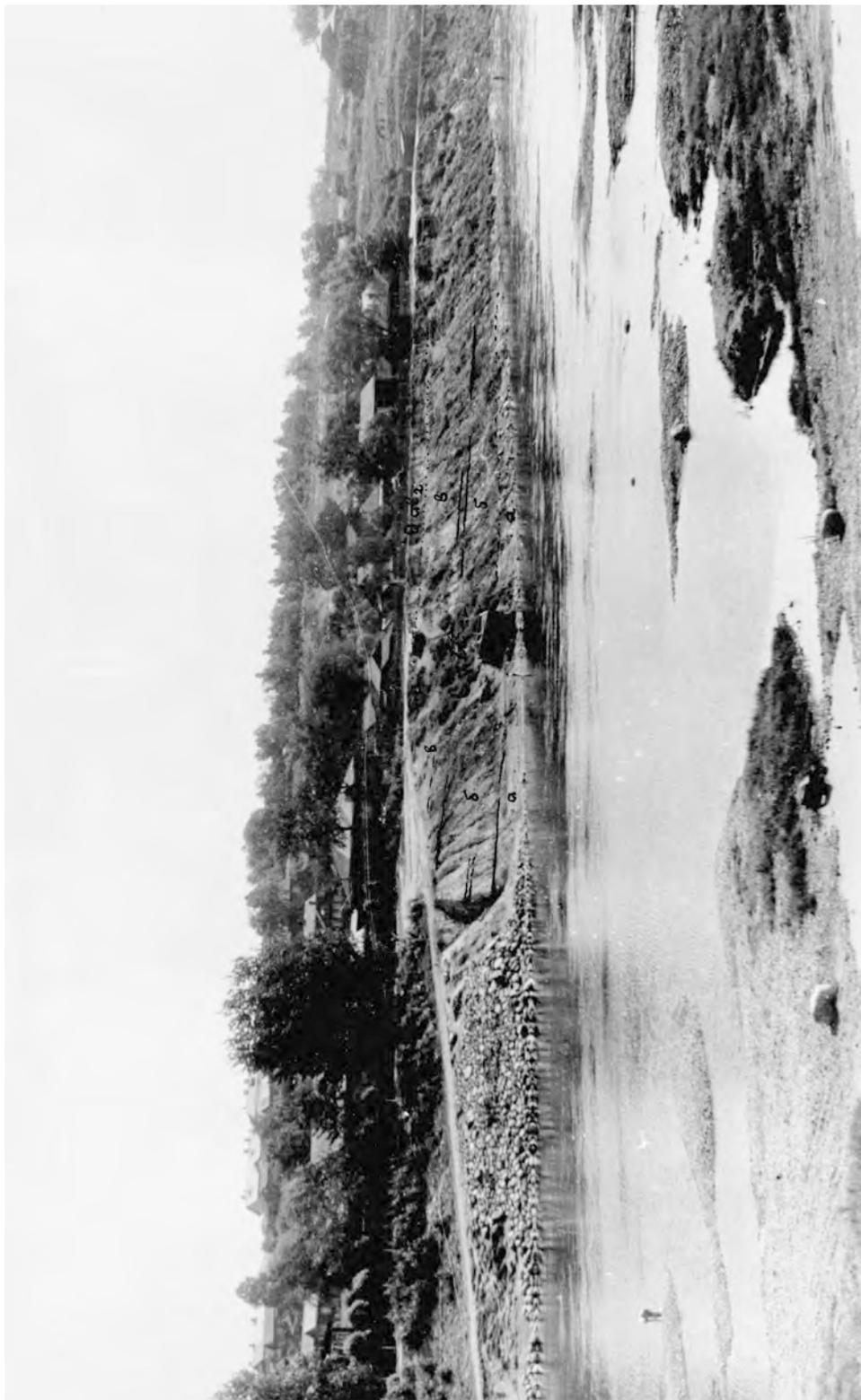
5
 Поздравлю с огордой.
 вичкой, окончившей Дуэ.
 - юрчкой дочкой. Трону
 поздравит ее и родителей.

1) Истерика а2 неслучается бывает разный
 около 10 мм или даже меньше. Например,
 в кв. 1395 (Болково) на пучках 121, 6-125, 7-м
 вкрат: пвк а1, мощность 0,8 см
 над ним глина - 2,6 см
 выше пвк а2 всего 0,4 см,
 выше около 6 м аллювий и пвк а4

Фрагменты писем Р.Ф. Геккера (вверху) и А.И. Осиповой (внизу) С.Н. Поршнякову

Палеонтологи А.И. Осипова, Т.Н. Бельская и Р.Ф. Геккер (1970-е гг.)

Обнажение пород нижнего карбона в Боровичах на правом берегу Мсты под Порожской улицей. Фото Г.С. Поршнякова (1960-е гг.)

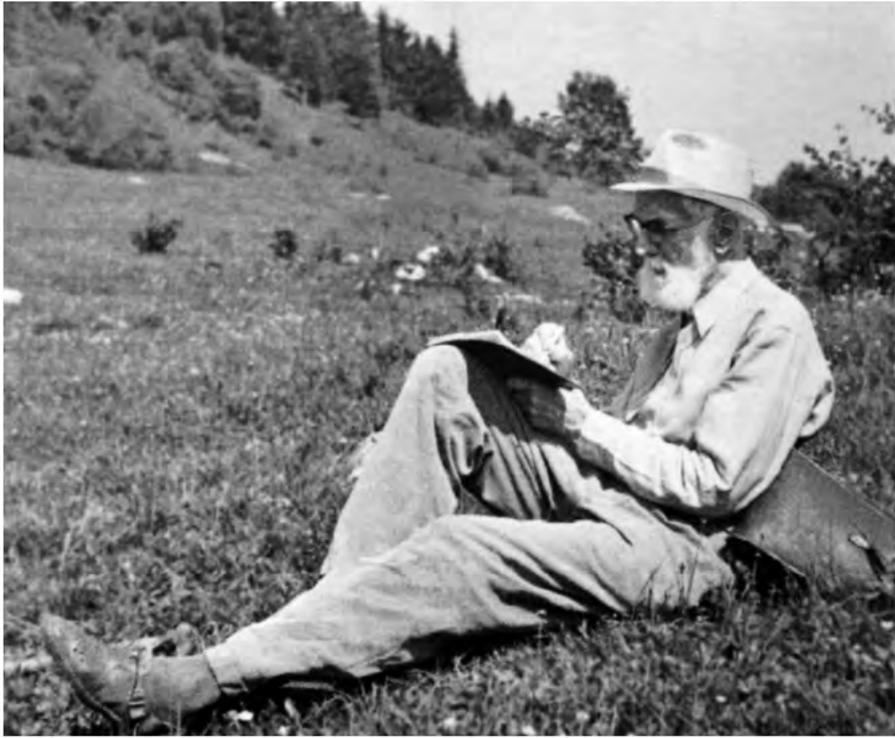
Георгий Сергеевич Поршняков
(около 1988 г.)

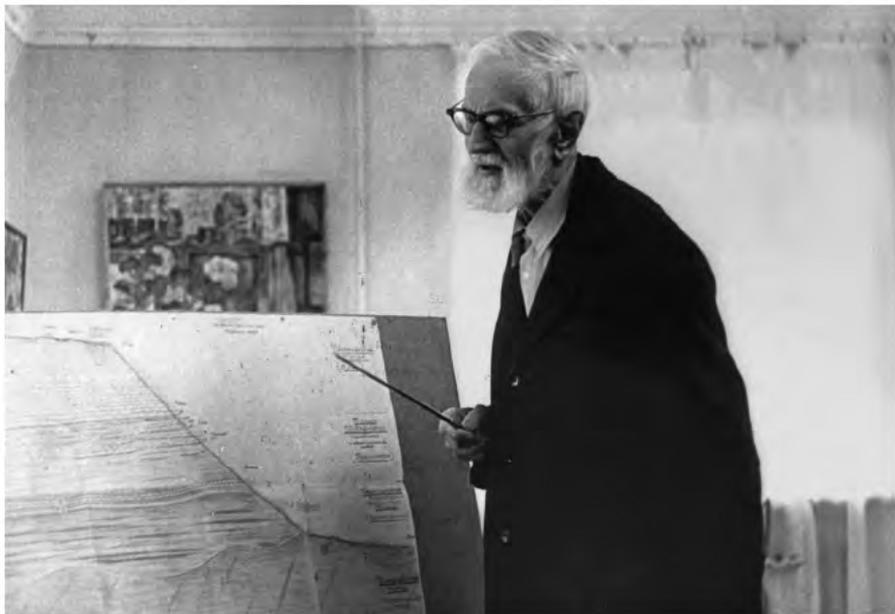
Монография Г.С. Поршнякова
(1973 г.)

Г.С. Поршняков (в центре) на полевых работах в Южном Тянь-Шане (1964 г.)
Слева – Ю.С. Бискэ, справа – А.В. Яговкин

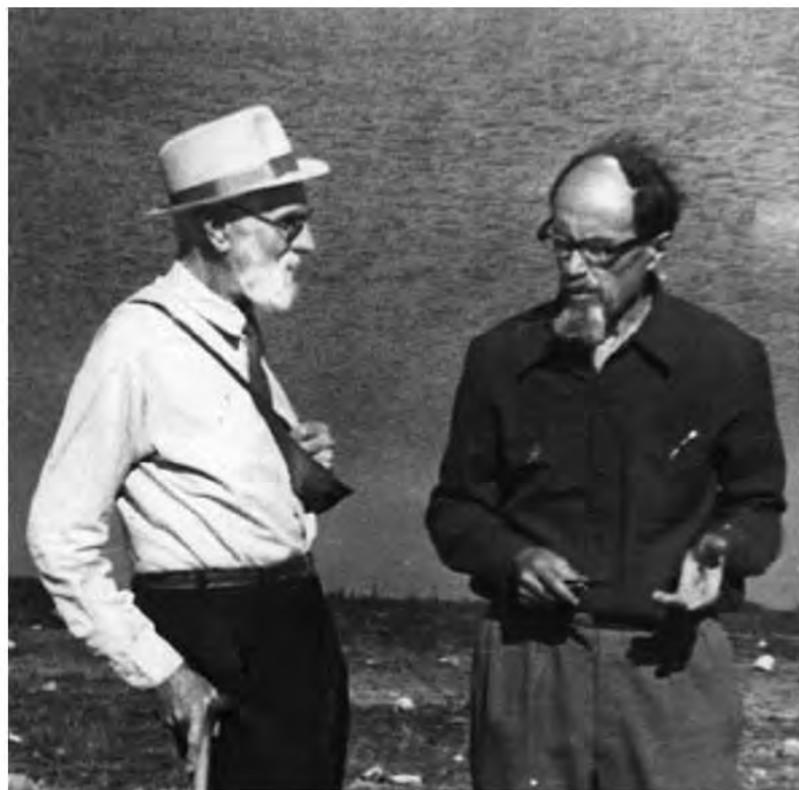
С.Н. Поршняков в поле (1970-е гг.)

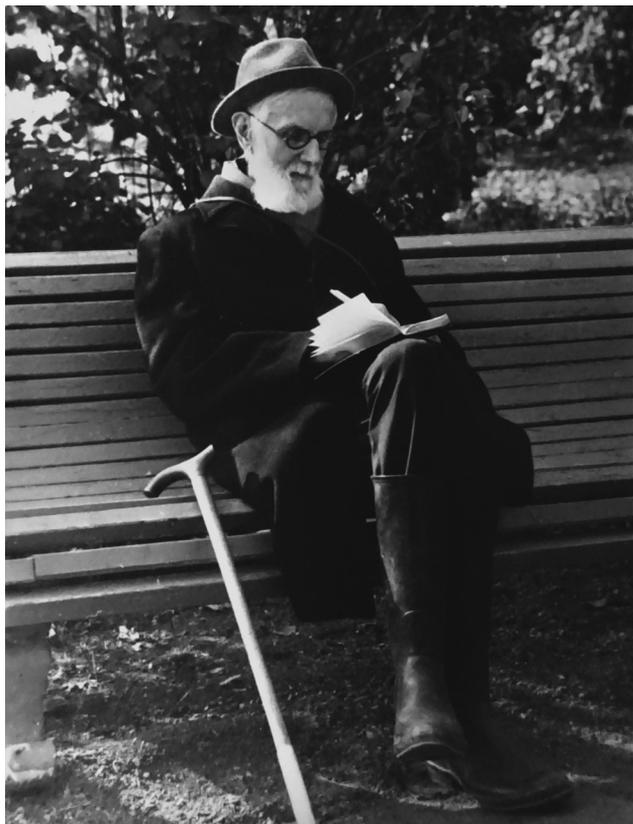
С.Н. Поршняков рассказывает о результатах своих геологических наблюдений (1970-е гг.)

С.Н. Поршняков
и К.В. Гарновский
(1970-е гг.)

С.Н. Поршняков со
своим другом –
ученым-географом
Д.Л. Армандом
(1970-е гг.)

С.Н. Поршняков на одной из своих научных прогулок

Боровичские краеведы (слева направо) Г.А. Александрова, З.С. Сорокина, Л.В. Подобед, В. Мартынова, С.В. Суханов (скульптор), Г.С. Поршняков, А.Д. Каршенек, Г.А. Каршенек, Н.В. Бочков, О.А. Линник, Т.И. Кузьменко, Б.К. Мошкова на открытии памятника на могиле С.Н. Поршнякова (Боровичи, начало 1980-х гг.)

выехать в Черниговскую губернию – в имение Поршняковых, как этого желает жених».

18 августа 1886 г. «Свидетелями бракосочетания были Шмиты – два брата и сын, Клеменц и я. Венчание происходило в церкви Андриана и Натальи, потому что священник этой церкви знакомый Шмита (у этого немца даже и русские попы есть знакомые в Москве) – и священник очень симпатичный, уже немолодой. Шаферами были, у Олюшки – Густав Шмит, а у Николая Михайловича – Клеменц. Благословляли мы с Антуанеттой Ивановной, как следует. По возвращении из церкви был благоприличный, хорошо изготовленный завтрак с хорошей выпивкой; потом молодые – в сопровождении почти всех присутствовавших, отправились на станцию Московско-Курской железной дороги».

«Николай Михайлович окончил курс медицинской академии... он, кажется, порядочный и милый молодой человек...»

* * *

Поршняковы. Долгое время мы не располагали никакими сведениями о предках Сергея Николаевича Поршнякова по мужской линии. Воспользуемся материалами, появившимися лишь недавно в интернете.

Отец Сергея Николаевича – Николай Михайлович, происходил из дворян Трубчевского уезда Орловской губернии. В прошлом это территория Великого Литовского княжества и – в XVII веке – Речи Посполитой. Поэтому, в справке о его брате Георгии Михайловиче указано, что «по данным материалов Литовской Метрики, род Поршнякова восходит к польско-литовскому дворянству 14 столетия». К сожалению, об этом роде не осталось никаких сведений. Известно только, что дедом боровичского краеведа был генерал-майор Михаил Алексеевич Поршняков (1805–1873) – сын Алексея Ефимовича и Евфимии Кирилловны. Найти его родословную, биографию, послужной список – дело будущего. Из интернет-ресурсов отчасти удалось составить представление о его семье. Генерал был женат дважды. Первой его женой стала представительница старинного дворянского рода Анненковых – Екатерина Епафродитовна. Родив единственного сына Алексея, она умерла молодой (в возрасте неполных 30-ти лет) в 1849 году. Второй женой Михаила Алексеевича была Александра Ивановна Глебова, от которой родились сыновья Николай, Александр, Михаил, Георгий, Сергей и дочь Ольга.

Немного известно о младших братьях Николая Михайловича. Сергей Михайлович Поршняков окончил Санкт-Петербургский университет (1889 г.), занимался общественной работой, некоторое время был предводителем дворянства Трубчевского уезда. Умер в 1914 году (его могила находится на погосте села Семячки Трубчевского уезда).

Другой брат, Георгий Михайлович (1868–1939) также оставил о себе в крае добрую память. Он окончил Санкт-Петербургский лесной институт, где получил профессию ученого-лесоведа. По возвращении на родину, стал служить «по гражданскому ведомству». В 1909 году он был избран на долж-

ность мирового судьи по Трубчевскому уезду. В 1917 году состоял в должности председателя Земской управы. А в 1921 году он возглавил бюро по изучению и устройству музея местного края. Сам музей имеет датой своего основания 1919 год, и Г.М. Поршняков стал его первым директором. В этом качестве он издал три выпуска своего научного труда «Целебные силы местной флоры», организовал археологическую и палеонтологическую экспедиции. В экспозиции музея тех лет были представлены археологическая коллекция – эпохи неолита и раннего железного века, а также палеонтологическая и естественно-научная коллекции (собраны Г.М. Поршняковым и сотрудником бюро Н.Н. Партанским). Незадолго до закрытия музея, Поршняков успел опубликовать две статьи: «О полезных ископаемых Трубчевского края» и «Сырьевые возможности флоры Брянской губернии», которые были напечатаны в III выпуске альманаха «Брянский край» (1928 г.) В 1930 году Поршняков, имевший дворянское происхождение, «сын царского генерала», был отстранен от работы в музее, который тогда же был закрыт (все его фондовые коллекции пропали во время немецкой оккупации).

Любопытной была судьба сестры братьев Поршняковых – Ольги Михайловны (в замуж. Головиной). Она родилась в 1856 году, проявляла интерес к медицине и общественной работе, прослушала женские курсы при Николаевском госпитале в Петербурге. Участвовала в качестве сестры милосердия в русско-турецкой войне 1877–1878 годов. Не миновала популярного в те годы увлечения революционными идеями. Была привлечена к дознанию, возникшему 13 марта 1879 года по делу о покушении на шефа Отдельного корпуса жандармов, генерала от инфантерии А.Р. Дрентельна (1820–1888), по обвинению в укрывательстве народовольца Л.Ф. Мирского, совершившего покушение. По Высочайшему повелению 30 июля 1880 года дело разрешено в административном порядке с высылкою ее из столицы под надзор полиции на пять лет и с ограничением места жительства. Ее мужем был Ипполит Алексеевич Головин, дворянский сын из Рязанской губернии, выпускник Петербургского технологического института, привлеченный к суду за участие в политическом процессе «193-х» и высланный в Тульскую губернию без права въезда в столицу. В дальнейшем он стал промышленником, основателем завода в д. Владычино (возле станции Лаптево Тульской губернии). Накануне Первой мировой войны на этом предприятии (в советское время переименованном в «Красный плуг») выпускалась в год 21 тысяча плугов, и было занято 190 рабочих.

* * *

В те годы дворянские семьи участвовали в жизни края: строили церкви, школы, больницы. Известно, что на средства И.А. Головина в д. Владычино была построена кирпичная школа с четырьмя классными комнатами. Точно так же Ольга Михайловна Линденбаум (Поршнякова) в начале XX века, и в последующие десятилетия была попечительницей (а затем – учительницей) в Ровенской школе.

О ее семейной жизни известно совсем немного. В 1886 году, когда ей исполнился 21 год, она вышла замуж за выпускника Медицинской академии,

Николая Михайловича Поршнякова. А после нескольких лет счастливого брака и рождения единственного сына Сергея супруги, как это становится известно по ряду воспоминаний, стали жить отдельно друг от друга. Ольга Михайловна летние месяцы проводила в боровичской усадьбе, а Николай Михайлович, по-видимому, предпочитал окрестности Петербурга. На сохранившихся фотографиях остался симпатичный образ столичного интеллигента, во многом повторившийся в облике его сына. Помимо фотографий, в семейном архиве сохранились его календарь для врача, визитные карточки, несколько медицинских книг и два документа: Приветственный адрес Санкт-Петербургского Общества врачебной помощи – Поршнякову Н.М. в день 25-летнего юбилея врачебно-педагогической деятельности (1906 г.) и его письмо жене (июль 1918 г.), из которого можно убедиться, что после более тридцати лет со дня свадьбы, Николай Михайлович обожал свою супругу.

* * *

Из всех вышеприведенных сведений о предках «знатного боровичского краеведа» можно обнаружить удивительное сходство его со многими из них. Как и сестра его отца, он поддался революционным настроениям и даже был осужден за участие в организации подпольной типографии. Как и отец (и братья отца) верно служил избранному делу. Дед Михаил Карлович передал ему литературный дар и страсть к ведению дневников. Подобно дяде Георгию Михайловичу, трубчевскому краеведу, он стал основателем музея. У матери, Ольги Михайловны, он перенял любовь и уважение к простой сельской жизни (равно как и к простым работающим людям). Он женился на крестьянской дочери из д. Ёгла, Мавре Федоровне Бочковой, и навсегда остался на берегах Мсты.

Использованные материалы

1. НГМ КП 31257. Дневник Линденбаума Михаила Карловича. 1865–1889 гг.
2. *Подобед Л.В.* Усадебная жизнь // Боровичские усадьбы и их обитатели. СПб., 2007. С. 122–153.
3. История 13-го Драгунского военного ордена генерал-фельдмаршала Миниха полка (составил полковник А. Григорович). Т. II. 1809–1860 гг. СПб., 1912.
4. Формулярный список о службе состоящего по Военному Министерству и исправляющего должность Члена от Военного Министерства Рижского Военного Окружного Совета, Действительного Статского Советника Линденбаума, 6 января 1870 года.
5. <https://www.geni.com/people>
6. <https://muzey-trubchevsk.ru/index.php/iz-istorii/muzeya/item/130-porshnyakov-georgij-mikhajlovich>

ПРИЛОЖЕНИЕ

Формулярный список о службе состоящего по Военному Министерству и исправляющего должность Члена от Военного Министерства Рижского Военного Окружного Совета, Действительного Статского Советника Линденбаума

6 января 1870 года

Действительный Статский Советник Михаил сын Карлович Линденбаум, состоящий по Военному Министерству и исправляющий должность Члена от Военного Министерства Рижского Военного Окружного Совета, 56 лет.

Православного вероисповедания.

Кавалер орденов: Св. Владимира 3 ст., Св. Станислава 1 ст., Св. Анны 2 ст. и 3 ст., имеет знак отличия беспорочной службы за 20 лет и бронзовую медаль в память войны 1853–1856 гг.

Дворянин / имения не имеет.

28 декабря 1827 г. Получил домашнее воспитание, в службу вступил в Артиллерийское училище Фейерверкером.

21 октября 1829 г. Перемещен в Юнкера.

1 января 1832 г. Произведен: в Портупей-Юнкера; в Прапорщики со стоянием в артиллерии и оставлен при Артиллерийском училище.

1833 г. Переведен в 4-ю бригаду.

25 апреля 1834 г. Переведен в резервную 3-ю батарею 6-й Артиллерийской бригады.

23 июля 1834 г. Произведен в Подпоручики.

18 января 1835 г. Высочайшим приказом по домашним обстоятельствам, для определения к Статским делам, от службы уволен.

7 июля 1837 г. По прошению определен в Инспекторский Департамент Военного Министерства в число Чиновников оного.

29 июля 1837 г. По определению Правительствующего Сената переименован в Губернские секретари.

11 февраля 1838 г. Помещен на вакансию помощника Секретаря.

16 марта 1838 г. За найденное в примерном порядке содержание и устройство Императорского Департамента Военного Министерства при осмотре Его Величеством, удостоился получить в письме про них Монаршее благоволение, объявленное в дополнение к Высочайшему приказу.

16 мая 1840 г. Согласно прошению, за болезнью уволен от службы по Инспекторскому Департаменту.

Указом Правительствующего Сената 30 сентября 1840 года произведен в Коллежские Секретари со старшинством с 12 января 1840 г.

23 октября 1840 г. Поручено исполнение должности Секретаря.

13 апреля 1842 г. Утвержден в должности Секретаря.

17 декабря 1843 г. За похвальную службу предписанием Министра Финансов объявлена признательность начальства.

13 апреля 1844 г. Согласно прошению, по домашним обстоятельствам освобожден от службы.

16 августа 1844 г. По прошению определен в Брест-Литовскую Комиссариатскую Комиссию, с прикомандированием к Комиссариатскому Департаменту Военного Министерства.

Указом правительствующего Сената 30 мая 1845 года произведен в Титулярные Советники со старшинством с 15 мая 1844 г.

6 июня 1845 г. По отношению начальства перемещен на службу в Контрольный Департамент Военных Отчетов, на вакансию Правителя Канцелярии.

13 сентября 1846 г. За найденную Г. (господином) Государственным Контролером, при личном осмотре, исправностей Контрольного Департамента Военных Отчетов изъявлена благодарность Его Высочайшего Государственного Величества.

16 декабря 1847 г. По произведенной Товарищем Государственного Контролера, Статским Секретарем Брискарном, ревизии Делопроизводства в Контрольном Департаменте Военных Отчетов назначен Правителем Дел Комитета об устройстве Военной отчетности.

Высочайшим приказом по Гражданскому Ведомству произведен 7 октября 1848 г. за выслугу лет в Коллежские асессоры со старшинством с 16 августа 1848 г.

11 марта 1849 г. По засвидетельствованию Г. (господина) Государственного Контролера об отличной усердной службе и особых трудах, Всемилостивейше пожалован, согласно удостоению Комитета Г. Министерства, кавалером ордена Св. Анны 3 ст.

22 августа 1850 г. Получил знак отличия сверхсрочной службы за 20 лет при Грамоте за № 94.

16 мая 1851 г. Сверх настоящей обязанности, по отношению Г. (господина) Военного Министра от 12 февраля 1851 г. за № 1493, на основании существующего Постановления Г. (господином) Государственным Контролером поручено участвовать со стороны Государственного Контроля в производившейся в Канцелярии Военного Министерства ревизии книг, введенных в 1850 г. Департаментами: Инспекторским, Аудиторским и Медицинским, Канцеляриями: Военно-походной Его Величества и Главного инспектора Медицинской части по Армии.

29 октября 1851 г. Поручение это исполнено вполне удовлетворительно.

11 Февраля 1852 г. По отношению Г. (господина) Военного Министра от 3 февраля 1852 года за № 181 такое же поручение по ревизии книг за 1851 г. возложено на него, Линденбаума.

В воздание отличной усердной службы и особые труды Всемилостивейше пожалован 22 марта 1852 года кавалером ордена Св. Анны 2 ст.

Высочайшим Приказом по Гражданскому Ведомству от 7 октября 1852 года за № 196, произведен в Надворные Советники со старшинством с 16 августа 1852 г.

18 апреля 1853 г. За особые труды в 1850–1851 гг. по проверке ревизии книг Канцелярии Военно-походной Его Императорского Величества, Военного Министерства, а также Департаментов Инспекторского, Аудиторского и Медицинского, Всемилостивейше пожалован из наградного капитала Военного Министерства 300 р., о чем сообщено приказом.

За особые труды в 1853–1854 гг. по проверке ревизии книг Всемилостивейше пожалован из наградного капитала Военного Министерства 490 р. 35 к., о чем сообщено приказом.

26 августа 1856 г. Получил темно-бронзовую медаль по Гражданскому Ведомству в память войны 1853–1856 гг., на Андреевской ленте.

Высочайшим приказом по Гражданскому Ведомству от 15 ноября 1856 г. за № 232 произведен за выслугу лет в Коллежские Советники со старшинством с 16 ноября 1856 г.

15 Ноября 1856 г. Утвержден в должности Обер-Контролера при Главном Штабе Его Императорского Величества по военно-учебным заведениям.

30 апреля 1857 г. На основании Высочайшего повеления, воспоследовавшего 27 апреля 1857 г. об Упразднении Комитета устройства отчетности в Департаментах Военного Министерства от обязанностей Правителя освобожден.

Приказом № 7 от 20 августа 1859 года произведен за отличную службу в Статские Советники со старшинством с 20 апреля 1859 г.

27 мая 1862 г. Высочайшим приказом назначен Управляющим делами Совета в Военно-Учебных заведениях.

21 января 1863 г. За отличие по службе произведен в Действительные Статские Советники.

6 августа 1865 г. Высочайшим Приказом по Военному ведомству о чинах гражданских за № 32 назначен Членом Оренбургского Военно-Окружного Совета от Военного Министерства.

27 марта 1866 г. Всемилостивейше пожалован Кавалером ордена Св. Владимира 3 ст.

1 сентября 1868 г. Высочайшим приказом по Военному ведомству о чинах гражданских за № 37 назначен состоять по Военному Министерству с сохранением служебных прав и содержания предыдущей должности.

9 сентября 1868 г. Поручено Военным Министром исполнение должности Члена от Военного Министерства Рижского Военного Окружного Совета.

20 апреля 1869 г. Всемилостивейше пожалован Кавалером ордена Св. Станислава 1 ст.

Вдов. Имеет от первого брака: дочь Елизавету 21 июля 1843 г. р. в замужестве с Штабс-Капитаном Генерального штаба Комаровым.

И от второго брака: сына Сергея 17 мая 1860 г. р., воспринятого от купели именем Его Величества. Дочерей: Александру 25 мая 1862 г. р. и Ольгу 15 марта 1865 г. р., последние трое находятся при отце. Дети вероисповедания православного.

«Помню я себя с четырехлетнего возраста...» (из «тюремных тетрадей», 1912 г.)

27 августа

Пришло мне в голову кое-какие воспоминания о себе самом – на бумагу нанести. Буду делать это помаленьку.

Помню я себя с четырехлетнего возраста, кажется. Ясно встает, по крайней мере, передо мной следующая картина. Сидя на полу в детской (в Петербурге) я тормошу игрушку и с чувством глубокого уважения к почтенному возрасту своему, повторяю няне своей одну и ту же фразу:

– Мне теперь четыре года...

Помню я вообще – в деталях – любимые свои игрушки, а также вкусы и привычки, к этой эпохе относящиеся... Восторг перед «турицей рогатой и медведицей косматой» – вкусно пахнувшими сеном, перед слоном, который «кивает головой» (из папье-маше). Больше всего случайные мелочи в память врезались. (Так, например, сахарницу из красного стекла, керосинку, которую удовольствия ради, во время завтрака стеклышком ко мне поворачивали, или острую антипатию к одному уже запаху яичницы – превосходно описать бы мог.) Известие же о смерти няни никакого впечатления не произвело на меня (помню, что я узнал об этом, но в какой форме – не берусь сказать). Впрочем, я думаю – смерть для ребенка в таком возрасте почти непостижимая абстракция... Однажды тятенька объяснял мне что-то из этой области. Понял я одно: тятенька и маменька умрут (одновременно) и я сам буду укладывать их в гробы. То обстоятельство, что это буду делать я сам (я переспросил), делало все крайне занимательным и отнюдь не ужасным.

Мелочь. Не мог я понять, что это значило, когда няня говорила мне: «Не волнуйся». Я представлял себе только волнующуюся рожь и силился перенести на себя это представление.

Из детей я знал Чистяковых, а также кузин Эльзу и Варю, а также кузин Евдокольских. Не могу сказать, как относился я к своим сверстникам. Помню только, что Варю маменька за что-то наказывала (в темный чулан сажала); меня же – никогда; и это доставляло мне нехорошее удовольствие.

Вообще об отношениях своих к другим в детстве я вспоминаю с неприятным чувством. Симпатии мои были, в общем, зависимы и прямо пропорциональны от получаемых мною подарков (здесь, конечно, роль играло не то чувство, с которым они делаются, – а нечто более материальное, «существенное»). Понятий о справедливости не было: то, что не беспокоит меня, маму, папу крестного... (так и молитва моя гласила: «Господи, помилуй папу, маму, папу крестного...») – было высшей справедливостью.

Затрудняюсь сказать, кого я любил больше: маменьку или дядю Сережу. Пожалуй, что маменьку: она была, несомненно, – самой красивой, умной, образованной, доброй и справедливой во всем мире; слова ее были вечной и неоспоримой истиной. Жизнь в нашем доме, как для прислуги, так и для людей, воспитывавших меня – была только огромным для них благодеянием. Годов восьми отроду я однажды высказал это С.А.Д. в такой форме: *Vous êtes chez nous par charité*¹, и недоумевал, когда меня заставили извиниться. Все, что я слышал и видел, заставляло меня бежать за объяснением и оценкой к маме. Раз, как-то, я сидел в ванне и слушал с возмущением, близким к недоверию, рассказ мамы о некоторых детях, которые, выросши, забывают или перестают любить маму. Когда маменька отправлялась в театр или на какой-нибудь вечер, я плакал неутешно.

Совершенно иной характер носили мои отношения к тятеньке. Он мало баловал меня, сравнительно; игрушек покупал немного – и недорогих. Вместе с тем вечно приходилось мне быть свидетелем столкновений его с маменькой (касательно денег), из чего я и вывел свое (или маменькино) заключение: отец – олицетворенная жадность, и только; вся жизнь его заключается в сидении на своих деньгах в кабинете, что доставляет только горе для мамы. И почему я только «Господи, помилуй» про него твержу?! Однажды, кажется, повторяя слова А.В.Д., если не мамы, я даже высказал отцу, что он «сидит себе над деньгами в кабинете», но замечено это не было. Позднее, лет восьми-девяти отроду, провожая его в передней на какое-то заседание, я сказал, закрывая за ним дверь: «Желаю тебе всего худшего», и тоже, извиняясь потом, недоумевал. Маменька объясняла мне, что нужно брать пример с папы и с дядюшек во всем хорошем. Я спросил: а что именно в них хорошего? «*Nou, par exemple, la maniere de se tenir droit*²...»

Папу крестного я боготворил – соразмерно щедрости его на хорошие подарки. Помню, едва ли не первое мое горе было таково. У дяди Сережи пошла носом кровь, и он объяснил мне, что он сейчас «умирать будет». Это было ужасно, и я плакал долго. Вообще, каждый отъезд его из Петербурга был для меня страшным горем, сопровождавшимся слезами, чего в помине не было при расставании с отцом или с боннами, сверстниками и т.д. «Сахаром Медовичем» он меня все называл.

Еще, пожалуй, к Эльзе некоторая привязанность у меня была, да и то радовался я, когда она не знала, сколь будет пять плюс шесть, и ей говорили, что это и Сережа знает (она была старше меня). Вообще, репутация ребенка благонамеренного очень льстила мне.

28 августа

Помню, в гостях у Чистяковых, я заметил как-то медную кружку с надписью что-то вроде «Бедным детям». Это меня заинтересовало. От мамы я по-

¹ Вы у нас из милости (*фр.*).

² Ну, например, манера держать себя в руках (*фр.*).

лучил объяснение, что есть такие бедные дети, которым даже и есть нечего, и что если кто захочет им помочь, он опускает в щелку монету. Бедных детей, сильно напрягши воображение, я мог еще кое-как представить себе. Но для чего человек, имеющий лишнюю монету, вдруг поступится ею в пользу каких-то бедных детей, когда можно вместо того купить еще конфет, латы, саблю или иную какую игрушку, – это решительно не уместилось в моем черепе. Долго и тщетно старался я разрешить этот вопрос.

Самому же очутиться в роли «благодетеля» – мне пришлось впервые следующим образом. Однажды осенью, в Ровном, оказалось, что игрушек у меня накопилось слишком много. Не знаю как, но пришло мне в голову сделать несколько подарков «Ваньке» (Ильичу). В один прекрасный вечер он получил от меня красную гусарскую амуницию, жестяную саблю, еще какой-то военный костюм и т.д. Никогда – ни до, ни после – не приходилось мне наблюдать такого припадка восторга. Он схватил в свои объятия все сразу и, не зная, что делать, начал бегать по саду дробной рысью на пространстве каких-нибудь восьми шагов. Не знаю, радость ли эта заразила меня или зрелище просто рассмешило, а только много всяких игрушек подарил я «Ваньке» в этот вечер (годов семь мне тогда было).

Еще сценка. Играем мы с «Ванькой» на берегу пруда. Здесь же – француженка-гувернантка М.И., я и она – с одинаковым заносчивым чувством – слушаем и смеемся над шестилетним малышом, серьезно уверяющим, что все – и пруд, и усадьба, и ухоть – «наше», то есть семье приказчика принадлежит. У того же пруда аналогичная история была у меня с В.П., уверявшим, что какую-то загородку поставить приказал его папа, а не моя мама.

Годов шести-семи я совершил кражу. В каретном сарае, где над чем-то рукодельничал Ил.Ш., на стене висело огромное, черное, грозное двухствольное шомпольное ружье. Тут же в ящике лежало несколько заряженных жестяных патронов. Они внушили мне такой благоговейный восторг, что я не стерпел и сунул в карман одну штуку. С каким чувством вытаскивал я после плотные комочки пакли, чтобы осторожно посмотреть на настоящий порох и покатать на руке тяжелые свинцовые дробинки! Патрон у меня отобрали, сделав мягкий выговор... Несколько лет спустя, при разговоре об исповеди я мысленно впервые попытался произвести учет своим «грехам»... И прежде всего, не задумываясь, вспомнил про невинную шалость с патроном, как несомненно тяжчайший из грехов моих. Доискиваться других грехов было несравненно труднее.

Кстати, вспоминаю, в каком свете изобразил мне исповедь отец. Большой толстый поп, выведая у меня грехи (скрыть нельзя ничего: Бог увидит), – если их окажется много, сядет на меня верхом и будет ездить по церкви. Смеясь, подтвердил это и папа крестный. Я чувствовал себя, как перед самой неприятной операцией, пока не дождался маменькиного опровержения.

В те далекие времена отец был либералом с оттенком шестидесятничества. После обеда он иногда уводил меня к себе в кабинет, укладывал меня рядом с собой на диван; мне шоколаду давал, а сам брал Некрасова и назидательно читал мне «Железную дорогу» и «Кому на Руси жить хорошо». Я же

очень интересовался шоколадом и, как нельзя менее – «русскими косточками».

В Бога я поверил на слово маме (должно быть, годов четырех) и верил так – чужой верой – чуть не до четырнадцати лет, если не дольше. Во втором классе гимназии сосед мой Р. сообщил мне однажды по секрету:

– А знаешь, я слышал – учеными вполне доказано, что Бога нет...

– Вздор, – возразил я, – ведь все, и даже Государь верят...

Каковы были представления мои о Боге – сказать не могу. Вопрос этот как-то не вставал передо мной. Загробная жизнь, вот, интересовала. Интересовали сказки про чертей. Но страхов определенно-мистических (коли так выразиться можно) было мало. Проходя темной комнатой, боялся, что вдруг душой моей овладеют дьяволы. Раз, единственный раз, мне шестилетнему галлюцинация явилась: что-то огромное (с сажень), бесформенное, длинное, с шумом или вздохом взвилось из пола в одном темном помещении.

А трусом вообще я долго был – изрядным. Непременно должны были быть разговаривающие люди в соседней комнате вечером. Иначе я плакал, вместо того, чтобы спать. Чего именно я боялся? Не могу сказать. Темноты, должно быть. Беспомощности своей перед океаном непонятных или неизвестных еще явлений, среди которого я осознавал (или чувствовал) себя. Реальные ужасы были: волки, змеи и крысы (обычные мои кошмары в детстве). Кроме того – раз виденное привидение и расплывшиеся перепутавшиеся рассказы о всяческих небылицах.

Годов двенадцати-тринадцати я первый раз – не без страха – один в лес пошел; с тех пор сознательно и бессознательно воспитывал себя в этом отношении.

29 августа

В раннем детстве на вопрос о том, кем я буду, – я отвечал, конечно: генералом или солдатом (понятия эти казались мне однозначными). Мама протестовала, говоря, что она предпочла бы, если бы я захотел сделаться инженером. Узнав, что инженеры тоже бывают генералами и ордена носят, я сдался. Но воинственно-патриотический дух сохранил надолго. Откуда взялся он? Должно быть – от тятенькиного национал-либерализма тогдашнего. Помню, сидит он, бывало, вечером за чаем и француженке бонне о двенадцатом годе и о превосходстве всего славянского над романским распространяется. Евреев до поступления в гимназию я и в глаза, кажется, не видал, а кличка «жид» почему-то стала для меня ругательством.

Представления мои о государстве и политике характеризовались следующим. Во время похорон Александра III (на процессию я глядел из окна нашей квартиры на Невском) я спросил, кто теперь будет царем. Из объяснений я почему-то вывел заключение, что новый император немногим старше меня, и решил на этом основании, что надо ждать непременно объявления войны.

Рано заинтересовала меня музыка, главным образом, опять-таки, военная и русская. Годов пяти я убежал и плакал от досады, слыша какой-то марш, о

котором мне сказали, что он – французский. Первые мотивы, коснувшиеся моей памяти, помнится, романсы «Chanter, chanter, ma belle, chanter, chanter toujours»³ и «На пепле тлеющем...» Грига, а также увертюра «Вильгельм Телль». Все это казалось мне довольно нудным. Любил же я музыку, написанную к Гейневским «Гренадерам».

Грамоте учить меня начали, кажется, в семи-восьмилетнем возрасте. Научиться свободно читать мне оказалось не под силу – чуть ли не до III–IV класса гимназии. (Черта, видимо, унаследованная от отца – отчасти, по крайности.) Первой книгой для упражнения в чтении мне дали какое-то школьное издание «Посредника», составленное Львом Толстым, по совету знакомого педагога. Интересовали меня эти коротенькие рассказы не более чем стихи Некрасова в более раннем возрасте.

Не помню, повлиял ли Жюль Верн или он пришел уже на подготовленную почву, а только страшно развилась у меня фантазия. В связи с этим и техника заинтересовала меня (устройство паровых машин, паровозов). Паровоз, как и ружье, вызывали во мне благоговейное любопытство – с примесью страха перед сильными звуками. По зимам, вместе с детьми Чистяковыми, мы строили самые фантастические проекты касательно летнего времяпрепровождения. У меня эти проекты оказывались особенно фантастическими, вследствие чего на «заседаниях», посвященных докладам такого рода, я был вице-председателем. Чего тут только не было! Локомотивы, построенные всего только из бочки с водой, четырех колес и цилиндра с поршнем, токарные станки, подземелья, шалаши и пр. Уверенность, что я соединю Боровичи с Опеченским Посадом железнодорожной линией, была самая непоколебимая.

К этому времени относится и знакомство мое с деревенскими ребятами. Первое знакомство произошло, впрочем, раньше и носило довольно-таки неприятный характер. Из-за чего-то поссорился я с целой оравой школьников (кажется, на почве своих помещичьих прав), и вот, полетели в меня мелкие камешки (совершенно безвредно, конечно); но для ребятшек это сошло нелегко: пришел в школу отец Н. (священник) и обратился к ним с такою потрясающей речью, что большинство плакало. Я чувствовал себя отмщенным.

Несколько лет спустя у нас завязались уже не враждебные отношения, а крепостническо-патриархальные. Это были опять школьники – возрастом старше, чем я. Я чувствовал себя не то просто барином, не то военачальником по рождению. Меня должны были называть по имени-отчеству и на «вы». Для непокорных был «карцер». Наличность последнего, а также некоторое своеволие ребятшек, повели к несогласию со мной. Я звал мальчиков к себе, обходя деревню, а они мне заявляли, что не пойдут, что теперь барщины больше нет!

Далее в Ровном появляется В.П. – «приготовишка», сын дачников. Это новое знакомство имело для меня немалое значение. В. был старше меня годом, превосходил меня во всех отношениях, и характера был шалого. В иг-

³ Пой, пой, моя красавица, пой, всегда пой (*фр.*).

рах наших я решил сделать его «помощником военачальника», он же, к глубокому моему огорчению, не оценил такого назначения и ни в грош не ставил меня с моей «властью». Из-за этого, помнится, мы подрались на второй же день. В. был сильнее, но зато – плаксив. Началась борьба за первенство... Напишет В. недурное стихотворение, я тотчас же принимаюсь за составление совсем плохого, не желая отставать. Нарисует В. что-либо, уловив сходство, – и я туда же. Однажды рыбу удили. Я ничего не поймал, В. же вытащил порядочного языка. Я, помнится, соврал, что удочка мной закинута, расшвирипели оба, чуть не подрались; вдруг В. схватил язя и побежал домой. При встрече я заявил вновь свои права на язя и сказал, что стащу его. В. ответил, что «сломает» щуку, жившую у меня в ванне, и мы подрались... Сопротивление, да еще сверстника, было мне ново и доводило до ярости. Это была для меня какая-то мучительная школа, учиться в которой я решительно не хотел.

1 сентября

Что касается местностей, в которых я жил в раннем детстве, у меня, кроме Надеждинской улицы Петербурга (где жил как раз против нас «страшный» старик-прачечник, которым меня пугали, когда я вел себя ненадлежащим образом или плакал) – порядочно сохранилась в памяти Либава. Помню соленые ванны, помню сырые стены дачи, кургауз, оркестр, пару лебедей на пруде, помню песок на морском берегу... Часами я копался в этом песке, собирая черный «мох» (водоросли) и раковины, но моря – простора, волн – вовсе не помню, точно все это было во сне. Еще путешествие в гавань не забыл: длинный высокий мол, строящийся еще на конце; но опять-таки: ни кольца горизонта, ни зыби... Там на конце опускали в воду с помощью машины колоссальные каменные брусья, странно как-то топтался на месте возле меня обматываемый веревками человек-нечеловек – в водолажном скафандре...

Представляю себе, когда напомним, следующий анекдот, имевший место «на музыке» у курзала. Надо сказать, что любимой игрой моей было – изображать во время музыки капельмейстера оркестра. Подошла ко мне, кажется, в кургаузе какая-то дама и сказала что-то вроде:

– Ах, какой милый ребенок... Тебя как зовут?

– Сергей Николаевич Поршняков, – ответил я, как научил меня папа – на случай, если я потеряюсь на улице и окажусь в участке...

– А ты на кого похож: на папу или на маму?

Вопрос был прозаический и неинтересный. Я ответил:

– Нет, я на капельмейстера похож.

В том, что я «милый ребенок», я нисколько не сомневался никогда. Все остальные дети были, безусловно, хуже, чем я, – все равно как все остальные барыни, все остальные мамы были несравненно хуже, чем моя мама. Было мне тогда, должно быть, пять лет.

2 сентября

Лет пять мне было, когда я получил в подарок от «папы крестного» ярко раскрашенный зоологический атлас Сент-Илера (нашего, российского, конечно, а не знаменитого Этьена или Исидора). Слово «атлас» приобрело для меня какой-то чарующий оттенок, а о животных, в нем изображенных, у меня составилось столь неизгладимо яркое и своеобразное представление, что я смог бы сейчас подробно рассказать о каждой странице этой книги. И я уверовал в этот атлас; рисунки, в нем находящиеся, были для меня, я думаю, во всяком случае, не меньшим воплощением истины, чем действительность.

В то же время приблизительно тятенька впервые повел меня показывать Зоологический сад. Впечатления были потрясающие. Любопытно только, что страшнее всяких львов и тигров мне показались попугаи. Разревелся я, помнится, когда кричали они на меня – все сразу. Поездка в Зоологический сад, исполненная сильных и страшных впечатлений, представилась мне удовольствием крайне дорогим. Я был поражен впоследствии, узнав, что плата за вход что-то копеек тридцать, а не сто рублей.

Не знаю, почему одно животное, именно белый аист (стоящий в воде на раскрашенной картинке) – было окружено для меня каким-то мистическим ореолом. Это был не аист, а «мать» для меня: существо огромное (больше лошади), грозное и враждебное, умеющее уносить куда-то нехороших детей. Возник этот миф у меня в четырех-пятилетнем возрасте, и не помню, когда и как растаял. Помню только, как я говорил своей няне – с чувством религиозного благоговения, не знаю по какому поводу: «Ребенок спит, а мать ходит...»

Не умею сказать, почему и как, а только страшно заинтересовали меня в восьмилетнем возрасте ящерицы. Ловил я их в Ровном, за рекой, на каменной дороге. Был тут и спорт, и любознательность, кажется. Почему-то хорошо сохранилась в памяти такая минута в тогдашней моей жизни. Ловил я с француженкой С.А. ящериц на этой самой Каменной аллее и вот, оставшись вдруг один, задумался. Мне ясно представилось вдруг, что стоят друг перед другом с одной стороны культурное человечество, с другой – прекрасная природа, решительно во всем полярно ему противоположная; человек проходит по зеленому ковру природы и оскверняет тем самым ее, и еще хуже, еще безобразнее становится на этом зеленеющем фоне... И не знаю, что именно – «греховность» или, напротив, – гнусаво звучащая «покаянию хвала» – отталкивали меня от человека; но только позже (уже будучи гимназистом) я осознал, как властно стало во мне это антигородское и вообще античеловеческое настроение. В раннем же детстве я с не меньшим удовольствием расставался осенью с природой, чем весной – с городом, – просто из желания перемены обстановки. А все-таки с большей радостью представлял себе Ровенский пруд с гомонящими над ним грачами весной, чем петербургское житье свое осенью...

Про ящериц я, однако, решительно ничего не читал, ничего из книг не имел. Подарить мне «Жизнь животных» Брема тятенька обещал тогда, когда

я научусь бойко читать, а я не мог достигнуть этого. Десять томов Брема, которыми я любовался сквозь стекла книжного шкафа у Чистяковых, – казались мне недостижимым сокровищем, вместившем в себе, по меньшей мере, все, что только известно зоологам. Но воплощенная наука с тисненными золотом надписями на корешках оставалась недостижимой...

Было мне годов девять, когда вторгся в мою жизнь еще другой спорт: рыбная ловля. Первый мискозоб (голец), которого мне удалось выудить, показался мне чем-то совсем необыкновенным. Дальше я весь ушел в крючки, поплавки, переметы и проч.; сначала – под руководством Н.Н., потом и более самостоятельно. Увлечение было сильное. На всех и вся я готов был смотреть с точки зрения рыбной ловли. Длилось это до третьего класса гимназии: до ружья.

Кстати: о наставнике и учителе моем Н.Н. Был он, как и предшественницы его, человеком довольно бесцветным, добропорядочным и аккуратным. Ничего типично семинарского в нем раскопать было нельзя. Почитал всякую власть – светскую и духовную – ровно в той мере, как это требуется от юноши благонамеренного, и мыслил по семинарским учебникам в пределах не шире установленных учебными программами. Очень скромный и сердечный – в пределах.

Из воспитательниц же моих наименее безличными были, пожалуй, первые две француженки.

По-французски болтать я научился незаметно и скоро. Первые сведения из арифметики, а также задачи тоже давались легко. Иначе вот с чтением дело обстояло. К сожалению, не могу сказать, какой след оставил во мне Детский сад, который я посещал, кажется, ползими. Учиться там было, в общем, весело. Но игры показались мне поначалу чем-то унижительным, как занятие «детское». Вообще желание быть взрослым проявлялось у меня настоятельно, что влекло к самым странным подражаниям. Так, зная, что у взрослых (барынь) – «нервы», я всячески выведывал у других, чем отличается «нервный» человек от обыкновенного, дабы симулировать «нервность».

Все эти воспоминания дают мне, в общем, крайне туманную картину истории моего детства. Столь туманную, что я тщетно пытаюсь доискаться причин, толкавших мое развитие в ту или иную сторону. Да и о настоящем своем то же пришлось бы сказать. Не в силах вывести удовлетворительно то, что я теперь, из того, что я был или что со мной было, не смогу сказать и о будущем чего-либо положительного.

4 сентября

Какой хороший сон приснился, и ведь первый раз в жизни почему-то: озеро. Лодейно – не Лодейно, Долгое – не Долгое. Долго шел – с двумя товарищами – по невысокому, но тенистому и мрачному хвойному лесу. Пахло сыростью, грибами и еще чем-то. И вдруг – болото, а впереди неподалеку мягко сияющее широкое озеро, изрезанное моховыми мысами. Тихо так. Зыбь чуть заметная, полусонная. И освещение такое, как бывает только ранним утром,

летом, когда клубятся облака под солнцем, и не поймешь – к дождю это или к вёдру. И озеро еще дремлет, белея за стволами сосенок. Водяно. Рыхлый мох будто расступается под ногами. Идем вдоль берега, не подходя к воде. Захотелось мне подойти несколько ближе, шагнул в сторону и ушел чуть не по уши в расступившийся мох. Едва вылез, вылил воду из стволов ружья и пошел дальше. Один из нас отделился, на сушу пошел – грудку разводить, должно быть; а мы двое – за уток принялись. Пролетела стаечка, а мы и прозевали. Утки так и канули на мох, а за ними две совы. Только это начали мы по уткам жарить, как вдруг – с пустоши, куда товарищ пошел – шум, грохот, крик... Проснулся – и впрямь кто-то с чего-то шум поднял... А то – еще чуднее приснилось. В казачьей сотне я, и с какими-то у нас война на улице идет. Вот кто-то и распоряжается тихонько: за углом разъезд неприятельский, в три человека. Разом мы перед ними. На одного я бросился, а сзади на меня Иван Андреев. Я извернулся, впился ему руками в горло да как заору: «Предатель!» – этакая ведь чушь.

10 сентября

В гимназию я поступил со второго полугодия – в первый класс на одиннадцатом году своей жизни. Помню, каким грозным и таинственным представлялось мне до того это коричневое здание на Ивановской улице. Занятия казались чем-то убийственно трудным, экзамен же представлялся поистине чудовищным искусом. Однако вступительный экзамен принес отчасти приятное разочарование, хоть и сошло не совсем ладно с арифметикой (экзаменовал В.А. Кондратьев, позднейший враг мой). Когда все благополучно кончилось и внизу, в приемной, прощаясь, я протянул руку инспектору Рубинскому (по прозвищу Сыч), последний не преминул объяснить мне, что теперь я этого не должен уже делать. Я не понял и переспросил, вовсе ли мне теперь с ним здороваться и прощаться не следует. Оказалось, что только «за ручку» здороваться не полагается.

С положением низшего существа, коему – как прислуге в «порядочном» доме – руки не подают, я свыкся скоро, легко и прочно. Настолько прочно, что уже семиклассником (в 1905 г.), здороваясь за ручку с кем-либо из учителей, я ощущал какой-то внутренний трепет и благоговение. Не прошло и месяца гимназии, как у меня и новая цель жизни появилась: учителем латинского языка сделаться (в форме) – двойки ставящим и «за ручку не здоровающимся»... Так обольстителен был раскрывшийся передо мной бюрократический этикет.

Не могу «наставников и учителей», ведших меня в то время «к познанию блага», не помянуть, говоря о первых временах гимназии. Инспектор (Сыч), он же – учитель латинского языка – маленький, с большими баками, в неизменном вицмундире – тип из «Бурсы» Помяловского – скорее всего. Всегда он сопел как-то начальнически и, вместе с тем, здравомысленно-рассудительно. Глаза имел круглые и «посматривающие», голос – не по росту крикливый в момент раздражения. А говорил, конечно, на «о». Вызывал

он к кафедре человека по четыре, да еще около дюжины с мест тянулось, поднимая руки с целью похвастаться знанием какого-либо «имперфектума», только что вычитанного, если вызванные запинались. Особенно Б.З. отличался; близорукий он был: разыщет в учебнике требующееся и бежит махать рукой под самым носом Сыча, пока последний не заметит:

– Э, батенька, подыми обе ножки сразу!

Малость и я в этот спорт втянулся... А житейская мудрость Сыча характеризовалась такого рода замечаниями.

– Ну, батенька, – говаривал он, когда оказывалось, что гимназист думал, будто у него другую грамматическую форму спрашивают. – Мужик три года думал и с ума сошел... А отчего он с ума сошел? От того, что он неправильно думал.

Помню, в переводе однажды слово «философия» попало. Сыч осведомился, знает ли кто, что это такое, и пояснил по-своему:

– Философия – это наука, которая учит нас различать предметы (или вещи).

Это было просто, коротко и неясно. Не поверить я не мог и тщетно силился представить себе, как же именно философия научает нас отличать хотя бы чернильницу от пера.

У учителя русского языка «Харлашки» было четыре или пять заученных остроумств, каковые он и повторял весьма эффектно – к месту и не к месту. Плохо знающего урок гимназиста он высмеивал с тем же армейским остроумием. Но я был хорошо подготовлен, за диктовки получал четверки и даже пятерки, и к Тодорову (фамилия учителя) относился с любовным благоговением. Таковы же были отношения мои (и на той же почве) и к «Рябчику», географу Сутугину, и к писклявому историку Трофименко, и пр.

Были, однако, и враждебные божества – без зазрения совести ставившие мне двойки. К таковым математик «Кондрашка» или «Мясник» относился (тоже из галереи Помяловского тип, но кровожадный – панический ужас нагоняющий). По обращению с нашим братом арестантом – то бишь гимназистом – это, по меньшей мере, заседатель Сибирский был. Преследовал меня двойками и учитель рисования Полатко (этот ради большей прибыльности даваемых им частных уроков). Он единственный проставил-таки мне однажды двойку в четверти, вследствие чего я стал двадцать первым учеником во втором классе, и тятенька решительно заявил, что так дальше нельзя. Или я в свинопасы готовиться должен. Уж не помню, почему, но уроков частных я-таки у Полатки не брал.

Обеих категорий педагоги – каждый в известной степени – передоношницей заражены были. Но один – учитель русского языка (Михайлов) – сражавшийся с нами во втором классе – положительно воплощением сологубовского героя был. Думаю, что теперь он – в психиатрической больнице.

Любопытно: все, что по понятиям гимназиста считалось низостью или малодушием (фискальство, наушничество, слезоточение в случаях двойки или нагоня и пр.), всеми преподавателями одобрялось и культивировалось. Наоборот – все честное и порядочное – на взгляд товарищей начальство искореняло и карало (конечно, безрезультатно).

12 сентября

Так как маменька гимназистом никогда не была, то пришлось мне тятенькиных советов послушать. К удивлению, я услышал, что «фискалить» отнюдь не следует. Совету этому я внял, хоть и не вполне доверяя. Не укладывалось в моем сознании, принявшем мелко-чиновничий облик, – как это может быть нехорошо или непрактично поступать так, как начальство требует?! Однако, несмотря на колебания, первый же раз, когда какой-то ученик попробовал «смазать» меня по «моське» «лопаткой», я, оглядываясь – нет ли начальства, поколотил его. То же повторилось еще раз или два, и отношения с гимназистами установились относительно хорошие.

Все же в этом было первое противоречие, вкравшееся в мою душевную конституцию того времени, ибо классный наставник Харлашка и надзиратель Верблюд, казавшиеся мне воплощенным идеалом человека и гражданина, равно как и мудрость ходячая – Сыч, к наушничеству и предательству относились внимательно и всячески поощряли таковое. Да и мои передононские мечты об учительстве предполагали такое же отношение.

Вторым «основы потрясающим» началом было то, что и мне, как всякому первокласснику, возиться и шалить хотелось. Согласно же морали Верблюда и С^о первоклассник должен был походить на мумию. (Я решительно сказал себе тогда, что шалить буду дома и поначалу строго держался этого правила. Другие пускали «стрелки» из бумаги в гимназии и получали четверки за поведение. Я же предавался этому развлечению дома, отчего чувствовал себя до поры до времени – как бы сразу двух зайцев нагнавшим.)

Помнится, на этой почве и возник кризис. Я уже был второклассником, когда однажды, в начале большой перемены, когда я «строился», чтобы идти есть казенный завтрак, ко мне подскочил Розинг и стал искушать меня:

- Поршняков, ты разве не останешься?
- А зачем?
- С первым отделением драться...

Я не поддался. После минутной борьбы Косичка (или Плешка), сменивший Верблюда, перевесил во мне гимназиста. Но когда тоже искушение повторилось раз и два, я не устоял. Пополам с Розингом ели мы надвое разорванный огромный бутерброд с сухими шпротами и вместе же бросались в драку, где в пыли с ревом «сыпь!» бросались друг на дружку целыми кучками карапузы и звонко шлепались перекрестные оплеухи. В самую свалку врывался Косичка, кричал, напускался непременно на того, кого побили больше других, а через миг с обеих сторон уже пищали: «сыпь!». Только грозно предостерегающий оклик «Сыч!» сразу водворял в рекреационном зале мирное круговращение.

По классу прошла весть, что «Поршняков тоже дерется», вследствие которой я сразу на голову вырос в глазах большинства. И действительно, я стал драться, возмнив себя, помимо прочего, и достойным патриотом второго отделения (в нашей гимназии были параллельные классы). Силы у меня было достаточно, и был я не плакса, к тому же труслив и осмотрителен (отчего

мне мало «попадало», а сам я не попадался Косичке и пр.), но ловкость была медвежья, за что, кажется, и прозвали меня Вороной. Лягушка Р. был слабее и ловчее; оплеух он собирал больше, но больше и давал. Самым же сильным в классе, а следовательно – во всех отношениях для всех авторитетом – был Деев. Я очень гордился тем подобием дружбы, которое между нами во втором классе возникло (позже авторитет этот совершенно растворился в общей массе, а еще позже стал самым заурядным хулигановатым гимназистом в глазах большинства).

Несомненно, это было началом новой эры в моей жизни (второй – пятый класс), с наступлением которой у меня появился новый авторитет – большинство гимназическое и его мнение. Любопытно, что вместе с тем я не переставал дорожить репутацией благонамеренного ребенка в глазах учителей и вообще старших и ухитрялся-таки репутацию эту удерживать, бессознательно двоедушничая.

А поток хулиганства гимназического завлекал меня все больше и больше – до четвертого класса гимназии включительно. Основной чертой было здесь – всячески стараться не быть «девчонкой» и быть «взрослым» или «как взрослые». Этак я курить, например, научился, преодолев тошноту (при переходе в третий класс и до четвертого включительно). С этим же первоначально и страсть к запрещенному еще ружью была связана. А ружье мне позволили настоящее много раньше, чем сверстникам – при переходе в третий класс (опять-таки благодаря умению моему и невинность соблюсти, и капитал приобрести, а отчасти – по причине относительно флегматического темперамента и благоразумия, с ним связанного). Я готов был драться от досады, когда гимназисты-товарищи не хотели верить, что у меня настоящее ружье и что его «чуть-чуть не разорвало».

Теперь я не был уже «девчонкой», как некогда, когда рос в стороне от сверстников и когда жестоко мог издеваться надо мной пригодишка Боря Т. – у Чистяковых.

13 сентября

Несколько мелочей, характерных, связанных с моими второклассническими воспоминаниями.

В пансионерской столовой, где толстый Василий Захарыч давал нам пищу во благовремение, наблюдались занятные сценки. Шествовали туда малыши торжественно, выстроившись в пары с воспитателем во главе, но едва достигнув двери, буквально как дробь из ружья, на места свои устремлялись. Сразу происходило по несколько мелких драк из-за горбушки хлеба; счастливы же, завладевшие стаканом, торопливо плевали в него, чтобы другим не достался, так как один стакан на десяток человек приходился... Так вот, в столовой этой самой сидел некий первоклассник М., мать которого была прачкой. Мне и прочим зверенышам обстоятельство это представлялось в высшей степени смешным и унижительным, почему во время завтраков мы и развлекались тем, что дразнили М...

...Когда воплощенного Ордалион-Борисыча нашего Михайлова убрали куда-то среди года, место его заступил директор по прозвищу Фома. Это был очень древний старик – с лентой и звездой – донельзя пристрастный к патриотическим речам. Рассказывали, будто раз, когда гимназисты испачкали пол чернилами, Фома произнес потрясающую (его, конечно, только) речь, хрипя, что «это – преступление! Вы запачкали дом царя!» (это – гимназию). Много анекдотов таких ходило. Я, впрочем, да и другие, были настроены тоже патриотически и кричали во всю глотку «Ура!» после речи Фомы. Правда, гимназист вообще кричать любит. Я же радовался вдвойне случаю покричать – с дозволения начальства (в гимназии и безнаказанно!)... И еще панихиду страшно любит гимназист (вместо уроков, конечно): хоть в годовщину 1 марта 1881 года, хоть о жертвах революции...

Возвращаюсь к себе. В связи с патриотизмом, антисемитизм во мне гнезвился. Училось со мной вместе тогда два еврея: Менакер и Бернштам. Первый был совершенно таким же выскочкой, как и многие из крещеных, ко второму можно бы термин «широкая русская натура» применить. Однажды распустили нас без молитвы. Я шумно протестовал, крича, что ведь мы не жида. Менакер сказал, что пожалуется. Кажется, я его поколотил малость. В третьем же классе я да Субботин даже нечто вроде погромов учиняли. Сначала Субботин просил Бернштама национальный гимн (еврейский) спеть. Бернштам свирепел. Тогда-то и начинался «крестовый поход». Мы становились на парты и, размахивая часословами, наступали на Бернштама, правда, с сомнительным успехом, ибо он крепкий был. Странно вспоминать, как старался я уверить себя, что Б. – существо, совсем на человека не похожее, а какой-то – не то барышник врожденный, не то Иуда-предатель или палач, распявший Христа. Ничего я, в сущности, не видел в нем особенного, кроме крючковатого носа. Кстати, и о «христианстве» моем тогдашнем. Я был крайне религиозен, хотя в церкви редко бывал (ладана не переносил). Но христианство, именно нравственная сторона его, если и существовала для меня, то отнюдь не как мною осознанные или прочувствованные нормы справедливости и красоты в отношениях к человечеству и к ближнему... Напротив, еще годов восьми отроду, читая о том, как грешница мыла слезами и отирала волосами ноги Христа, всем существом своим противился этому, ничего тут не видя, кроме противного унижения! Положить душу свою «за други своя», подставить правую щеку, быть оплеванным и распятым за человечество – все это вовсе не нравилось мне... (Подвиг Ивана Сусанина я понимал однако, ибо «патриот» во мне жил.) Христианство же представлялось мне не более, как самой верной загробной карьерой, ибо православные представления о внемировом Боге, о его характере и о воскресении мертвых были самые правильные и точные. А потому, как обрядовая, так и догматическая, и нравственная стороны христианства состояли для меня в нормативных правилах, следовать коим было несомненно полезно, как для загробного, так и для земного благополучия. Вот почему я старательно молился, например, минимум дважды в день, отсчитывая земные поклоны и избегая нечетных чисел, особенно же тринадцати. С обрядностью срастались приметы, ча-

стью – собственного вымысла. Я перешагнул рельсы конной железной дороги с правой ноги, прочел такие-то вывески, идя в гимназию, перекрестился столько-то раз; в результате четверка или пятерка. Я не выучил урока, но лишь только начали вызывать, уцепился рукой за ремешок ранца: меня не вызвали. Отсюда соответственные выводы, и в результате – сложный ритуал...

Одно воспоминание из более раннего детства. Подарили мне на Рождество будильник и еще что-то, меня обрадовавшее. Я сказал себе, что, значит, и без Бога (помимо него) можно быть счастливым. Будильник скоро испортился, я же не замедлил горько и навсегда раскаяться в таком вольнодумстве.

Как раз во втором классе я был, когда случилась в Петербурге большая, преимущественно студенческая демонстрация (из «красных» был мой репетитор, между прочим, длинный, коренастый и несколько угрюмый юрист первого курса, арестованный и высланный в разгар событий). Второклассники для игр на «студентов» и «полицию» делились, причем все хотели быть «полицией», а «студентом», помнится, только Спиринг, да еще кто-то: их загоняли в угол и тузили. Я, конечно, в числе «полиции» был. Об «обструкционистах» (так маменька бунтующих студентов называла) я знал, что они не признают Бога, царя и правительство, что они выворачивают общепринятую мораль наизнанку, то есть добро считают злом, а зло – добром, чем и плодят верных кандидатов во «тьму кромешную, иде же плач и скрежет зубовен».

О людях, которые собираются устроить такие новые законы, по которым бы не получил во благовремени надлежащего наследства, я только мельком от отца слышал и всею душой боялся и ненавидел их. Хотя с «обструкционистами» представления о них отнюдь и не связывал.

Бывает, что человек – особенно в одиннадцатилетнем возрасте – о сказочном мечтать начинает. Я уже в первом классе, географию проходя, с последним учеником Селецким согласен был, что мы – краснокожие, а не европейцы какие-нибудь скучные. Так вот, когда на меня такое находило, я воображал себя с ног до головы вооруженным – националистом, видимо, – выстроившим себе русскую избу на Невском проспекте и имеющим самые неограниченные полномочия от Государя Императора, дающие мне возможность поступать, как вздумается со всяким встречным. И воображал я себя мудро и молодецки изводящим «обструкционистов» мерами вроде пожарной кишки, приводя к присяге всех студентов и т.п.

14 сентября

По народному поверью, сегодняшний праздник Воздвиженья святого и животворящаго Креста Господня, в сущности, не более как змеиный праздник. «Гадовье» (гадюки) из нор выбредает и нечто вроде шабаша ведьм в лесу устраивает. Если какой «крещеный» в эту пору в лес пойдет, да еще заснет грехом, который-нибудь гад уж непременно через рот заползет в него и жить в нем будет до тех пор, пока люди этого самого крещеного за ноги не повесят и кринкой молока гада из него не выманят...

Ровно год тому назад, за месяц до ареста, я вспомнил все это, пробираясь в последний раз к берегам Лодейно. Вспомнил, ибо почувствовал себя совершенно одиноким среди нежилых пустошей, тянувшихся на десятки верст. Серый был день. Кружились и падали желтые листья. Кое-где показывались розоватые волнухи да рыжики. Проползали стороной тоже мрачные и серые сенники. Иногда только заяц выскакивал откуда-то с лежки, бежал, становился на задние лапки, долго оглядывался во все стороны и бежал снова; или пара-другая косачей с треском и клохканьем срывалась в прозрачном уже кустарнике. И больше – ни движенья, ни звука. Не сразу я и сообразил-то, отчего это «народ грибов не ломает».

Грустно и сейчас вспоминать этот день. Что-то сверлящее было в душе. На берегу озера я просидел, пока не стемнело, и пока дождь не пошел. Не сразу я и озеро-то нашел: сбился сначала, рыжики собирая; влез на высокую тонкую березу, чтобы осмотреться, и таким безысходным показалось мне это бесконечное море осенних полуобнаженных лесов! И озеро было грустное, холодное, и местами черно-зеркальное. От мысли же, что мне, быть может, уже никогда больше не бывать у этих берегов, с которыми у меня связана целая радуга светлых воспоминаний, становилось совсем невыносимо.

Черная, пронизанная мелким непрерывным дождем, ночь застала меня еще в пустоши. Было душно, или это у меня к горлу подступало что-то. Шел я, как сумасшедший; ползла под ногами глина и всплескивали лужи. А впереди было темно, и в душе что-то близкое к отчаянию...

20 сентября

Снежная буря. Наводнение... Продолжаю свое воспоминание. Как-то раз в первые мои гимназические каникулы, сидя на берегу Мсты, я спросил себя: брошу ли я рыбную ловлю, когда у меня будет ружье? И решительно ответил на этот вопрос: никогда!.. Так я был уверен, что до гроба буду запойным рыболовом.

Между тем ружью суждено было сыграть немалую роль в моей жизни. «Позволили» мне его с переходом в третий класс гимназии. С весны с малокалиберным «монтекристо» бегал, а под осень уже ходил с тем самым старинным шомпольным ружьем, что висело прежде в сарае у приказчика Ильи Иваныча. Такое смертоносное оружие не было дозволено даже гостившему у нас шестикласснику Э., вследствие чего я и был, понятно, на седьмом небе. «Позволение» на ружье было, как я сказал уже, результатом спекуляции на «благоразумие», «осторожность» и прочие добродетели «благонамеренного» мальчика («добропорядочного», как выразился однажды Сыч). Но в то же время шаг этот давал окончательный перевес во мне «хулигану» над «девчонкой».

Не без отвращения я вспоминаю о первых своих охотничьих подвигах. Ранним утром, вместе с косоглазым плутоватым пастухом, я отправлялся в ухажу, поросшую березняком, и там учинял форменные погромы, жертвами коих были все мелкие певчие пичуги. Я до того поглощен был величием са-

мой процедуры стрельбы, что нелепость этих варварских побоищ казалась мне в худшем случае какой-то *quantité négligeable*⁴. Про галок и говорить нечего: я ненавидел их, как «нечистую силу». Но когда однажды в лесу из-под ног у меня вылетел тетерев, я до того был поражен, что ружьем пошевелить не смог.

Бед я никаких не наделал, но объясняется это не столько благоразумием, сколько свойствами темперамента – и тогда довольно тихого. Мне кажется, и в более раннем детстве сангвиником я не был. В этом отношении я не замечаю в себе метаморфозы. У Виталия вот она совершилась. Тогда в нем так же преобладала вспыльчивость (да и вообще всякие выверты темперамента и причуды настроения), как теперь перевешивает сдержанность...

Весной следующего года я с товарищем Д. прямо из гимназии отправился однажды на «толкучку» (т.е. на рынок, что у Мин. Вн. Дел) покупать боевые припасы на лето... Именно на толкучку, а не в иное место я пошел под впечатлением от тятенкиных нравоучений. Что «кто копеечку не бережет, тот сам гроша медного не стоит», я знал уже и раньше; но тут оказалось, что на толкучке продается товар несравненно лучший и почти даром. Купил я, между прочим, кожаный патронташ на 24 патрона, спрятал в комод в своей комнате, и он мне прямо спать не давал; от занятий же я отрывался частенько только для того, чтобы примерить его лишний раз. Мне казалось, что принадлежность эта придает мне какую-то величавую и обаятельную красоту.

7 ноября

Наступившее лето было для меня временем окончательного посвящения в хулиганы. Я сделался пьяницей, курильщиком и «настоящим охотником». И все же жило во мне какое-то бессознательное криводушие, благодаря которому я оказывался героем в глазах сверстников и добропорядочным паинькой в глазах старших.

Спутниками походов моих были: егерь Иван (Ильич) и Виталий. Виталию все еще не разрешали ружья, но зато он был первым по части курения. У Ильича была короткостволая шомпольная «пукалка». У меня же была двустволка и фляжка с водкой, что делало меня первым из первых. И преклонялся я сознательно только перед авторитетом репетитора нашего Ф. Кстати, и о нем два слова. Это был гимназист восьмого класса, сын богатых родителей, отправленный к нам вроде как в ссылку от каких-то «амуров». По запискам и склонностям он напоминал скорее правоведа или лицеиста, а не гимназиста, – разве только ограниченности не хватало. Это был тонкий и развращенный ум, ничуть не ребенок, хоть и гимназист, остроумный и, вместе, пустой. Уровень образованности как раз такой, чтобы «потолковать об Ювенале, в конце письма поставить *vale...*» Одним словом, благовоспитанный молодой человек и при том талантливый: писал стихи – не то чтобы вполне

⁴ Мелочью (*фр.*).

гладкие и красивые, но весьма ядовитые по содержанию, обнаруживающие хорошего наблюдателя... Так вот, этот-то Ф. в один прекрасный вечер просто очаровал нас с Витей тем, что «философствовать» пустился. Болтовня была, насколько помнится, самая заурядная, салонная, но о высоких материях. Нам же она почему-то показалась чем-то бездонно глубоким и мудрым. Второго такого вечера мы ждали с великим нетерпением, но тщетно, ибо философия, очевидно, иссякла. И все-таки Ф. остался для нас не только «властью», но и каким-то нравственным авторитетом.

Так вот, блистая перед Виталием фляжкой и двустволкой, я ухитрился в то же время снискивать и у Ф. большее к себе расположение. ...Хотя Витя и был способнее меня, я оказывался «серьезнее», «порядочнее» и «солиднее»; из Вити никогда не смог бы выйти хороший охотник. ...При всем том, я лучше водку пил, чем Виталий... Удивительно то, что прожили мы лето вполне мирно, только раз вначале поругались и передрались. Вообще же Виталий будто и не замечал такого моего приоритета. Не завидовал ничуть.

Витя был старше меня годом, егерь Иван – моложе и довольно щедушный. Когда он оскорблял меня обращением на «ты» или насмешками над моими промахами, я хватал его за шиворот или за ствол ружья и опрокидывал на полосу, после чего он плакал и кричал: «Вас ведь не шевелят!» Вообще водил я его на охоту как бы для контраста, чтобы оттенить свои охотничьи дарования: он должен был «мазать», я же – убивать птицу. Когда роли случайно менялись, я выходил из себя. Иное отношение было, когда меня брал на охоту почтмейстер К. Вылетающие «из-под собаки» тетерева, куропатки и пр. производили на меня такое впечатление, что я терял способность целиться: или бездействовал, или палил в небо. К., напротив, хорошо стрелял, и насмешки его доставляли мне жестокое страдание, которое окупалось лишь тем, что я видел и носил за спиной настоящую дичь. И в тех, и в других случаях охота оканчивалась водкой. Было в этом питье и молодечество, и хулиганство, и удовольствие непосредственное. Казалось весело (в настоящее время малейшая доза алкоголя на меня страшнейшую тоску нагоняет, правда, с оттенком лиризма). Ровенское общество охотников (Виталий, Ильич и я) «заседания» иногда устраивало, то есть просто садились за стол и пили до змья, под моим председательством. Это совершалось открыто. Курили же мы тайком. И я втянулся, но осенью отстал, с переездом в Петербург, как жется.

С этого-то лета я и втянулся с головой в охоту. Что именно влекло меня – толком сказать не умею. Кажется, поначалу, ореол, коим окружался в моем воображении облик вооруженного человека, бесстрашно скитающегося по дремучим лесам. Надо сказать, что в возрасте лет десяти я наслушался еще заманчивых рассказов тятеньки об охоте (он однажды зайца застрелил). Потом, после первых встреч с дичью меня спортивная сторона увлекла: ловкость выстрела, преодоление трудностей, осторожности и прыткости дичи. Человеческое достоинство стало измеряться у меня умением стрелять «в наброску». Зимой... натолкнувший меня на охоту тятенька заметил, как я увлекся, и заговорил совсем по-новому. Всякое увлечение, по его мнению, зло.

И вот, вместо прелестей и молодечества охоты, стало выступать «зверское уничтожение поющих-щебечущих птичек», беготня, превращающая человека в «ободранную кошку с подбитой щекой» (это когда у меня ссадина на физиономии от отдачи появилась, и похудел я). Я спорил – без особенной логики, но с остервенением. Тут-то и пришла мне на помощь книжка...

В четвертом классе нам задали сочинение – рассказ из летних воспоминаний. Единственной в классе пятерки было удостоено мое описание одной из экскурсий с легавой собакой. Я не помню, насколько было удачно это описание. Одно только поражает меня теперь при воспоминании: лицемерие. Ложь в передаче красоты природы. Дело в том, что процедура разыскивания дичи до того поглощала мое сознание, что никаких красок я не замечал вокруг себя. И все, что я рассказывал о синем небе, о лесных панорамах, грозе, солнце было повторением читанных или слышанных слов, и только частью – напряженное воспоминание того, что в описываемый день скользнуло мимо глаз и ушей. ...Слова попадались под руку большей частью тургеневские...

Такая идеология, подробнее развитая в предисловии к книге Вавилова «Охота в России», стала для меня каким-то катехизисом, святостью которого я проникался все более. Журнал «Природа и охота» подлил масла в огонь. Там оказались и охотничьи стихи, в большинстве – весьма корявые. Отрывок одного из них (прощание охотника с рекою Алеем) глубоко мне в душу запал:

Прощай, Алей, прощай, родной:
Меня уж душный город ждет...
Прощай, пока – опять весной
Твой блудный сын к тебе придет...

И сейчас вспоминаю себя в сером пальто на тарантасе в солнечный осенний вечер... Из-за ёгольского кладбища показывается синеватая лента Мсты и вновь исчезает за песками. Я только что из болота вылез (на всю зиму), а впереди гимназическая пыль и скука... И кажется мне какая-то бессмысленная жестокость в том, что тарантас мчится по ровной дороге, и с каждым мгном все дальше и дальше я от своего «земного рая»... Может быть, в одну из таких-то минут я и полюбил по-настоящему природу.

Вообще же охотник (сужу по себе) – существо необщительное, бескорыстно-жадное и завистливое. Чужие выстрелы, самоуверенно раскатывающиеся по лесу в тихое утро, просто из себя выводят. Прوماх (да еще на людях) – мучительный позор, «дулет» – неистовая детская радость. Стойка собаки – что-то вроде лотереи. Однажды К. спросил меня в такую минуту: пробирает ли меня нервная лихорадка. Сообразив, что охотнику подобает быть бестрепетным, я ответил отрицательно. К. рукой махнул: нет в тебе, значит, охотничьей жилки...

Интересно, что под влиянием барской «Природы и охоты» я проникся искренним презрением к мужику-охотнику. Он – «промышленник», а не «истинный охотник», а ведь по катехизису, «охота для охоты» как «искусство

для искусства». С охотой же было связано и своеобразное «опростительство», доведенное до высшей точки. Вид свежей канавы, осушающей хорошее болото, наводил на меня ярость или лирическую грусть. Город и лес стали для меня окончательно Ариманом и Ормуздом.

«...Встречи, эпизоды... переживания и думы...» (из воспоминаний, 1950-е гг.)¹

Сохранившиеся в памяти чем-либо интересные и характерные встречи, эпизоды, бытовые картинки, переживания и думы, возникавшие на разных этапах моего жизненного пути, я буду восстанавливать и записывать в этой «черновой» тетрадке вне всякой последовательности – как сырой материал.

Улица, детская и столовая (1892–1893)

Я маленький петербуржец в возрасте 3 1/2 или 4-х лет. Знаю, что я – «сын доктора», то есть врача. При этом – «сын единственный». Прогулки мало интересуют и мало радуют меня, потому что на улице все – серое: дома, панели, снег. Кажется, что и все люди, встреченные на улице, серы. А всматриваться в них, разбираться – какие они – я еще не умею. Привлекают внимание только военные да трубочисты. И привыкаю я думать, что все дома и люди – одинаковые, обыкновенные и ничего интересного вокруг меня нет. Только военные да трубочисты выделяются на этом однородном скучном фоне.

Серы обои в моей узенькой детской комнате. Серо небо, клочок которого виден в окно – над темными домами².

Но в детской есть игрушки, поочередно привлекающие мое внимание. Я копошусь в них, но они не сильно увлекают меня. Больше люблю цветные карандаши и те игрушки, которые заставляют что-либо делать с ними, а не созерцать и фантазировать.

Пожалуй, интереснее даже в столовой, где на обед собираются все: папа, мама, Елена Александровна, временами – и «папа крестный» – толстый маленький весельчак, носитель «шоколадных папирос», «бенгальских спичек» и всяких подарков, за которые я его очень люблю. (Приятен даже дым его сигары.)

¹ Печатается по рукописи из личного архива О.А. Линник – внучки С.Н. Поршнякова. (Ред.)

² Жили мы в ту пору во втором этаже огромного дома купца Яковлева – дом № 4 по Надеждинской улице (ул. Маяковского). Другой стороной своей дом выходит на Невский. Какие-то сведенья о себе и своем месте жительства я уже тогда научен был рапортовать о себе добрым людям – на тот случай, если я «потеряюсь». Памятные мне ворота со львиными головами возле нашего подъезда неизменны и по сей день, они живо напоминают мне мое детство – «на пороге сознания».

Елена Александровна, по прозвищу Капочка (мама не может не наделять прозвищами) – очень маленькая, худенькая женщина, добрая, ничем себя не проявляющая – мое тихое и благожелательное «начальство» (бонна)³.

Всегда веселая, щебечущая мать, разливающая суп, излучает, как мне это кажется, тепло, свет и радость. Другого рода человек – отец. Он высокого роста, чернобородый, с лысиной, не страшный, добрый, но солидный, значительный. И от него за обедом приходится слышать загадочные слова, которые он произносит внушительно, веско.

Спрашивать, что значат эти новые слова, я не догадываюсь. Но они цепко удерживаются в памяти, получают иногда странные истолкования, а иногда входят незаметно и в мой лексикон. В столовой я кое-чему научаюсь.

Март 1956.

«Обязательно!..» (1892–1893)

Заканчивая фразу, отец нередко стучает бугроватым деревянным черенком вилки по обеденному столу и произносит весьма внушительно невесть что значащее слово:

– Обязательно!

Потом, за столом, в детской, в кровати я незаметно для себя думаю над смыслом этого слова, но не прихожу ни к чему. Одно ясно: такое слово не может не утверждать, не подкреплять чего-то, как прочная подпорка.

Пришло лето. Завелась у меня первая дружба с четвероногим существом – с дворовой собакой Пундиком.

И вот однажды, за обеденным столом я рассмешил всех, задумчиво возгласив:

– Пундик... Обязательно, Пундик!

Как и почему я это сказал, – не помню. Но этот мой возглас мне и много лет спустя напоминали со смехом старшие. Что хотел я этим выразить, не знаю.

Март 1956.

Волнение (1893)

Среди холмистого поля я видел, как ветер колышет высокую рожь. Кто-то сказал, что «рожь волнуется». Зрелище это и слово, его обозначающее, крепко засели у меня в памяти.

И вот однажды Елена Александровна говорит моей двоюродной сестренке Эльзе⁴:

³ По фамилии Войлокова. Впоследствии служащая экспедиции заготовления государственных бумаг (Госзнак).

⁴ Елизавета Павловна Кухарская – сестренка Владимира Леонтьевича Комарова, тогда девочка, временно жившая у нас, на 2–3 года старше меня (следовательно, лет семи).

– Да ты не волнуйся! Что ты волнуешься?..

Я пристально смотрю на Эльзу, но не могу заметить на ней ничего похожего на движение колышущейся ржи. Это меня озадачивает. Иного значения слова «волноваться» я не знаю. Не знаю, что одно слово может иметь разные значения. Спросить же не догадываюсь и не привык спрашивать (может быть, из ложного стыда).

Так и остаюсь в недоумении: то ли не умею я видеть, как волнуется – колышется Эльза, то ли это неправду про нее говорит Елена Александровна (может быть, в шутку).

Март 1956.

Аверьяныч (1892–1893)

– Аверьяныч пришел!..

В ту же столовую (квартиры в доме Яковлева на Надеждинской) из узкого темного коридора входит довольно тщедушного вида старичок, невероятно нагруженный двумя тяжелыми вьюками – ящиками, которые он несет на перекинутом через плечо ремне.

У Аверьяныча полуседая борода лопаткой. Он оглядывает нас своими спокойными, очень добрыми глазами сквозь очки с железной оправой. Здоровается. Снимает со своих ящиков клеенку и привычно располагается возле них на полу.

Он извлекает из своих ящиков-сокровищниц дести⁵ писчей бумаги, тетрадки в блестящих клеенчатых обложках, красные палочки сургуча, розово-серые кипарисовые круглые карандаши, опрятные бутылочки с чернилами и другие товары, которые мне – все – замечательно нравятся, хоть и не умею я еще пользоваться ими. Цены он называет настолько скромные, что мой расчетливый отец одобрительно кивает головой и откладывает себе всего – в запас. Мать – тоже. И мне приятно, что эти вещи останутся у нас, как память об Аверьяныче.

Симпатии мои – на стороне скромного, старательного, доброго и полезного человека – Аверьяныча, подобного Деду Морозу, доброму волшебнику или гному из сказок. Однако, вопрос, почему с ним (как и с прислугой, и с полотерами) не здороваются «за руку» и не усаживают его в столовой за стол, – не возникает у меня. Может быть, оттого, что слова «почему» еще нет в моем говоре, а подсознание говорит: все кругом устроено так, как должно быть; иначе не бывает и быть не может.

Март 1956.

«Папа крестный» (1892–1915)

Он очень веселый, приветливый и подвижный. Вне обеда все время ходит по комнате взад и вперед (я за ним). Говорит не умолкая, смеется, курит

⁵ Десть – русская единица счета писчей бумаги, равная 24 листам. (Ред.)

вкусно пахнущую сигару. А так как он, в противоположность отцу, маленький и толстый – кажется, что по кабинету весело катается хорошенький шарик. И мне достаются от него сигары и папиросы, но – шоколадные, соответствующие возрасту, и всякие другие подарки. За все это, и особенно – за подарки, я очень люблю его, охотно целую в черные, колечками закрученные усы и поминаю в вечерней молитве.

Помню: однажды у него пошла из носа кровь. Я не знал, что это – от полнокровия, а он – любитель подшутить над ребенком – стал говорить мне, что теперь от этого кровотечения он умрет. Я долго и горько плакал. А он почему-то смеялся.

Когда мне было уже 6 лет, он подарил мне игрушку – макет льва, который очень сердито рычал, если его дернуть за проволочку на шее. Увидя мой страх, «папа крестный», вместе с моим отцом, стали упорно бегать за мной, пугая непрерывно рвущейся игрушкой. Переволновали и замучили.

В другой раз, когда мне исполнилось 7 лет, он и папа стали страшить меня ужасной перспективой: теперь я уже «отрок», должен буду идти в церковь на исповедь. Надо будет рассказывать попу про свои грехи. И, если грехов окажется много, большой толстый поп поставит меня на четвереньки, усядется на меня верхом и заставит долго катать себя по церкви – в наказание, для искупления грехов... Я не мог не верить, и угроза неизбежной такой исповеди года два мучила и угнетала меня. (Оставалось только утешаться тем, что она все отсрочивается.) Со временем эта маленькая драма моей детской жизни незаметно развеялась, забылась. Непедагогичная шутка, разыгранная надо мной, осталась, видимо, без критической оценки, как с моей стороны, так и со стороны ее затейников. Мне тогда в голову не приходило подумать: хорошо ли со мной поступили? И «папу крестного» я любил по-прежнему, относясь ко всему, что он делал (стало быть, и к хроническому безделью его) не более критично, чем правоверный католик к поступкам и словам ватиканского Папы. Я думаю, что основной причиной тому были все более щедрые подарки его, ибо я был ребенком не только чрезвычайно «ручным», но и не бескорыстным (по свойствам примитивного моего детского эгоизма и положения единственного сына в богатой интеллигентской семье). Из подарков, полученных от «крестного» в 4-летнем возрасте, я помню пару простеньких жестяных фонариков с цветными стеклами, а в 8-летнем возрасте – аквариум с рыбками (предел моих мечтаний)⁶.

Из года в год «папа крестный» появлялся время от времени в Петербурге и приходил к нам обедать к 5 часам вечера. При этом он, прежде всего, оставался в неосвещенной комнате у зеркала, зажигал спичку и очень внимательно рассматривал свои, уже подкрашиваемые черные, зачесанные назад волосы и усы. Веселость и буйная жизнерадостность его понемногу тускнеют. Меня он давно перестал называть кличкой раннего детства – Сахаром

⁶ Любуясь им, я пел: «Ничего мне на свете не надо – только видеть аквариум мой», перефразируя песню шарманщиков.

Медовичем, но по прежнему внимателен и заботлив к «крестнику» и не отмахивается от маленького, не интересного старому холостяку человечка.

Пришел 1905 год, мне уже 16 лет. Многое бесповоротно переплавлялось в моем сознании. В ином свете стал я видеть и своего «крестного». Из доброго божества Ормузда он превратился для меня в некоего Аримана. Из-за добрейшего весельчака проглянул не проявлявшийся раньше озлобленный реакционер и брюзга. От щедрости его запахло чужим потом. Увидел я в нем человека дворянской идеологии, кончившего курс по двум факультетам университета, ничего не делающего, катающегося по свету для развлечений, подкрашенного старого холостяка – «мышинного жеребчика», застенчиво-деликатного от трусоватости.

Вот, он снова сидит у нас за тем же обеденным столом, повязанный салфеткой, и наставительно жестикулирует жирными, короткими, похожими на сосиски-сардельки пальцами, звучно чавкая: «Эти социалы... Ведь они стремятся только к материальному... земля, заводы. И стараются возбуждать у народа низменные страсти, вражду, зависть к имущим... Это оттого, что у них нет духовной жизни...»

Последняя фраза повторяется не раз, почему к почтенному человеку и не замедляет прилипнуть в нашей семье мной данное шутовское прозвище: «Духовная Жизнь» или «Духовный Житель».

– А почему в Китае никогда не будет революции?! Вот вы не знаете, а я вам сейчас объясню. Потому что китайцы живут духовной жизнью. И они знают, что земля, которая принадлежит помещику, это концентрированный труд его предков...

Слово «концентрированный» произносится по складам – акцентированно, с побагровевшим лицом, ибо оно кажется застольному оратору неким откровением. Вдохновенная проповедь отречения от материальной стороны жизни у человека, захлебывающегося вкусной едой, так смешна, что отец лишь изредка задает ему юмористичные вопросы. А я оспариваю его ахинею – горячо, шумно, многословно и бестолково, по-гимназически. И даже мать, которая наивно боится и не любит «политических» споров – на моей стороне.

Ахинея, с застрахованным от революции конфуцианским учением, победой духа над материей Китаем, его «гуманнейшим» феодальным законодательством и «умеренными» телесными наказаниями восторжествовала в виде печатного труда «Духовного Жителя» – тоненькой брошюрке в зеленой обложке, изданной на средства автора («Уголовное уложение хана Юн-Дженя»). Брошюрка эта гордо простояла в витрине одного магазина на Невском, пока обложка ее не выгорела и не стала серо-желтой. Никто, кажется, ее и не купил. Это было проявление научной самостоятельности «кандидата прав и естественных наук» (так именовались тогда окончившие университет при хороших отметках по юридическим и естественным факультетам).

Какой он был «кандидат естественных наук», я понял тогда же из его рассказа о «загадочных» явлениях природы в недавно построенном и обставленном доме его, подобном вилле:

– Шкафы трещат: то один, то – другой. Как ночь настанет – трещат и до утра. Я прислугу позвал: что это?.. А у нее и глаза потемнели – молчит, только крестится: «С нами крестная сила!» Днем с отцом своим поговорила (он такой умный, старозаветный рассудительный мужик). Говорит: «Либо знамение, либо наваждение...»

Рассказчика самого дрожь берет от этих воспоминаний. Ученик покойного зоолога профессора Вагнера (автора «Сказок Кота-Мурлыки»), он думает, очевидно, о «спиритических явлениях».

– Или, вот, раз тогда же было: ночью из сада вдруг вбегает ко мне в открытую дверь кошка. И какая-то особенная, на длинных ногах. Постояла и убежала. Все говорят, что это ведьма...

Лет через десять его разбил апоплексический удар. Дожил он свои недолгие дни где-то в санатории или лечебнице. Лежал он там, как я слышал, совершенно седой, благообразный и ко всем доброжелательный.

Март 1956.

«Дядя Почини́» (1893)

Сухощавый, подвижный, молодой человек с маленькой бородкой, в форме студента или инженера-технолога (это я опознал позже на фотографиях, когда научился по одежде различать профессии людей), такой простой и такой на все ловкий, умелый, что я с развязностью, свойственной 3–4-летнему моему возрасту, чуть не сразу сунулся к нему с просьбой починить мое чем-то захворавшее «знамя» с бахромой на древке. Заказ был выполнен прекрасно и молниеносно – без перерыва оживленного разговора «дяди» с другими взрослыми. И конечно, я почувствовал симпатию к доброму умельцу, уверенно стал называть его по-своему – «Дядя Почини́» – и напал на него с «заказами» каждый раз, как он появлялся у нас (вместе со своим школьным товарищем – моим дядей, которого мать прозвала, как легкомысленного молодого танцора, Паркетной Мухой).

Наш частый гость в доме Яковлева на Надеждинской (Маяковского) Дядя Почини́ в дальнейшем исчез с нашего горизонта. Узнал я позже, что фамилия его – Налетов, имя отчество, если мне не изменяет память, – Михаил Петрович, что он – замечательный изобретатель, создавший едва ли не первую в мире подводную лодку, энтузиаст технического прогресса, абсолютно бескорыстный в своей трудной работе, не встречавшей в царской казенной России ни поддержки, ни сочувствия.

Перед началом Японской войны 1904 года он был под Порт-Артуром (запомнился почему то повторно слышанный адрес его: Порт-Артур, Та-Лиен-Ван (Да-Лян-Ван), город Дальний). Очевидно, остался в осаде. Что было дальше с ним, не знаю. Хочу искать сведений о нем в литературе или в Институте истории науки и техники.

Март 1956.

«Полу-Викентьич» (1893–1897)

Был он весь какой-то пышный, немножко таинственный, затуманенный дымом особенных сигар, которые курил. Мать моя звала его тогда по родственному – Павлуша Кухарский. Дымными казались и глаза его, в которых можно было прочесть: «А вот я вас сейчас как удивлю!» Видеть мне его приходилось только в добром настроении – сибаритствующим или кейфующим. Голова его с небольшими, но пышными и тоже дымными волосами, так и просила великолепного блестящего цилиндра. Одежда никогда не интересовала меня, а в 4-летнем возрасте – тем более. И все же, как сейчас помню: пиджак у него был из какого-то особенного синего сукна – пушистого, как драгоценный мех, и из кармана на груди, как лошадиное ухо, выглядывал идеально чистый отглаженный носовой платок. Всем видом своим и выражением глаз он как бы говорил: «Вот я вас всех изумлю! Я – необыкновенный!»

В доме Яковлева на Надеждинской, по родству (вернее – свойству) с нами, он был у нас нередким гостем. Звали его Павел Викентьевич Кухарский (на моем детском жаргоне – «Полу-Викентьич»). Офицер-артиллерист, кажется, ни разу не выстреливший из пушки, он сблизился со старшей сестрой моей матери Елизаветой Михайловной еще при жизни ее мужа Леонтия Виссарионовича Комарова, тяжело болевшего от последствий контузии на войне в Средней Азии (Туркестане). В силу этого Кухарский оказался отчимом малолетнего сына Леонтия Виссарионовича и Елизаветы Михайловны – Володи Комарова (впоследствии – знаменитого ботаника, президента Академии наук) и отцом пятерых детей вышедшей за него Елизаветы Михайловны (Павлуши, Миши, Вити, Нины, Эльзы-Елизаветы).

Мистификации, роскошь и капризное своеволие, как мне пришлось впоследствии слышать, были стихией, вне которой никак не хотел жить этот тепло устроившийся в жизни чиновник с гонором пана и офицера. (Спесь панская преобладала, следы офицерской выправки исчезли, уступив место леопардовой мягкости движений преуспевающего большого чиновника.) Неизвестно, какие связи или силы небесные помогли ему перебраться из артиллерийского ведомства (через Фонтанку) – в Институт инженеров путей сообщения и стать вратарем одного – начальником его канцелярии, а вместе с тем – и отъявленным взяточником (по рассказам моей матери, дружившей с семьей Герсеванова, директора Института инженеров путей сообщения). Папынку своему – юному натуралисту Владимиру Леонтьевичу – отчим отравлял и детство, и отрочество, и юность (по рассказам В.Л. Комарова).

Вспоминаются мне такие моменты.

Выбегаю я в комнату, где сидят пришедшие гости. Полу-Викентьич ставит передо мной на пол подарок – маленького слона из папье-маше с подвешенной качающейся головой. Я поворачиваюсь к матери и констатирую: «Слон кивает головой!» Но, обернувшись к слону, вижу, что он не только не кивает, но и вовсе лишен головы, на месте которой зияет страшная дыра. Я –

в отчаянии... Через минуту слон снова приветливо кивает головой. Полу-Викентьич доволен эффектом, произведенным его фокусом.

К отцу моему (как я узнал позже) он явился однажды в качестве мнимого больного – с накладной бородой. На вопрос, на что жалуется, стал вопить, закрыв лицо, катаясь по дивану, что «все болит!..» Был принят за сумасшедшего, чем остался очень доволен.

Был я у Полу-Викентьича и на его казенной квартире в Институте инженеров путей сообщения на Забалканском (ездил с мамой – спроведать Эльзу и Нину). Дверь открыл почти безголосый и безличный на вид лакей Ушев. Он чем-то походил на ужа, и я думал, что от «ужа» происходит его странная фамилия.

Квартира поражала своими размерами, обстановкой и какой-то зловещей мертвой тишиной. Большой зал был затемнен невероятным обилием тропических растений. Среди них установлен был огромный аквариум с золотыми рыбками. Из обширного кабинета – винтовая лестница в комнату, закрытую всегда для всех, кроме хозяина квартиры. Через нее он всегда исчезал из дома и появлялся вновь совершенно неожиданно, в самые неопределенные сроки (Сказка о Синей Бороде!) Остальная часть квартиры похожа была на антикварный магазин: картины в тяжелых золоченых рамах, ковры, причудливая мебель, мрамор, бронза, фарфор, канделябры. Двери заменены были завесами из бисера-стекляруса с гардинами. И только две тесные комнаты дочерей походили на монастырские кельи или больничные палаты... Таким припоминается мне теперь этот дворец Кошечья – ключаря Института путей сообщения.

Даже остроглазая Эльза казалась в этой квартире какой-то выцветшей, угасшей и говорила вполголоса.

Было мне лет 6 или 7, когда моя мать по причинам, которых я не знаю и до настоящего времени, навсегда прекратила знакомство с Полу-Викентьичем. Эльза перестала проводить у нас летние месяцы: отец не отпускал. (Акт разрыва всяких отношений вызван был каким-то заявлением с его стороны.) Вместо благодарности за хлеб, заботу и ласку для дочери со стороны ее тетки в течение ряда лет, он направил однажды к моей матери того же Ушева парламентаром с коротким требованием: «Эльзы Павловны облачение!» Это значило, что тетя должна была сдать все то, что из своего материала и, в значительной мере, своими руками шила для племянницы. Мать моя возмутилась и наказала передать, что одежда будет передана другим детям, более в ней нуждающимся. Так и было сделано. «Железный занавес» опустился между нами на многие десятилетия.

Квартира – «замок Кашея» на Забалканском – была плохой педагогической кухней. Сыновья не смогли повторить цикла развития (бюрократической карьеры) отца. Павлуша пропал где-то «вольнотопределяющимся 2-го разряда». Из Вити вышел сноб, прожигатель жизни. По определению некоей пиковой дамы (генеральша Дандевиль) – даже «кот» (т.е. альфонс). Пошел ли он в своей карьере дальше юнкера и почему исчез в полном забвении, не знаю. Внушал он мне малышу (при очень редких встречах) неизъяснимое ор-

ганическое отвращение. Миша был тоже неудачник – «ничего не кончил». Но вышел из него добросовестный дельный железнодорожник на какой-то станции вдали от Петербурга. Зашел он к нам, семейный, со своей женой в 1907 году. Жена тоже служила на железной дороге. Знаменитый впоследствии пасынок Володя был для Полу-Викентьича только плохой успеваемости гимназистом, да еще с никчемным фанатическим устремлением к изучению природы и явными признаками политической неблагонадежности: абсолютный неудачник!

Дочери – две мумифицировавшиеся и морально выхолощенные стареющие девицы – оставались верными корделиями – удобной мебелью при отце до его кончины, наступившей (если не ошибаюсь) в первые годы советской власти.

Эльза и Нина (1892–1947)

Пьем чай. Пяти- или шестилетняя двоюродная сестренка моя Эльза⁷ устала на меня, трехлетнего солидного малыша, своими необыкновенными – очень острыми, живыми и немножко смеющимися глазами, как это с ней часто бывает. Это нервирует меня, и я требую:

– Пей чай, не выглядывай!

– А куда же мне смотреть?

– Смотри в Посад, – указываю я уверенно, хоть и не знаю еще Опеченского Посада, который в 7 верстах от нас, за лесами и болотами. Ясно мне только, что Посад – не здесь, и что это – отвод для эльзиных глаз, пристально продолжающих меня рассматривать.

Каждое лето, с 3-х до 6-ти или 7-милетнего моего возраста, мы жили с ней в одной комнате (в Ровном, близ Боровичей). Вместе гуляли, ели, играли, раскрашивали акварелью картинку в толстом комплекте журнала «Нива» 1880-х годов. Возникла ли у нас, в результате такого сосуществования, прочная привязанность и дружба? По всей видимости – нет. Чего-то недоставало в начале первого лета без Эльзы, но горя не было от потрясающей перемены в нашей жизни. После внезапного разрыва отношений между нашими семьями она для меня как бы «без вести пропала», и на целых полстолетия. Вызвано было такое с моей стороны равнодушие к внезапной и бессрочной разлуке (как я думаю теперь) не только моим детским эгоизмом единственного сына. Эта мысль пришла мне в голову только сейчас. В какой-то мере она верна, я не решаюсь утверждать с полной решительностью.

Будучи значительно старше меня, она во всем, играя, конкурировала со мной – с гарантией на свой перевес и первенство. Соревнование было главным образом «имущественное». В стиле французской песенки:

⁷ Елизавета Павловна Кухарская, в быту именованная Эльзой, видимо в честь Эльзы из «Лоэнгрина». Мать ее, Елизавета Михайловна, умерла после ее рождения от «родильной горячки» (сентицемии). Принимала темная повитуха бабка, не знававшая антисептики.

J'ai du bon tabac
Dans ma tabatière.
J'ai du bon tabac? –
Tu n'en n'aura pas!⁸

Вот, предоставлены нам с Эльзой два столика. Эльзе достался черный, мне – красный. Красный (как мне теперь представляется) даже лучше. Но Эльза стреляет в меня своими удивительно живыми и немножко насмешливыми глазами. Дразнит:

– А мой стол лучше!.. Мой больше. И в выдвижной ящик можно всего больше положить, чем у твоего.

Я чувствую себя обделенным, обиженным судьбой, роковым образом что-то упустившим в жизни по своей глупости: зачем не вцепился обеими руками в черный столик при «разделе имущества». То же повторяется, когда нас обоих снабжают подобием бюваров: Эльза перечисляет достоинства своего и недостатки моего бювара – поддразнивает глазами. Я – еще совсем плохой товаровед. Не умею возражать, и страдаю.

«Семена капитализма» начинают набухать в нашем детском сознании.

На берегу реки и в поле, гуляя, мы делаем много «открытий» (слово это переходит, как и многое, от Эльзы в мой лексикон). Большой камень, на котором можно играть, как на столе, дупло дерева, ручеек с шевелящимися на дне его живыми «палочками» (личинки ручейников), вересинка – можжевельник с подобием ниши в кроне... Всякое такое «открытие» закрепляется за его первооткрывателем (происходит как бы водружение флага на открытом мореплавателем острове)... И здесь, в этом «захвате колоний» в окрестностях нашего дома, я чувствую, что позорно отстаю от старшей сестренки, которая продолжает «выглядывать» и торжествовать.

Нашлись две старые клетки и два потрепанных чучела птичек. По инициативе Эльзы мы создали неживым птичкам в этих клетках роскошную обстановку. В моей клетке, кроме мхов, были кремни, колчеданы, «камень-чиркалка», как я назвал гранит (потому что при чиркании по нему кремнем получались искры). Но у Эльзы, кроме всего этого, оказался «золотой песок» – дресва со слюдой от перекаленного в черной бане гнейса). Я был опять сражен.

Все это не мешало нам обоим жить дружно и переживать, пожалуй, счастливейшие дни детства. Роптать на что-либо, а тем более – спорить, негодовать, я был совершенно не способен. Все в мире представлялось мне устроенным богом так, как оно должно быть. Если я – малыш, значит, надо терпеть связанные с этим званием неприятности (благо они незначительны).

В те годы Эльза отнюдь не была заражена рафинированным эгоизмом или высокомерием своего отца, которого мало и видела. Гораздо большее влияние (и влияние положительное) оказывала на нее моя мать – человек искрен-

⁸ У меня хороший табак в моей табакерке. У меня хороший табак? – У тебя его не будет! (фр.)

ний и любвеобильный ко всем, а к племяннице – сироте от рождения – в особенности. Наклонность поддразнить иногда меньшого братишку была у Эльзы невинным озорством, некоторым детям свойственным.

...Мне года 4 или 5. Имея на руках пирожные в щепяной корзиночке, завернутые в бумагу, мы с матерью вступаем под своды огромного здания очень бледной голубовато- или зеленовато-серой окраски. Это – Екатерининский институт для «благородных девиц». Здесь воспитывается старшая сестра Эльзы – Нина Кухарская.

Сняв верхнюю одежду, мы проходим под высокими сводами каменного коридора в огромный, до неприятности светлый зал. Очень большие окна расположены в два ряда – и на Фонтанку, и в сад. В эти окна неприветливо глядит серое петербургское небо.

Мы садимся возле окна и ждем Нину, которую вызовут сюда на свидание с нами. Кругом звенят шпоры, шуршат шелковые платья, золотом блестят погоны и пуговицы, мелькают зеленые платья и белые передники институток. Зал сдержанно гудит. Разговоры, пересыпаемые французскими фразами, сливаются в жужжание улья.

Мне кажется, что в зале мозгло и холодно. На самом деле это не так: от холода легко одетые девочки ежились бы. А они только очень несчастные – в своих одинаковых бело-зеленых одеяниях и безобразных мужских штиблетах с резинками и ушками: ходят неуверенно, робко оглядываются кругом и униженно приседают перед своими руководительницами и блестящими родственниками. Может быть, от этого и кажется, что холодно. А может быть – от вида голых каменных стен голубовато-серой холодной окраски – или от слишком блестящих и важных родственников институток.

Нина подходит, садится возле нас и начинает разговаривать о чем-то с тетей Олей (моей матерью). Сначала я смотрю на нее и ее форменную одежду с любопытством и состраданием: жаль ведь запертых в этой холодной чужбине девиц. Но через минуту-другую жалостливое любопытство развеивается. Нина – совсем большая. Вид у нее – не подавленный. А огонька радости при встрече с приветливой и ласковой тетей не заметно. Должно быть, она сжилась с институтом и приспособилась к его жизни. (Была, кажется, «пепиньеркой» – воспитанницей, получившей официально некоторую власть над младшими воспитанницами.)

Ничем она не похожа на свою сестренку Эльзу, в которой чувствуешь существо, хотя подчас и привередливое, но близкое – искреннее, и с душой... Я скучаю, блуждая глазами по просторам этого зала и безжизненной зимней Фонтанки...

Легко вздохнулось, когда мы с матерью вышли из этого огромного мертвого дома.

Мы навещаем Нину в течение зимы, кажется, еженедельно. Я выполняю роль носителя пирожных в этой процедуре. Для меня это – повинность, не менее скучная, чем хождение с матерью по магазинам Гостиного двора.

* * *

Прошло 60 лет, прежде чем мне довелось снова переступить порог этого неприветливого здания на Фонтанке. Жизнь в нем (как и везде кругом) изменилась неузнаваемо: здесь – отделения Публичной библиотеки. Один из этажей всегда переполнен студенческой молодежью. И все же, велика сила впечатлений детства: стены гнетут. Здание кажется огромным холодильником. Как будто въелась в стены, не изменившие своей окраски, плесень царившей здесь педагогической системы.

Я занимаюсь «Новгородским Губернским Вестником» – в газетном отделе библиотеки. А отрываясь от пахнущих далеким прошлым печатных листов, задумываюсь над вопросом: для чего будущих великосветских барынь (в том числе и развращеннейших «львиц») или, на худой конец, – черствых и злых классных дам, подвергали здесь многолетней муштре, унижениям и беспросветной скуке, в отрыве от семьи? – Дрессировка ли здесь была главной задачей – развитие манерности, лицемерия, лоска «благовоспитанности»? Длительный ли пост перед оргией жизни в «хорошем обществе»? Натерпеться ли унижений надо было институткам, чтобы лучше уметь унижать – в дальнейшей долгой жизни? (Последнее соображение, возможно, играло главную роль при установлении режима морального замордовыванья и «цукания» – в юнкерских училищах.)

* * *

Наступило лето. Вместе с Эльзой приехала к нам и кончившая институт Нина.

Сначала я относился к ней с совершенным безразличием, как к предмету, видимо, бездушному, не доброму, но и не злему, занимающему место в пространстве, но не шумливому, никому не мешающему. Понемногу у меня возникла и стала крепнуть определенная неприязнь к этой Нине. (Высказывать какую-либо антипатию, как и всякое неудовольствие или неодобрение того, что существует, принято, установлено – было не в моем обычае.)

Была она сухощавой блондинкой среднего роста с довольно правильными чертами лица, умеренно-пышно причесанная, аккуратно одетая, может быть, даже красивая... Всего этого я, конечно, не замечал тогда; все проявилось в моей памяти (как на фотопленке) много лет спустя, когда глядя на портрет последней императрицы Александры Федоровны (Алисы Гессенской) я уловил в нем какое-то сходство с Ниной.

Глаза же, ледяного цвета, были у Нины злые и холодные, как Екатерининский институт. Улыбалась она часто и как будто говорила улыбкой: «Не бойтесь, я не кусаюсь, потому, что это не принято». Тембра голоса я хорошенько не помню, но мне кажется, что она не то – говорила, не то – шипела, – яснее всего произнося шипящие звуки (*ж, ч, ш, щ* и *с*). Может быть, сохраняя повадки «пепиньерки», она донимала «цуканием» меня, как младшего в доме. То до бесконечности заставляла повторять слова: ложка, лошадь, ложь – издаваясь над тем, что у меня получается звук «у» вместо твердого «л». То ловила меня на том, что я в разговоре иногда «божусь» (говорю «ей богу»), и сообщала моей матери, что я совершаю грех (предусмотренный заповедью

такой-то «закона Моисеева»). О недобром нраве Нины в более раннем ее возрасте мне пришлось потом слышать и от моей матери. Жаловался ей братишка Миша своим баском, сквозь слезы: «Да... А она берет меня за волосы, а сама уходит в другую комнату...» После этого лета я с Ниной, кажется, более не встречался.

* * *

Дальнейшая история семьи Кухарских сводится к следующему.

Отец ассимилировал вконец и мумифицировал в состоянии старой девы старшую дочь. Старшая обработала таким же образом младшую, окончившую курс в другом – Павловском – институте благородных девиц (на Знаменской улице, нынешней ул. Восстания, близ Московского вокзала и станции метро).

По словам В.Л. Комарова, Нина обезличила и морально выхолостила Эльзу до такой степени, что последняя совершенно серьезно говорила ему в 1930-х годах: «Я ведь такая тупая... Хорошо, что имею возможность жить с Ниной. Я ей так всем обязана...»

Перед отцом своим благоговели обе. Прожили все трое до начала советского периода в неизменной обстановке на казенной квартире в Институте путей сообщения. В 1920–1930-х годах их постепенно уплотняли. Уплотнили до одной узенькой комнатки, подобной «Ноеву ковчегу» по перегрузке собранными при жизни и благополучии отца антикварными украшениями. Нина во времена НЭПа выпекала на продажу какие-то дорогие печенья. Эльза, по настоянию В.Л. Комарова, поступила на работу в Библиотеку Академии наук, используя свою французскую грамотность, которой достигла в институте.

После смерти Нины Эльза переселилась к брату – В.Л. Комарову. У него-то мне и пришлось встретиться с Эльзой в послевоенные годы. Она мало изменилась внешне за нашу 50-летнюю разлуку: те же острые, живые, подетски выглядывающие глаза, мало заметная примесь седых волос... Нотки юмора в разговоре.

Только говорить стала Эльза «по-Кухарски» – как говорили у них все, кроме Миши: по-аристократически лениво-небрежно, с особой интонацией иронии и пренебрежения к людям, с акцентированьем, напоминающим чтение выговора или решения суда.

Подумалось: да может быть и не ассимилировала ее Нина за это полустолетие...

И вдруг, когда мы остались одни – одна фраза, сказанная просто, совсем не по-кухарски, тоном серьезным и негодующим, немного приглушенным и как будто не Эльзиным голосом:

– Я не понимаю, как он не думает, что может умереть скоро. При чем же я тогда останусь! Мог бы завещание написать, по крайней мере!..

Это – про Владимира Леонтьевича, вероятно, единственного человека, который в течение нескольких последних десятилетий проявлял искреннюю и постоянную – не «Кухарскую» заботу о ней, поднимал в ней сознание своего суверенитета, трудоустраивал, субсидировал, держал на иждивении. Живя в абсолютном материальном благополучии у человека, продолжавшего с юных

лет своих гореть на работе, она видела в нем только денежный мешок, банковский билет, дорогой лишь тем, что от него можно стричь купоны.

Этого было довольно. Продолжение разговора не представляло интереса. Я распростился и ушел.

6.04.1956.

Мои родители и их окружение (характеры, устремления и деятельность)

Были они... очень неодинаковые. Это я чувствовал уже с 4-летнего моего возраста, хоть и не выражал словами (ни в разговоре, ни про себя). И чем дальше, тем больше. Речь отца звучала обычно (хоть и не вникал в ее, не всегда понятное, содержание) – как «нельзя», «надо», «обязательно»; речь матери чаще всего, как «можно... раз так уж хочется». Эта последняя формула, во всех случаях жизни, была, конечно, приятнее, удобнее, приемлемее и милее.

И выражение лица, и интонация у матери искрились обыкновенно беспечным весельем и радостью. У отца же они были, в большинстве случаев, отмечены заботой и деловитостью.

Говорил отец обычно – веско, убежденно, никогда не тараторил, не болтал. Мать – щебетала. Отец был волевой человек, типичный флегматик. Без этого, при весьма посредственных способностях его, не иметь бы ему ни ученой степени (доктор медицины), ни высшего, ни даже среднего образования, ибо в юности он отселялся из казенной 1-й Петербургской гимназии и на аттестат зрелости держал экстерном. Не менее типичная сангвиничка по темпераменту, мать была человеком слабовольным, но чрезвычайно деятельным, хоть и рассеивалось это ценное свойство ее характера на бесплодные развлечения в годы и молодости, и среднего возраста.

Это не значит, чтобы отец был всегда черствым сухарем (наподобие формалиста начальника станции или кассира, бездушно исполняющих свои служебные обязанности). Напротив, помечтать со мной или повспоминать приятное в отведенное для этого время, отец любил едва ли не больше, чем мать. Этим положено было заниматься в послеобеденные часы, если к отцу не приходили в это (приемное) время «больные», в порядке частной практики. Но и в мечтах таких приятное обычно сочеталось у него с полезным.

Умело приобрести, хорошо положить, бережно пользоваться, экономить и, главное, – сберечь добро свое, а особенно – «казенное» (государственное, общественное). Вот что преобладало в характере мечтаний отца. Некий врач, написавший куплеты – эпиграммы на всех своих сослуживцев, посвятил моему отцу такую строфу: «Поршняков-консультант – превеликий педант – над пропавшей иглой убивается...» Думы о настоящем и о ближайших днях и месяцах были у отца до предела деловиты и на мечты не походили. Родильный дом загружал его работой на целые дни, а раз в неделю – и на ночь. Вечерами – прием больных, потом – непонятные мне «заседания», работа над

какими-то медицинскими статистическими сводками или долгое-долгое сидение в кабинете за расчетами, записями. В дальнейшем, с началом преподавательской деятельности – подготовка к лекциям. Вызовы отнимали иногда тоже целые ночи, прерывая сон электрическими звонками (телефонов тогда еще не было).

Мечтания идиллического характера относились у него только ко времени отпуска и далекой будущей «отставки». Бесчисленны были планы домика, который он себе выстроит в сельской местности, когда выйдет в отставку (вычерчивались они карандашом, но с величайшей тщательностью, в поздние вечерние часы). За полночь отец засиживался редко. Мечталось ему о тишине, покое-отдыхе, созерцании природы, а также – о голубой подкладке – символе чина действительного статского советника, на который он мог рассчитывать при отставке после известного числа лет безупречной службы в казенном родильном доме.

* * *

Мечтанья матери моей не простирались обычно дальше наступающих нескольких дней, ибо больше способна была она понимать стрекозу, чем муравья, в известной басне Лафонтена – Крылова.

Веселая поездка, билет в театр, вечеринка с множеством гостей, любительский спектакль, танцы, новое платье – вот о чем мечталось ей чаще всего. Венцом мечтаний был какой-нибудь большой выигрыш, продажа чего-либо или невообразимая «манна небесная». Позднейшей (и сбывшейся при жизни) мечтой стала хорошая невестка и внучата.

* * *

Были они оба роста достаточно высокого, темноволосые – отнюдь не близорукие и не сутуловатые. Этим, может быть, и ограничивалось сходство полярно-противоположных натур.

Отец держался осанисто-прямо. Шагал уверенно, солидно, но как бы с думой о том, что и обувь, подошвы надо беречь – ступать аккуратно. Никогда не видел я его не только бегущим, но и предельно скоро идущим где-либо.

Мать была чрезвычайно подвижна и деятельна. Ходила всегда торопливо-мелкими шагами. Никогда не приляжет отдохнуть. Только деятельность ее не находила во времена моего детства какого-либо поля для приложения ее. Писала много писем бесчисленным знакомым – большей частью без какого-либо серьезного содержания, рукодельничала, много играла на рояле, пела, читала русскую и французскую беллетристику (в годы моего детства – старую литературу по преимуществу). Меня учила читать-писать. Была на курсах медсестер и работала в качестве сестры милосердия во время войны 1914 года. Насаждала драматическое искусство постановкой любительских спектаклей в Боровичах и Опеченском посаде. (Пьеска «Простушка и воспитанная», поставленная ею, кажется, в 1896 году на бирже лесоматериалов местного купца в Опеченском посаде – для широкого круга зрителей – была в этом «богоспасаемом граде» небывалым новшеством.) С 1912 года увлеклась

огородничеством. А с 1918 года и до смерти своей – лет 10 – поглощена была руководством сельским драмкружком Ровенского клуба, давшим замечательные результаты.

* * *

Отец, в пределах своих досугов, был домосед, мать – непоседа, что вызывало постоянное неудовольствие, иногда и явную досаду у отца. Не увлекаясь никаким видом искусства и, конечно, не танцуя, он и подумать не мог сопутствовать ей, хотя бы в редких случаях, не только на танцевальных вечерах, но и в театрах.

Отец любил тишину, мать – веселый застольный шум. По взаимной договоренности их, гости собирались у нас по вечерам – в среды, когда отец уходил на ночное дежурство в родовспомогательное заведение.

Уже подростком я пришел к бесповоротному убеждению, что на этих средах, если «мерить на мой аршин» – в веселости мало веселья. Вслушиваясь в разговоры, я удивлялся их пустопорожности. Действительно, преобладал на них, как припоминается, какой-то винегрет из пустяков и банальностей. На столе были бутылки с винами, хорошие закуски. Слыша же скучные стереотипные тосты или «застольные», у иных соловели немного глаза, больших признаков опьянения заметно не было. Немножко играли на рояле, пели романсики. Некоторые просиживали весь вечер за игрой «в винт» (4 человека, две стеариновых свечки, квадратный столик оклеенный сукном, мелки, карты...). Порознь взятые, люди, приходившие к нам в эти среды, отнюдь не все были способны только на то, чтобы пустословить и смеяться по пустякам, выпив несколько рюмок вина – в свободный вечер. Но в ансамбле своем они скоро стали казаться мне скучным, неинтересным народом. В 16–19-летнем возрасте мне удавалось иногда изолировать на некоторое время кого-либо из студентов или курсисток не очень заинтересованных «застольным» вечером и поговорить о чем-нибудь интересном – о политике, литературе, вопросах научного или мировоззренческого порядка. За столом или в гостинной отсутствие таких разговоров было неписанным законом. Не любил я (подростком и юношей) этих сред также и потому, что был застенчив: не знал, куда руки девать, как сидеть, празднословить и веселиться. К проявлениям «флирта» я был мало наблюдателен. Могу сказать, что в глаза они не бросались (исключая дни, когда приходила некая А.В. Дандевиль, по мужу Пеунова – квалифицированная салонная «львица»).

Средами гости оставались всегда довольны, а хозяйка – больше всех. Старая пословица говорит: назови своих друзей – скажу, кто ты... И здесь опять мои отец и мать являли собой типы противоположные.

Отец был внимателен к людям, как это свойственно добросовестному гуманному врачу Пироговских традиций. Встреч не искал, избегал даже, скорее, но при встречах проявлял себя обычно приветливым собеседником и радужным хозяином. Терпеть не мог, однако, «прожигателей жизни», светских лоботрясов, снобов, любителей грязных анекдотов и выпивки. Помню, как он выгнал из дома давнего знакомого – офицера генерального штаба Пеуно-

ва Г.В., позволившего себе какие-то грязные суждения о женщинах (после развода с упомянутой «львицей» – ок. 1909 г.).

Друзьями его были лишь три врача – товарищи по выпуску Военно-медицинской академии: известный хирург Генрих Иванович Турнер, венеролог Михаил Андреевич Чистяков и военный врач Наставин. Дружба эта постепенно глохла, но не замирала. Встречи становились редкими. С Наставиным дружба оборвалась вовсе, оттого что стал он (служба где-то на Кавказе) человеком пьющим и, у нас будучи, по приезде в Петербург, изрядно выпил раз. Изредка встречался он с известным зоологом Н.А. Холодковским (переводчик «Фауста»), с которым тоже дружил в студенческие годы в Военно-медицинской академии.

В последние два года своей жизни сблизился несколько с сослуживцем – врачом Харшаком, постоянно заходившим к нему и проявлявшим о нем заботу в трудные для Ленинграда годы (1920–1921).

* * *

Иной характер имели дружеские связи у матери. Очень легко было попасть у нее в разряд симпатичных, хороших людей, к которым у нее устанавливались навеки дружественные отношения. Для этого достаточно было только не быть отъявленным прохвостом: существом криводушным, корыстным, заносчивым или подхалимным.

Я думаю, что из желания предостеречь меня от присущей матери крайней доверчивости к людям отец разводил иногда мизантропические речи. То утверждать начнет, что девицы для того только стремятся в высшие учебные заведения, чтобы хороших женихов себе «подцепить», то заантисемитствует... Мне кажется, что он при этом нарочно извергал из себя парадоксальный вздор, может быть – чтоб меня поддразнить. Несомненно все же, что на отрицательные качества в любом человеке у него так же открыты были глаза, как у матери – на качества положительные. Этим и объясняется, что у отца друзья были только «судьбою данные» (с кем академия – занятия или служба – свели в трудное время). Не столкни его с ними судьба, может быть, не оказалось бы и близких друзей.

* * *

Беглая экскурсия по галерее друзей моего отца и матери...

Хирург Г.И. Турнер. Врач-ученый. Энергичный, умный, очень острый на язык. Родом и идеологией – англичанин, типа либерала или консерватора. Объективно же – ливший большой поток воды на мельницу советской медицины и ее престижа. К отцу неизменно относился как верный друг и товарищ (хотя отец, я думаю, мог чувствовать себя рядом с ним лишь честным, работающим, умелым ремесленником – рядом с выдающимся художником своего дела).

Венеролог М.А. Чистяков – врач из крестьян (думаю, что из крестьян-трактирщиков или плакатных кулаков). Существо работающее, добродушное и веселое – в семейной обстановке – груда мышц и жира, до глаз обросшая бородой. Руки заgreбушие на высокодоходной частной практике (прием боль-

ных на дому). Признавался, посмеиваясь, отцу, что иногда нарочно растравляет болезнь у богатого пациента, чтобы приумножить на нем потом свой доход, продлив процедуру лечения. В конце 1890-х годов купил себе имение в Лужском уезде. Член партии КД (Милюковской «кадетской» партии). Под стать ему была у него и жена: с высшим образованием и стяжательскими интересами. (Знакомство наше с этой семьей прекратилось около 1900 г.)

* * *

Галерея друзей матери – совершенно необозрима по своей обширности и многообразию форм, среди которых немало было пустопорожнего или просто серенького ничтожества, но были и выдающиеся люди. Были и сверстники матери, и молодежь, и старики, люди разного общественного положения («интеллигентского сословия» до появления моих друзей – после 1905 г.).

Старейшие друзья ее – семья знаменитого профессора Герсеванова (директора Института путей сообщения, химика, по происхождению – армянина), по рассказам матери – исключительно дружная семья.

Небезызвестный человек среди давних ее друзей – путеец-водник Вс. Евг. Тимонов, в дальнейшем профессор Института путей сообщения, и жена его Ел. Ал., урожденная Данилевская (дочь знаменитого биохимика Александра Яковлевича Данилевского).

Чета неких Шестаковых – интеллигентов, судьба которых была почему-то весьма превратна.

Учительница Опеченской начальной школы, простой горячей души человек – пожизненный ближайший друг матери – Софья Николаевна Тихомирова (в дальнейшем – невенчанная жена почтовика В.С. Кныша). С ранней юности и до старости – добросовестнейшая, поглощенная своим делом учительница, работавшая на невероятной ставке зарплаты – 10 рублей в месяц – по нищенской скудности «посадского» бюджета.

Большой ошибкой было бы, однако, сделать отсюда вывод, что мать моя интересовалась путями сообщения России или народным образованием. В «дамском обществе» в обстановке дачи или журфикса эти ученые люди и деятели находили уместным лишь весело празднословить, считая даже не вежливым рассказывать что либо о деле своей жизни. Матери и прочим дамам в голову не приходило расспрашивать или хоть из популярных брошюр узнавать, над чем работают их ближайшие знакомые и какое значение для родной страны (и даже для мировой науки) имеет их деятельность. «Дамам» подобало только разливать чай, поддерживать непринужденные веселые разговоры, петь романсы. Не более.

Не приходится удивляться тому, что среди друзей матери (как в Пушкинском «Собрание насекомых») было невообразимое «разнообразие форм» – от замечательнейших людей до абсолютных ничтожеств, способных лишь небо коптить, от «верных супругов и добродетельных матерей» (типа Е.А. Тимоновой) до распутнейшей светской «львицы» (А.В. Терновой). В противоположность отцу, мать дружила со случайно встретившимися в жизни людьми и

готова была всегда делиться с ними всем, чем располагала (занимая беспечно под векселя средства, без ясной надежды на погашение долгов).

Вот, разрозненные звенья дальнейшего списка.

Екатерина Никитишна (Никитина?), второстепенных ролей балерина Мариинского театра, и жуир с дипломом ученого лесоведа – мой дядя Георгий Михайлович, семейная жизнь которых счастливо сложилась навеки чуть не накануне рождения первого ребенка – благодаря настоянию моей матери. (Г.М., потом до глубокой старости любивший жену, в эту пору склонен был «дезертировать».)

Вот Анна Ионовна – ровенская поповна, кончившая епархиальное училище (и одержимая единой страстью собирать и передавать другим свежие вести о быте и любовных делах всех знакомых). (Впоследствии она стала учительствовать в сельской школе, а в советское время – и преуспела, и вошла во вкус педагогической работы.) Отец ее – сельский священник, сестра Александра Ионовна – тихая сельская учительница математики с высшим образованием, брат – учитель начальной школы Андрей Ионович.

Дачница вдовая генеральша Екатерина Алексеевна Иванова – неразлучная с мопсом, любительница вслух почитать, на рояле в четыре руки поиграть и пр.

Известный физик Б.Б. Голицын.

Последовательный ряд инженеров Опеченской пристани: В.А. Зон (неудачник, взяточник и бурный ревнивец) с сангвиничнейшей шумливой толстой женой Марьей Гавриловной, В.П. Шилло, Е.Л. Фрейбург.

Злополучная семья Протопоповых в Боровичах: бывший нотариус, пролежавший более 30 лет в параличе, жена его – бывшая акушерка, сын – студент и дочь – немолодая девица.

Плеяда студентов, психологически бесхребетных, идеология которых замыкалась в слове «гаудеамус» («будем радоваться») – веселому благополучию.

Мелкая железнодорожная служащая (статистик) «Шура Ерогина» – тоже немолодая девица, которой мать помогла выйти замуж за некоего небездетного и склонного к аферам вдовца без определенной профессии.

Известный педагог Я.И. Душечкин – «общественный деятель» – трудовик, большой соглашатель.

Нельзя не упомянуть, конечно, в этом списке племянника⁹ матери Владимира Леонтьевича Комарова, с детства близкого, хоть и далекого, непознаваемого вне столовой и гостиной. (О нем не без недоумения думалось по Грибоедову: «Он химик, он ботаник – князь Федор, наш племянник».) И жена Вл. Леонтьевича – простая, благодушная, веселая немка Марья Романовна – с мещанственным кругом интересов.

Остается назвать несколько имен не интеллигентского сословия. Это – домработница («горничная») Дарья Власовна, которой мать горячо помогала в пору «довременного» рождения ребенка и последующего устройства – оформления ее семейной жизни.

⁹ Племянник был немногим моложе своей тети.

Ровенские крестьянки (средняцкого и бедняцкого достатка) – ныне орденосная мать-героиня Парасковья Васильевна Жданова и Натальюшка Новикова («Кляузова»)¹⁰.

Все сказанное относится к периоду до 1904–1905 годов, после которых частыми гостями в доме стали и мои друзья, в большинстве не принадлежавшие к «интеллигентному обществу». Окончательно развеяны были остатки интеллигентской спеси только с 1918 года. Революции били не только по законам, но и по обычаям – по бытовым отношениям. Перестраивалась жизнь – во всех ее деталях и закоулках.

1958 г.

Как и у всех семей в «интеллигентном обществе», у нас была кухарка и горничная¹¹. Жили они в кухне и узкой отгородке при ней, где едва помещались две койки. Из кухни на двор вела крутыми ступенями «черная лестница», населенная котами и потому всегда насыщенная специфичным острым запахом.

По утрам поднимался по этим ступеням атлетического сложения дворник, неся на своей спине, оснащенной деревянными рогами, целый штабель дров. Дергал ручку болтающегося на мягкой пружине колокольчика и сваливал в большой ящик «черных» сеней свою грузную ношу.

«Парадная лестница», выводившая более отлогими ступенями на тихую Стремянную улицу¹² (д. 19, кв. 1), временами устилалась коврами и котовой фауны не имела. Охранялась, обслуживалась она швейцаром. Швейцар жил под лестничной клеткой, в каморке, немногим превосходившей по размерам средней величины гроб.

С дворниками, часто сменявшимися, я встречался редко. Со швейцаром же за десяток лет ежедневных мимолетных встреч я успел несколько познакомиться: пригляделся и (с 1905 г.) разговорился. Расторопный и вежливый в меру, он на прислужнической своей должности, в неизменной, точно к коже приросшей ливрее, никогда, видимо, не переходил той грани, которая отделяет Человека с большой буквы (Горьковского «человека») от холуя (то есть

¹⁰ Нельзя не оговориться, что дружеские чувства к Дарье Власовне, «Парасковье Ждановой», Натальюшке Кляузовой проявлялись тогда у матери иначе, чем к друзьям «из интеллигентного общества». Ни Даша, ни «Натальюшка» не садились за один стол с «господами». Мать не просиживала с ними целые вечера за разговорами, музыкой, чтением вслух или ужином. «Этикет», неписанный закон буржуазно-интеллигентского общества, не допускавший этого, оставался в силе.

¹¹ Исключения из этого правила представляли собой чрезвычайную редкость. Один только Владимир Леонтьевич Комаров обходился в своей холостяцкой полуторакомнатной квартире в Ботаническом саду без прислуги, желчно объясняя (спрашивающим: почему?), что обслуживание «прислугой» – «отвратительнейший вид современного рабства».

¹² Трамвайной линии ни на Стремянной, ни на Николаевской (Марата) улице в досоветское время не было. Редко появлялись и извозчики.

от приниженного и нахального – с двумя сторонами медали «существа», не только живущего, но и дышащего подачками – «начаями»). Демобилизованный солдат, он был предельно угнетен и подавлен в своем экономическом положении, но не раздавлен душой. При почти круглосуточном рабочем дне¹³, без единого, кажется, выходного дня за десяток лет. И все же, можно было увидеть Василия Степановича (так, кажется, звали швейцара) читающим газету или брошюру, или быстро засовывающим неположенное чтиво за борт ливреи. Есть люди, к которым, как вода к гусю, не пристает культурность, даже проливающаяся на них со «щедрого неба». У других, как у этого Василия Степановича, напротив, впитывались и усваивались даже ничтожные, жалкие крохи культурных благ, ненароком до них доходившие... Немало было таких людей, как этот швейцар, навеки прикованных к «своим» парадным дверям и каморке своей, как каторжник-сахалинец к тачке, без какой-либо перспективы на лучшее будущее, без какого-либо обеспечения на старость¹⁴...

Ольгу Алексеевну Галкину, кухарку, я помню женщиной средних лет – крепкой, «с характером». Семья ее была разбросана окрест, как осколки взорвавшегося снаряда. Сын – молодой столяр Александр Андреевич, работал и жил на верстаке, в мастерской, аркообразные окна которой приходились против моего окна, на нашем дворе¹⁵. Дочь ее, школьница, ютилась с матерью на одной койке. По окончании «низшей» (т.е. начальной) школы, она закабалилась ученицей в одну из бесчисленных швейных мастерских столицы («отдана была в учение», как говорилось в те времена). Третий осколок семьи, юридически законный муж, «глава семьи», чернобородый глухой рабочий-кожевенник жил на окраине города и появлялся у нас не часто. Дети были «незаконные» (от вдового, «церковными законами» обреченного на формальное безбрачие, деревенского попа, у которого О.А. жила ранее работницей). И на кухне квартиры доктора Поршнякова, и в прочих точках члены семьи Галкиных крепко чувствовали на себе социальную систему, которая от рождения ставила неимущих в положение людей, безоговорочно капитулирующих перед имущими, именующими себя «людьми из общества», «интеллигентными людьми».

Старик (отчим) и юноша Галкин жили, окрыленные надеждами, верой в Революцию, которая прорвет фронт «хозяев жизни» и создаст совершенно

¹³ «Обеденного перерыва» не было. Пить чай, закусывать надо было здесь же, в каморке – «швейцарской», прислушиваясь, чтобы пулей вылететь к дверям, если пойдет кто. Ночной сон каждую минуту мог быть прерван звонком поздно возвращающихся домой квартирантов, вызовом врача (моего отца), обыском в какой-либо квартире или еще чем-либо.

¹⁴ Уж и не помню, была ли семья у Василия Степановича (в деревне, где на него места под солнцем не хватало) или он оставался обреченным на безбрачие.

¹⁵ Эти окна мастерской распахивались и зимой, чтобы вобрать в себя доски, подававшиеся со двора вручную – для переработки.

иное устройство жизни, сбросит страшный гнет¹⁶. Зимой 1904–1905 годов Андрей Галкин, глухой и неграмотный, рассказывал на кухне, как умел, о массовых рабочих собраниях Гапоновской организации. Пасынок Шура – криком на ухо – задавал ему вопросы. Старик отвечал убежденно, едва ли много понимая, но чуя начало чего-то большого и радостного в жизни рабочего народа русской столицы. Ольга Алексеевна слушала недоверчиво. Она ведь привыкла думать, что в жизни все устроено богом: значит, так уж надо, чтоб был царь, господа и прислуга, хозяева и рабочие – до «светопредставления и страшного суда».

Совершенно безучастно, видимо, не понимая, слушала старшего Галкина горничная Настя – и убегала открывать «парадную» дверь или «в комнаты», когда вдруг раздавалась дребезжащая трель электрического звонка. Была она неопределенного возраста вдова, всегда серовато-бледная, без улыбки, без разговоров, с ограниченным запасом бесцветных слов в лексике. Были и умерли у нее дети в деревне, как я слышал из разговоров Ольги Алексеевны. Мог ли проснуться такой человек и после Великой социальной революции, не знаю. Не думаю. Вспоминаю я ее худощавую фигуру, правильные черты лица, не красивого, ибо оно было лишено жизни; быстрые, но автоматичные движения. Когда-то на охоте я выстрелил в пролетающую надо мной утку-чирка и попал одной дробиной в голову; утка пролетела по прямой линии далеко – все прямо, ударилась в ствол осины, и тогда только упала – мертвая. И теперь мне кажется, что такой же почти «жизнью» продолжала жить горничная Настя, уже убитая «судьбой», социальным укладом и стечением обстоятельств семейной жизни...

В сумерках кухни, и в склепике швейцарской шла, тянулась будничная социальная драма, у которой – тогда не ясно было – будет ли эпилог. «В комнатах» едва ли и думали об эпилоге. Эпилог «положен» был, по закону божию, в виде «Второго пришествия и Страшного суда». Но и верующая мать моя, конечно, убеждена была, что такое фантастическое событие может произойти никак не сегодня, не в этом году, да и не на нашем веку, конечно¹⁷. Отец же был абсолютно неверующий, считая, однако, что для больных и «простонародья» религия полезна, ибо первых она успокаивает, последних – «мирит с несовершенством видимого порядка вещей».

¹⁶ В 1909 году Александр Андреевич на Финляндской границе попался на попытке провезти заграничное, не урезанное цензурой издание «Матери» Горького (в подарок мне, для отсылки в Боровичи). Арестован не был, так как книга была в одном экземпляре. В том же году вместе со своим другом, столяром С.И. Ивановым, он участвовал в работе по дооборудованию нашей подпольной типографии в дер. Ровное, на вышке в доме моей матери.

¹⁷ И в отдалении, «Страшный суд» едва-ли представлялся ей особо страшным, ибо и она творила бога по своему образу и подобию: и представлялся ей бог очень добрым, снисходительным к слабостям человека и легко поддающимся упрашиванию – молитвами, которые она регулярно практиковала дважды в сутки дома, а также – в церкви в праздники и в Великий пост.

Отчего же мать, так горячо, до слез реагирующая на драму в театре, не чувствовала трагизма судьбы швейцара Василия, горничной Насти, кухарки Ольги и ее семьи?¹⁸ Получается это – не из-за отсутствия занавеса и рампы у кухни или оркестра при входе в нее. Вот и в жизни мать проявляла обычно действенное участие к людям, страдающим или терпящим бедствие.

Определяла все сила инерции и «обычность» существовавшего уклада жизни (с подразделением людей в любом знакомом доме на «господ» и «прислугу»). Прямое влияние оказывало, конечно, и «удобство» такого уклада.

* * *

Какова же была образованность, культура моих родителей.

Отец с дошкольного детства своего (по его рассказам) заявил своим родителям, что он хочет быть «доктором» и лечить людей. Блестящими способностями он не отличался. Учеба, начиная с элементарной грамотности, давалась ему нелегко. Но трудолюбие и настойчивость у него были. И даже оступившись, оставив 1-ю Петербургскую гимназию (после смерти его матери), он сдал экзамен на аттестат зрелости в Таганроге¹⁹ (где, по слухам, легче было это сделать). Затем поступил в Петерб. Медико-хирургическую (Военно-медицинскую) академию и окончил ее.

Был он, несомненно²⁰, исключительно добросовестным и внимательным, умелым врачом, но едва ли – врачом-ученым, хоть и сдал все докторантские экзамены, защитил диссертацию (с порядочной затяжкой времени²¹), получил степень доктора медицины и звание профессора акушерских курсов при Надеждинском родовспомогательном заведении.

Медицинской литературы у него было мало. Только под конец жизни он обзавелся большой медицинской энциклопедией. Из медицинских журналов получал (только до конца 90-х гг.) журнал «Врач». Газетами интересовался мало. Классиков русской художественной литературы читал «когда-то». Перечитывал охотно только Некрасова. Современной русской литературы (не только Горького, но и Чехова, Вересаева – писателей-врачей), кажется, вовсе не читал. Литературой педагогической, судя по отсутствию ее в доме, также не интересовался²².

¹⁸ Такой внимательный и чуткий к страданиям больных, чрезвычайно заботливый в отношении рожениц и новорожденных отец иными глазами смотрел на жизнь переуплотненного населения кухни – как бы сквозь стены малопроницаемого для света стекла.

¹⁹ Вероятно, в гимназии, где учился сверстник его Антон Павлович Чехов.

²⁰ По множеству позднейших отзывов пациенток, сослуживцев, учениц.

²¹ По этому случаю мать моя подарила ему чайную ложку с фигуркой медведя, медленно пролезающего к вершине сухого дерева.

²² Общественно-научными и вообще гуманитарными науками, видимо, не интересовался. Только в юные годы, перед молодежными вечеринками, прочитывал кое-что из некоей «азбуки социальных наук», чтобы не упасть лицом в грязь перед заводилами, как он об этом, иронизируя над собой, иногда рассказывал.

Было мне лет 18, когда он меня озадачил и временно (авторитетом врача) даже покори́л совсем ископаемой теорией миазм. – «Не ходи, говорит, поздним вечером по берегу Фонтанки и каналов, с поверхности воды поднимаются миазмы, заболеть можешь!..» И, идя по набережным, я не без опаски поглядывал на струйки тумана, поднимающиеся над грязной водой... Миазмами, не укусами анофелеса, объяснял он и заболевания малярией: «За утками ходишь – не ложись на землю на лугу; до высоты колена миазмы поднимаются, заболеть перемежающейся лихорадкой можешь!»

Широко применял он в медицинской своей практике примочки из слабого раствора сулемы (1:4000?). Пироговских времен средство, теперь совершенно (и, кажется, необоснованно) оставленное. Никаких признаков ртутного отравления оно не дает, загноившиеся раны очищает замечательно (дезинфицирует), и заживают они хорошо. В этом я, за многие годы, крепко убедился.

В юных годах лишившись родителей и оставшись «непреуспевающим» гимназистом, старшим в семье, отец мой, вероятно, осознал, что строить дальнейшую свою жизнь придется ему самому, без чьей-либо помощи и руководства.

Старший брат его (от другой матери) – Алексей – человек семейный, среднего ранга чиновник в г. Сумах, ранее – владелец частной библиотеки в Петербурге, едва ли оказывал большое и постоянное влияние на моего отца. Впрочем (это сейчас пришло мне в голову²³), некоторое влияние могло и быть, и влияние – положительное.

То, что знаю я о своем дяде Алексее, характеризует его с хорошей стороны, по преимуществу. Был он, по рассказам, человеком честным и работающим, принципиальным и добросовестным, значительно старше моего отца. В черные годы реакции (при Николае I) подвергся крепкому нажиму со стороны начальства в учебном заведении, где учился, с требованием назвать «зачинщиков» какого-то выступления и устоял, отказался выдать товарищей²⁴.

Убеждения и характер моего отца сложились, видимо, довольно рано и самостоятельно и рано окостенели. Самостоятельно – в том смысле, что никто не оказывал на него повседневного влияния. Это не значит, однако, что стандарты, определявшие понятия «порядочности», честности, «благоразумия» у людей его среды, не служили ему ориентиром. Средой этой были, в основном, столичные врачи. От поместно-дворянской среды, из которой происходил, он не только отошел, но и относился к ней резко отрицательно. Был материалистом стиля Бюхнера и Молешотта (хотя едва ли пробовал чи-

²³ 1959 год.

²⁴ Новое о дяде Алексее Михайловиче и тете Ольге Михайловне я узнал только в 1962 году от научного сотрудника Музея Ленинградского университета: оба они подписали «крамольный» адрес Н.А. Некрасову в 1870-х годах. Алексей Михайлович «привлекался» по политическому делу (был связан с революционным народничеством по делу Мирского). Это оборвало его службу в кассационном департаменте Сената и навредило дальнейшему его материальному благосостоянию.

тать их). В вопросах философии, вероятно, не разбирался. Если говорил иногда (о ходе чьей-либо болезни) с кажущейся серьезностью – «по воле божией» – это звучало у него, как – «по причинам, которые не удалось выяснить» – с едва приметным юмором.

Атеистических убеждений своих не высказывал, как и большинство его коллег, которые были «атеистами про себя». Открывать свои карты в этом отношении было «не благоразумно» (опасно), прежде всего, ибо атеисты были абсолютно нетерпимы официально. К тому же, религиозность народной массы считалась в этой среде фактом положительным, удерживающим «простого человека» от аморальных поступков (и... от «революционных эксцессов»).

Категорично об отношении своем к религии отец мой высказался, насколько я знаю, дважды. Когда его молодая жена (моя мать), наивно веровавшая во все, установленное церковными канонами, задала ему соответствующий вопрос, он ответил ей, что получил естественнонаучное образование и веровать в господа бога, загробный мир и т.п. не может.

Когда в больнице, накануне смерти отца привязавшийся к нему врач еврей Харшак привел православного священника, отец отказался от исповеди в столь резкой форме, что священник сразу вышел из палаты, смущенный и красный, как рак. (И то и другое я узнал от матери после смерти отца.)

Понятия о честности и порядочности у Николая Михайловича стабилизировались с молодых лет. Социально-политические воззрения его едва ли раскрывались значительно в высказываньях, ибо любил он и парадоксы реакционного свойства, которые переходили у него часто в явный юмор (особенно, если я не противоречил ему).

После 1905–1906 годов он стал крепко спорить против моего любого «опасного» высказыванья. Была в этом доля страха за меня (побуждавшая к «идейной бутафории»), была и доля буржуазной психологии – страха за свои сбережения и доходы. Берег и копил отец деньги²⁵ и всякую материальную ценность – вплоть до веревочки (шпагатной), которой ему в магазине пакет перевязали, и даже палочки для удобства ношения к такому привязанной.

Когда, после 9.1.1905, я написал литературно-слабенькое, но негодующее стихотворение («Сон мужика») против расстрелов Кровавого Воскресенья и против войны, он был чрезвычайно доволен такой с моей стороны реакцией на события. Но, увидя, что дело у меня заходит много дальше, стал спорить. И шум наших споров стал обычной «симфонией» совместного существования нашего на Стремянной улице. К 18-летнему моему возрасту я пришел к убеждению, что споры наши – бесполезная трата сил и трепка нервной системы; стал больше отмалчиваться или поддакивать в юмористичном тоне. Отец нередко поддавался и сменял гнев на юмор в своих высказываниях о политике.

²⁵ Пословицы повторяя: «Денежки счет любят», «Кто копейки не бережет, тот сам гроша медного не стоит».

Не мог он не видеть, что с моим образом мыслей и действий положение отнюдь не сглаживается. От университетских занятий меня все больше оттягивают посещения моих друзей рабочих (из студентов только с И.А. Волком сохранилась тогда крепкая дружба), перетаскивание увесистых пакетов литературы и обширная переписка с боровичскими рабочими. Последняя особенно беспокоила отца, и он твердил мне: «Поменьше письменности! Что написано пером, того не вырубишь и топором». Какие книги стоят у меня на полках, каково их движение и каково содержание моих пространных писем – рукописей, он мало любопытствовал.

И все же, бешеные звонки полиции в предмайскую ночь 1910 года были для него, очевидно, неожиданностью. Он сам, возмущенный, поспешил открыть дверь и никак не ждал, что в предъявленной мне приставом зеленой бумажке – ордере будет значиться: «Задержание – независимо от результатов обыска»... Досталось ему горя и забот от всего, что за этой ночью последовало на протяжении 4-х лет! У меня было в обрушившейся на меня напасти моральное удовлетворение. А у него, далекого от того, чем жил я?.. Лучшего отношения ко мне во время этой тюремной «эпопеи» с его стороны быть не могло. Большое тепло и непрестанная забота, ни единого упрека. Не пропускал ни одной возможности свидания (вместе с матерью). Горько мне вспоминать, что не дал я ему возможности почувствовать, как дорого мне было это и как я ему за это благодарен... Формулировкой судебного приговора «виновен в том, что достоверно зная участников сообщества, не донес об этом властям» он был доволен. Рад был тому, что сын документально признан «недоносчиком».

Из моих друзей, отец очень тепло и внимательно относился к И.А. Волку и А.М. Игнатьеву (не зная, однако, в какой степени «опасный», «замешанный» в революционном деле человек Александр Михайлович). Встреч же с моими друзьями рабочими избегал, полагая, что интересны могут быть разговоры только с «людьми интеллигентными». В этом сказывался широко распространенный среди людей его круга «сословно-интеллигентский» предрассудок, основанный, главным образом, на одностороннем знании жизни.

К сословию дворянскому он относился более чем отрицательно, будучи сам «потомственным дворянином». Когда мне минуло 18 лет, он предложил мне записаться в «Книгу дворянских родов», объяснив, что это даст мне звание «потомственного дворянина» и соответствующие этому преимущества (привилегии). Знал, конечно, что я от такой «честь» откажусь и обрадован был тем, что не ошибся в этом. Когда в 1913 году я написал ему, что Мура – моя невеста крестьянского сословия (мать моя познакомила его с ней годами двумя раньше), в ответном его письме было сказано между прочим, что он очень рад тому, что она «не из гнилого дворянства»²⁶. Очень скупой на по-

²⁶ По паспорту она именовалась «крестьянкой дер. Ёглы Боровичского уезда Новгородской губернии». Была учительницей, корректоршей, слушательницей вечерних курсов.

хвалу, через несколько лет после нашей свадьбы он говорил моей матери, что «хорошая досталась Сереже женщина». Оба внука своих, родившихся в его квартире (здание «Родовспомогательного заведения», впоследствии – Снегиревки) он принимал сам. Особенно рад был появлению внука, которого с удовлетворением поводил за руку по садику возле дома за год до своей смерти, приехав на отпуск в Ровное.

В противоположность относительно большой устойчивости, «окостенелости» убеждений и характера моего отца, воззрения и сама психология матери моей – были весьма пластичными и эволюционировали у меня на глазах.

Что написано пером... (из писем Георгия Сергеевича Поршнякова и его семьи)

Письма – больше, чем воспоминания: на них запеклась кровь событий, это – само прошедшее, как оно было, задержанное и нетленное.

Александр Герцен

Передо мной на столе лежат старые, потертые листочки, исписанные мелким, но очень аккуратным почерком, то чернилами, то простым карандашом. К ним приложены небольшие конверты – склеенные вручную, советского образца с почтовой маркой. Письма-треугольники не имеют конвертов... Все письма адресованы Сергею Николаевичу Поршнякову. Бережно хранимые в семье, они теперь сохраняются в фондах Музея истории города Боровичи и Боровичского района. Обычные бумажные письма, но каждое несет в себе события прошедших лет, переживания, радости; рассказывает о написавшем письмо человеке, помогает понять его душу и характер. Эти письма с нетерпением ждали, потом с трепетом открывали и читали, иногда всей семьей. В народе говорят: «Что написано пером, не вырубишь топором». Письма хранят судьбы людей, дух времени. Постараюсь передать вам, дорогие читатели, чем жили, чему радовались и печалились авторы лежащих передо мною писем – Георгий, сын Сергея Николаевича, его супруга Янина и дочь Наталья.

Георгий Сергеевич Поршняков¹ – третий ребенок в семье, родился в 1918 году. Родные называли его по-разному, то Юрой, то Жорой, жена иногда звала Юрушкой и Жоржицей.

После получения среднего образования в Боровичской школе № 1 он поступает в Ленинградский государственный университет и сразу же окунается в общественную жизнь страны, взяв курс на индустриализацию. Развивающаяся быстрыми темпами промышленность требовала грамотных инженеров, поэтому зеленый свет для поступления в профессиональные учебные заведения был дан тысячам молодых людей. Страна развивалась и в культурном направлении: создавались различные художественные объединения, открывались библиотеки, организовывались выставки, людей призывали вести здоровый образ жизни. В 1936 году в стране прошел первый парад

¹ *Георгий Сергеевич Поршняков* (1918–1993) – геолог-тектонист, доктор геолого-минералогических наук, профессор, заведующий кафедрой исторической геологии ЛГУ.

физкультурников. *«Дорогие мои, милые родители! 7-го участвовал в числе физкультурников на параде»,* – пишет студент Георгий из Ленинграда и сожалеет, что не придет домой на праздник Октябрьской революции.

Во время обучения в ЛГУ Поршнякова призвали в ряды Красной Армии. Служить ему довелось недалеко от границы с Финляндией в лыжном батальоне, а в дальнейшем даже участвовать в советско-финской войне 1939–1940 годов. В архиве музея хранятся два его письма той поры.

«Питаемся нормально. Сейчас строим себе дом. На лыжах ходим немного. В руках чаще лопата, чем винтовка (пока), изучаем четвертичные отложения Финляндии. Места очень красивые – горки, леса сосновые, снегом покрытые... Кр. Армия, как вы знаете, развивает наступление, ДОТы падают один за другим. Мы, по-видимому, будем наводить порядок в лесах, где еще останутся спрятавшиеся белофинны. Надеемся 8-е Марта праздновать с вами».

Он старается успокоить родителей, пишет, что питание у них нормальное, но если будут отправлять ему посылочку, то пусть положат «конфет, одеколону и бритву опасную».

В письме из Валк-Ярви от 10 февраля 1940 года матери² он уточняет: *«Папка интересовался, из чего мы жильё себе строили? Рыли землянку большую по типу укрытия от артобстрела».*

Семья в это время живет в Боровичах, Сергей Николаевич Поршняков работает в краеведческом музее на Набережной Октябрьской революции³. Старшие сестры Георгия – Зоя⁴ и Злата⁵, с которыми он поддерживает связь, живут в Ленинграде, куда после окончания финской кампании возвращается и Георгий. Он – снова студент. Связь с отцом не прерывается, а крепнет. Он поддерживает отношения с его друзьями и знакомыми, которые передают ему из Боровичей книги, посылочки, новости.

Успешно сдав экзамены и перейдя на 4 курс, Поршняков-младший направляется в Приморский край. Едет он в экспедицию не один, с ним от-

² *Мавра (Мура) Федоровна Поршнякова (1890–1963)*, в девичестве Бочкова, уроженка д. Ёгла. Отец – крестьянин Ф.А. Бочков. Мура получила образование в профессиональной школе Ю. Аргамаковой в Боровичах для крестьянских и мещанских девочек.

³ «Боровичский музей пролетарской науки, искусства и промышленности имени товарища Реппо» – так гласила вывеска, размещенная при входе в музей.

⁴ *Зоя Сергеевна Поршнякова (1915–1949)*, в замужестве Щеголева, мать двоих детей – Ольги и Юрия, киноинженер, педагог по образованию, в военные годы жила с детьми в семье С.Н. Поршнякова, работала учителем, библиотекарем.

⁵ *Злата Сергеевна Поршнякова (1916–1986)*, ведущий инженер в техническом НИИ, лауреат Сталинской премии III степени в сфере энергетики, награждена за работу в области техники в 1950 году. В годы войны была медсестрой на 1-м Украинском фронте 21 армии, награждена медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда». Призыв от 19.02.1943 г.

правляется в первую полевою партию его подруга Яна. Георгия покоряет природа Сибири, все в Хабаровском крае для него новое, непривычное – и климат, и природа, и недавний тайфун, и горбуша с кетой в верховьях Дау-би-Хо.

«Давно уже не слышал журавлиного крика. Вспоминаю сразу марьинские болота, там-то и журавли огромными были, а здесь на фоне 600 метров обрыва, как стая галок. Все здесь какое-то ненастоящее» (письмо 29.08.1940 г. от Г.С. Поршнякова С.Н. Поршнякову).

Из заметок видно, что очень скучает по родным краям, и не он один. В письме из Кара-Тайге от 25 августа 1940 года он сообщает родителям, что на обратной дороге Яна собирается посетить своих родных в Свердловске, там у нее родители и младший брат.

После 4-го курса в начале июня 1941 года он едет на Тянь-Шань, на полевое задание в Киргизию, на Алайский хребет. В Киргизии спокойно, геологам выделяются и временное жилье, и гужевой скот для доставки оборудования, и местных рабочих в помощь. Для разнообразия питания они охотятся на диких кабанов, зайцев, сурков, собирают дикий урюк.

«Мы живы-здоровы, работаем, как умеем, путаемся в геологии, едим да стим. Обгорели носы и щеки, бывает жарко, бывает и снежок. Чувствовать привыкли себя дома там, где сели отдохнуть».

В партии Георгия находится и Яна. Здесь, в Киргизии застают их война с фашистской Германией, но задание на геологические работы и исследования не отменяют.

Ленинград в блокаде, и у студентов, задержавшихся в Киргизии, начинаются хлопоты по переводу в другой университет:

«Писали мы в Ташкентский университет о сдаче госэкзаменов у них, если не заберут в армию, но документов у меня нет (остались в Ленинграде)», – сообщает Георгий домой в письме от 01.12.1941 г. С Ташкентским университетом ничего и не выходит, с Ростовским тоже. Сдача госэкзаменов за пятый курс и получение дипломов у Георгия и Яны откладываются. Они еще не знают, что им придется задержаться в Киргизии на четыре года, до конца войны!

* * *

С началом войны Зоя, старшая сестра Георгия, перебралась с двумя детьми в Боровичи, Злата осталась в блокадном Ленинграде. В начале 1943 года она уйдет на фронт медсестрой.

«Злату и Зою Сергеевну я знаю по Ленинграду, – пишет 23.01.1943 г. старшему Поршнякову Яна из кишлака Чаувай в Киргизии, – замечательные люди, чудесные! А Злата – герой просто! Она прислала открытку перед Но-

вым годом и адрес, по которому можно отправить посылку, но у нас посылки не принимают с 1 января. Такая досада, очень обидно».

Обстановка напряженная. Георгий в марте «проходил призыв по всем статьям», признали годным, но, как он пишет в Боровичи, «почему-то пока освободили «до особого распоряжения». За него хлопочет Н.М. Сеницын, начальник партии.

Среди народа в тылу страны распространяются различные слухи о боевых действиях Армии. Об одном таком при очередной поездке в Ташкент Георгий сообщает отцу в письме от 11 февраля 1942 года из Фрунзе:

«В дороге мне попался попутчик, уверявший, что Боровичи взяты немецкими войсками 5 января. Сильно меня беспокоил, хотя все-таки я ему не поверил. Сегодня передали о взятии нашей Армией Можайска. Мне кажется, что и вблизи вас на фронте улучшения должны быть. Беспокоюсь-беспокоюсь, и все без толку. Что кушаете? Как-то вы там живете? Занимаюсь проектированием новой партии, а затем – в Кадамжарье».

Геологи сталкиваются с нехваткой продовольствия, как впрочем, и вся тыловая часть страны. Георгий постоянно заботился о матери и отце, отправляя им часть заработанных денег, но сейчас переводы не принимают, а рискнуть и отправить деньги в письме – боится, и об этом честно пишет в письмах. Из будничных новостей сообщает, что часто охотятся на кабанов, зайцев, и что в этом году у них хороший урожай урюка:

«Над дорогой висят ветки с абрикосами. Иногда ими и питаемся, не слезая с лошади» (письмо от 01.07.1942 г. С.Н. Поршнякову).

В этом году полевых геологов посетили ученые, знакомые Сергея Николаевича: *«Сейчас у нас гостит историограф Некрасова (Ольга Йосифовна) и геолог Усков»*, – сообщает он отцу в этом же письме и просит родительского благословения на брак с Яной, к которой испытывает настоящие чувства: *«Ей-богу, люблю!»*

В письме к Яне Сергей Николаевич просит поставить его в известность, если Юрий будет призван.

«Уже четыре раза с рюкзаком за плечами в полной боевой готовности ездил он по вызову военкомата, но возвращался снова к полевым геологическим работам. У нас не было начальника партии, и вся тяжесть работы лежала на нем. Недавно приехал начальник партии Н.М. Сеницын⁶, но он все

⁶ Сеницын Николай Михайлович (1909–1958) – советский геолог-тектонист, доктор геологических наук, профессор, друг семьи Поршняковых. С 1938 года проводил геологические изыскания преимущественно в высокогорных районах, начальник геологической партии Г.С. Поршнякова, соратник А.Д. Миклухо-Маклая.

еще болеет и лежит в постели, все работы продолжает вести Юрий. Без него немыслима камеральная обработка материалов. Юра – начальник в нашей партии. Несколько месяцев он определенно не может быть оторван от геологии, а что там впереди будет – неизвестно», – пишет Яна в Боровичи 5 декабря 1942 года. Сам Георгий в письме от 23 февраля 1942 года сообщает отцу, что он здесь до сих пор – стараниями Николая Михайловича да Яны.

Из писем Георгия и Яны выясняется, что у Сергея Николаевича были мысли о переезде в Киргизию: жизнь там спокойнее, сытнее, легче, чем в этот период в Боровичах. Георгий подробно объясняет, как до них добраться. Хочет родителям чем-нибудь помочь, помимо посылок с продуктами, спрашивает их: «Нужны ли деньги?» И постоянно по просьбе отца описывает в письмах местность, где они работают и живут:

«От Алайского хребта ответвляется и тянется на ON (северо-восток) Кичик-Алайский хребет (Малый Алайский) с высотами до 5,5 км. Громадные нагромождения ничем не прикрытого камня. Реки текут на N и никуда не впадают: попадая в Ферганскую долину, расходятся по полям. Долины то расширяются (на сланцах), то сужаются до каньонов. Мы работаем на высоте до 3,5 км, не так уж и высоко. Летом на снегу приходилось бывать редко. Ферганская долина богата и плодородна там, где есть вода, там, где ее нет – выжженная пустыня. Возраст горных пород от силура и доньне, исключая лишь триас. Мощности палеозойских пород измеряются километрами, мезозоя – десятками или первыми сотнями метров. Фауна не столь обильна, как на Мсте, но все же попадает. Весьма интересна и сложна тектоника. Неоднократно происходили энергичные движения всех типов, сопровождавшиеся лавоизвержениями и внедрением интрузий. Особенно сильно сказались герцинские и альпийские фазы складчатости. Первые (гл. обр. в S_2 и P) выразились в складках, надвигах, сбросах; вторые – гл. обр., сбросах-взбросах, по которым осуществлялось глыбовое движение отдельных участков. Земная кора живет и сейчас, что видно на террасах рек, землетрясениях (недавно и нас слегка качнуло). Нами обнаружены обширные надвиги силура на карбон, интересные и с точки зрения рудообразования. Процессы гидротерм здесь также разнообразны и дали металлы от высокотемпературных (W , Mo) до эпitherмальных (Hg , Sb). Первые – в осевой части хребта, где вскрыты крупные кислые интрузии, вторые – в предгорьях. Есть и радиоактивные элементы. Невдалеке – Тюя-Мулон. Юра угленосна, третичные – нефтеносны (в долине). Район, папка, весьма интересный. Вряд ли можно найти в другом месте столько геологического разнообразия. Жаль, работа больше смахивает на ремесло, чем на науку. Или я еще места своего не нашел?» (письмо от 15.01.1943 г.).

Несмотря на все трудности военного времени, в кратчайшие сроки были открыты и освоены месторождения бокситов на Южном Урале, вольфрамовые, молибденовые, медные, марганцевые залежи в Казахстане, рудные ме-

сторождения на Тянь-Шане, нефтяные в Татарии... Георгий занимается геологической съемкой района, в рамках проводившейся в те годы среднемаштабной государственной геологической съемки (1:200 000).

В письме от 5 января 1943 года Георгий сообщает родным о свадьбе:

«31 декабря тихо и мирно в кругу партии сыграли мы свою свадьбу. Есть теперь у нас свой дом. Янина Федоровна у нас теперь шеф-поваром».

Яна взяла на себя все обязанности по обеспечению горячим питанием членов партии, уборке помещения и даже завела небольшой огородик, где выращивала зелень и корнеплоды. 23 января 1943 года, после состоявшейся свадьбы, Яна благодарит Сергея Николаевича за *«все хорошие пожелания. Очень бы я хотела, чтоб наша жизнь была похожа на жизнь вашей семьи. О Вашей жизни я знаю из рассказов Юры и Романа Федоровича Геккера, который недавно был у нас и посылал Вам самый горячий привет. Жаль очень, что “официально” не знакома с Вами».*

У молодой семьи постепенно налаживается быт. Яна пишет:

«Сегодня 2-е декабря. У нас началась новая “эра”, новое летоисчисление. Дело в том, что мы приобрели чугунную круглую печку, теперь у нас в кибитке тепло. Правда, в нашей с Юрой кибитке холодно, но мы в ней с утра до вечера не бываем».

Супружеской паре, которую коллеги в шутку прозвали «Поршняковск на Сюите», была выделена земляная изба из суглинка, недалеко от той, где размещались геологи. В общей избе геологов были общая комната, столовая, чертежная, спальня, «кухня», которой заправляла Яна, в эту «кибитку» и была приобретена на общие деньги небольшая печка. В своей «кибитке» Георгий смастерил полку для книг. Вечерами, забравшись под одеяло – так было теплее и уютнее, молодая пара читала при свете керосиновой лампы книги, присланные Поршняковым-старшим. В письме от 2 февраля 1943 года Яна пишет в Боровичи, что находится сейчас в областном городе Оше, что отправила Сергею Николаевичу посылочку. *«Юринька все доски строгал сам и сколачивал ящик нужной величины... Что бы ни задумал, все всегда сам делает. Мастер на все руки!»* Она скучает без него...

Молодая семья была счастлива, будничная жизнь воспринималась в светлых оттенках: *«По дороге под окном ходят ишаки и грузовики с углем и рудой. Мир и спокойствие царят на Чаувае. Вот даст Бог, встретимся в лучшие времена, когда нацистам конец придет»* (письмо от 05.02.1942 г. Г.С. Поршнякова к С.Н. Поршнякову). После начала коренного перелома в ходе войны, чему послужило Сталинградское сражение, настроение у советских людей значительно улучшилось, усилилась вера в мирное будущее.

Уважительное и заботливое отношение в семье Поршняковых друг к другу, пропитанное легким юмором, проходит теплой линией по всей переписке.

Показательно для отношений отца и сына «завещание» старшего Поршнякова.

«Наконец-то до нас дошло твое завещание, напечатанное на машинке. Со всеми его положениями я, конечно, в основном согласен, вернее, хотел бы быть в согласии. Показывал я его и друзьям моим. Единодушное мнение, что папаша мой – очень хороший человек». Далее Георгий «проходится» в своем ответе по некоторым пунктам. Пункт первый – «Любовь к жизни». Георгий отвечает, что, по его мнению, это – «естественное чувство живого существа, являющееся врожденным, вряд ли поддающимся восприятию, но дающее себя осознать». Пункт второй – «Практицизм и инициативность». «У нас здесь они называются воодушевлением. Воодушевляюсь легко, но чаще – не надо. Интересен мне пятый пункт: “Диалектический”, он считается “в нашей науке” естественным: отыскивание законов диалектики в явлениях природы, столь теперь принятое, считаю надуманным и не способствующим развитию знаний». С самокритикой относится младший Поршняков к пункту «Уверенность в себе», считая его «слабым своим местом». «Мир, вероятно, был бы прекраснее, если б все люди руководствовались этими принципами, обладали описанными тобою качествами. Сейчас я, пожалуй, менее чем когда-либо склонен копошиться в самом себе, но постараюсь, подумавши, откликнуться более подробно, чем сейчас. Во всяком случае, сохраняю твое “завещание”, как очень дорогое и близкое мне, и в меру сил своих постараюсь, чтобы оно мной руководило. Пребывание и работа в примузейном кружке (собственно, твое влияние) дали мне очень многое и, в сущности, определили мою дальнейшую жизнь» (письмо от 04.05.1943 г.).

...Полка в комнате Поршняковых постепенно заполняется книгами. Большая часть книг – по геологии, есть партийная литература, особенные книги – художественные. Члены полевой партии приходят к ним, как в библиотеку, которую старательно пополняет Сергей Николаевич, присылая сыну все книги, которые может достать. «Получили бандероль с книжкой о Финляндии... Сейчас перечитали с Яной кое-что из “Баллад и песен”, присланных тобою, перечитали с удовольствием... Я со своей стороны хочу тебе что-нибудь из киргизской литературы прислать и семян местной флоры» (письмо от 06.12.1943 г.). И вскоре отправляет отрывки из киргизского эпоса. «Может быть, любопытно будет прочесть. Некоторые бытовые фрагменты не лишены правдивости, хотя я сам не дочитал нудного произведения детей природы» (письмо 19.01.1944 г.). Краткий и точный анализ!

Летний лагерь геологов и геосъемщиков в 1943 году расположился на реке Кыргыз-Ата (отец киргизов). Яна в письме от 9 августа так описывает их повседневную жизнь:

«В лагере нашем – тишина и покой. Николай Михайлович и “Михеич” (Вы правильно определили, что это наш М.М. Кухтиков⁷, но у нас все привыкли

⁷ Кухтиков Михаил Михеевич (1919–1995) – советский и таджикский геотектонист, член-корреспондент АН Таджикской ССР (1973).

его называть Михеичем) уехали в длительный маршрут в верховья Кыргыз-Ата, к ледникам, Юра тоже в маршруте. Я еще не видела достопримечательностей этой крупной горной реки. Из лагеря, расположенного в устье реки, видна лишь снежная вершина г. Алтын-Бешик на юге и Наукатская котловина, ограниченная пестро окрашенными меловыми отложениями хр. Кызыл-Кумгей (перевод: красная солнечная сторона) – на Н. Очень красиво дикое известняковое ущелье р. Чиле, вертикальные обрывы которого достигают высоты в 200 м (прошлая наша “стоянка”). На днях осмотрели уранованадиевый рудник; ныне заброшенные выработки затопила вода. Очень много труда вложено, повсюду канавы, шурфы, много шахт (наибольшая их глубина 175 м) и др. горных выработок. Рудные тела выполняли карстовые пустоши в нижнекарбонových известняках. Желтые и зеленоватые уранованадиевые минералы встречаются вместе с кальцитом, баритом, гипсом самой разной окраски. Отвалы выработок – ярко-красные (окрашивание окислами Fe). Искали мы там киноварь, но кроме нескольких зерен в шлихах – ничего не нашли. В лагерь вернулись поздно. Так течет наша жизнь».

Начало нового 1944 года вселяет еще больший оптимизм, что война скоро закончится. «Газета приносит добрые вести из Белоруссии, Украины» (письмо от 19.02.1944 г. от Г.С. Поршнякова С.Н. Поршнякову). Злата на фронте, Зоя работает в Боровичах. Из писем Яны становится известно, что Юра теперь – начальник партии, отправила она ему из Оша (сюда эвакуировано несколько факультетов ЛГУ) справку для военкомата, что он студент V курса. Самой Яне удалось перейти на обучение в Ростовский университет, восстановиться на пятом курсе, но «декан факультета обещает выдать диплом, если я сдам недостающие по их программе предметы и курсовую работу». Не хватает учебной литературы, питание неважное, норма хлеба – 500 грамм в сутки. Также Яна пишет, что «узбеки хорошо к ней относятся», сожалеет, что не знает узбекского языка. В письме от 9 марта 1944 года сообщает Сергею Николаевичу и его семье, что «выполнила программу Ростовского университета», но экзамены за пятый курс будет сдавать в ЛГУ, как и Георгий.

После открытия группой геологов, в которой находился и Георгий Сергеевич, залежей урана в Киргизии его рабочие обязанности стали меняться. Так в письме от 1 января 1944 года он делится с отцом, что их троих, Михаила Михеевича Кухтикова, Николая Михайловича Сеницына и его, «Управление» планирует отправить на разные направления работы: «Мне продолжать поиски урана, Михеичу съемку 100 000 хотят дать, а Н.М. (Сеницын) должен тематической ртутной работой заниматься».

В письме от 8 февраля 1944 года он пишет, что меняются условия георабот: «Комитет поворачивает довольно круто в сторону съемочных настоящих геологических работ, а мне, видно, судьба заниматься поисками, да еще такого неуловимого элемента как “U”. Вероятно, придется скоро поехать в Москву по нашему металлу». И в другом письме от 19 марта того же года: «Направляюсь сейчас для организации разведочной партии на место-

рождение, открытое нами осенью прошлого года, в качестве старшего геолога. Яна будет там же геологом. Наряду с разведкой имеем довольно большой пласт поисков... Влип в уран, не знаю, когда выберусь».

Геологи, помимо плановой работы, находят время и для отдыха. Георгий в письме от 24 марта 1944 года сообщает отцу, что посмотрел американский фильм «Большой вальс». Виктор Астафьев писал так об этой картине: «Фильм тем хорош, что познакомил нас, уставших от маршей и барабанного боя, с нежной музыкой, и она стала часто звучать по радио и в залах»⁸. «Не склонна “ветренная младость” искать во всем смысл. Да и не всегда это, пожалуй, нужно делать», – делает Георгий свое заключение о фильме, который посмотрел с удовольствием. Поршняков старший вносит некоторые критические замечания по поводу фильма, но младший парирует его мнение: «Вполне допускаю существование подобных взглядов, готов считаться с этим фактом (вот даже наш Михеич тебя поддерживает), но позволь и мне временами слушать веселые мотивы, пускай, хотя бы, в качестве соуса» (письмо от 24.03.1944 г.). Иногда удается посетить концерты. «Здесь оркестр Московской филармонии выступал, в Ленинграде столько серьезной музыки не слушал», – пишет Георгий родителям 1 апреля 1944 года.

Жизнь в стране налаживается. Вот и отец уже смог посылочку в Киргизию отправить, сапоги прислал. Георгий смущен, зная о тяжелой жизни в Боровичах, просит не отправлять ничего, так как обувью их снабжают. «Вот только вчера подбил свои “рельби” здоровенным баллоном, на каблук подковные гвозди поставил (киргизские, очень удобные) – целый год носить можно будет. Наш альпинист-геофизик Староватов уверяет, что точно такие же гвозди употребляют швейцарские альпинисты». И продолжает шутливо: «Вот сейчас получим миллион за разработку месторождений и точно разбогатеем». С питанием их выручает охота на дикобразов, зайцев и кабанов по ночам.

Злата после фронта находится в Петергофе, прислала брату свою фотографию. Об этом он тоже пишет отцу. «От Златы письмецо с фото получили. Сильно она изменилась, повзрослела. Солидную женщину-врача напоминает. Полная» (письмо от 31.07.1944 г.). Фотография была помещена в семейный альбом, собственноручно сделанный Георгием, альбом постепенно заполнялся и другими фотоснимками.

Из письма Яны С.Н. Поршнякову от 1 февраля 1945 года становится известно, что Георгию в Киргизию пришла телеграмма с вызовом в университет, «но сейчас выехать нельзя, так как пропуска для железнодорожных поездов в Ленинград не дают». Она сообщает о получении очередной партии книг от Сергея Николаевича: «Боровичи», «Чайковский», «Миклухо-Маклай».

⁸ Астафьев В. Затеси. Пермское книжное издательство, 1977.

* * *

...Не за горами Победа, и скоро уже придет время, когда снимут все ограничения по передвижению транспорта. Молодая супружеская пара вернется в восстанавливающийся ускоренными темпами после изнурительной блокады Ленинград. А там – госэкзамены, радость от встреч с родными и близкими, счастье рождения дочери Натальи. А пока по-прежнему много работы, грубая одежда и скудное питание. *«Яна привыкла к 41-му размеру и даже не замечает величины своих ботинок»* (письмо от 26.06.1945 г. Г.С. Поршнякова С.Н. Поршнякову). Люди ценят то, чем обеспечивает их государство. *«Прибывшим сейчас хлеба 1 кг для подземных и 0,7 для наземных работ выдают»*. *«Живем мы здесь мирно и очень хорошо. И в комнате тепло, и свет яркий, и даже на окнах занавесочки... Фрунзе – город сравнительно дешевый»* (письмо от 09.12.1945 г. от Г.С. Поршнякова С.Н. Поршнякову).

В начале 1946 года семья Георгия перебирается в Ленинград, где их вскоре навещает Сергей Николаевич. О его времяпрепровождении Георгий пишет матери: *«Папаша здесь своего здоровья не берег вовсе и бегал целыми днями по городу, не обедая, как студент первого курса. Уж вы, пожалуйста, поберегите его»*. В этом же письме сообщает, что «слушал доклад Романа Федоровича (Геккера) о захоронениях животных» и высказывает свои мысли о боровичском карбоне. Семья Георгия живет на ул. Марата, у Златы. Георгий поступил в аспирантуру, по возможности посещает научные лекции и доклады по своей специальности: *«Слушал я недавно доклад Н.Н. Соколова о некоторых спорных вопросах четвертичной геологии. Очень и очень понравился мне доклад этот»* (письмо от 20.05.1946 г. С.Н. Поршнякову).

Пока Георгий сдавал экзамены в аспирантуру, Сергей Николаевич был выбран в Боровичах в Совет депутатов. *«Поздравляем папашу с депутатской должностью, хоть и хлопотное это будет, наверно, занятие»*, – предполагает сын. Злата вся в работе, часто свержурочно и на выходных, но на улице Марата семья живет дружно.

* * *

Наступил 1949 год. Он принес два значимых события в семью Георгия Сергеевича. Первое – летняя геологическая экспедиция в Хабаровский край, к которой он основательно готовился и даже сделал прививки от малярии и энцефалита: *«Везем с собой великую тяжесть дрови и всякого барахла. Я даже на немецкую бескурковку разорился»*, – писал он 21 мая 1949 года в Боровичи. В команде 34 человека, в его партии – 5 человек, *«ребята все бывалые»*. Отпускало начальство его из университета без охоты, да и сам он волновался по поводу предстоящей защиты кандидатской. С Дальнего Востока привез панты марала, специально для отца, которого мучают суставные боли в ногах, и «узелейский» рецепт их применения.

Вторым значимым событием стало рождение в сентябре маленькой Наташи. *«Наши женщины – 3 шт. – ничего живут, помаленьку. Растворяют пи-роги. Злата “растворяет”, Яна – руководящие указания спускает, а Наташа – только изредка чихает и ворчит. На 1 ноября она весила 3,750, то*

есть прибавила в весе нормально», – пишет с доброй иронией и отцовской гордостью Георгий родным в Боровичи 5 ноября 1949 года. Сам же занимается подготовкой кандидатской: «Буду “Тектонику Азии” готовить, хоть и необъятна она Азия-то». «Вчера в мирном собеседовании сдал Николаю Михайловичу “Тектонику Азии”. Кандидатский минимум у меня теперь закончен, осталось обмакнуть перо в чернильницу и написать диссертацию. Наталка у нас ест экономно (в дедушку). Оспочка поджигает. Уже начали купать. Надо бы на коровью или овсяную подкормку переходить, да мы побаиваемся. Даем понемногу яблочный сок и рыбий жир. Хорошо бы было, если бы бабушка приехала посмотреть на внучку, или еще лучше – приезжали бы все вместе, хоть ненадолго» (письмо от 08.12.1949 г. С.Н. Поршнякову). А он по-прежнему мечтает о полевых работах: «Сейчас летние проекты утверждаются, как помотришь на карты, так и потянет в поле» (письмо от 15.01.1950 г. С.Н. Поршнякову). В этом же письме сообщает о смерти и похоронах профессора Янишевского Михаила Эрастовича⁹, своего преподавателя, неоднократно посещавшего Боровичи.

В июне 1950 года Георгий Сергеевич с группой студентов отправляется в Крым. Лагерь находится между Симферополем и Бахчисараем. Студенты живут в бараке, а он в палатке рядом. *«Пытаюсь обучать студентов геологической съемке, – пишет он в Боровичи родителям. – Участки моих групп расположены в бассейне реки Альма, так что ходить приходится через перевал и порядочно».* После студенческой практики Георгий снова отправляется на полевое задание в Киргизию, в Хайдаркан, где пересекается с Андреем Дмитриевичем Миклухо-Маклаем¹⁰, который параллельно разработкам урана группой Поршнякова занимается поисками ртутных месторождений.

И так из года в год: практика со студентами, то в Крыму, то на Кавказе, летом – договорные полевые работы в Средней Азии, на отпуск совсем не остается времени. Да что отпускной отдых! *«Вот нагрузка полевая – это своего рода отдых», – шутил Георгий.*

В письме от 28 июня 1952 года он сообщает родителям, что после учебной практики со студентами в Крыму, 7 июля отправляется в очередную полевую экспедицию. *«Будем мы с Миклухой встречаться и выбираться самолетом в Ташкент».* Поездка с А.Д. оставила в его памяти приятные воспоминания о путешествиях по Киргизии и Узбекистану. *«В Самарканде осмотрели могилу*

⁹ Янишевский Михаил Эрастович (1871–1949) – геолог и палеонтолог, доктор геолого-минералогических наук, профессор ЛГУ. Заслуженный деятель науки РСФСР, лауреат Сталинской премии (1947). Основатель кафедры палеонтологии в ЛГУ.

¹⁰ Миклухо-Маклай Андрей Дмитриевич (1914–1965) – советский геолог и палеонтолог, доктор геолого-минералогических наук, профессор геологического факультета ЛГУ. В 1941–1942 годах – инженер-геолог на оборонных работах, полковой артиллерийский разведчик на Западном, Калининградском, 1-м Прибалтийском, 1-м и 3-м Белорусском фронтах. Внучатый племянник русского этнографа, антрополога, биолога и путешественника Н.Н. Миклухо-Маклая (1846–1888).

Тамерлана и другие памятники архитектуры – мечети с затейливой отделкой из глазурированных разноцветных кирпичиков».

Следующая поездка с Миклухо-Маклаем и Синицыным состоялась в июле 1954 года. *«Поздновато, конечно, но все же два месяца поля может получиться»*, – сообщает он отцу в письме от 20 июля 1954 года. *«Вернулся я прошлой ночью из двухнедельной экспедиции. Проехали около 1,5 тысяч км на автомашине. Побывали и в восточной Фергане, и в Алайской долине, в Заалайском хребте, любовались пиком Ленина и другими вершинами Заалая... Миклуха собирается в Ленинград, Николай Михайлович – в Сталинабад, я здесь остаюсь»*.

В этом же году сестра Георгия Злата стала лауреатом Сталинской премии III степени за выдающиеся изобретения и коренные усовершенствования методов производственной работы. Премия являлась формой поощрения советских граждан за значительные заслуги в техническом развитии советской индустрии. Был приобретен легковой автомобиль «Победа», на котором в выходные дни Злата с семьей Георгия могли путешествовать по окрестностям Ленинграда.

* * *

После ухода на пенсию в 1952 году Поршняков-старший занимается проектом по борьбе с карстовыми наводнениями посредством ликвидации Опаринского озера. Этой информацией он делится с сыном. Георгию не совсем понятна эта идея, о чем он тактично сообщает отцу, задает вопросы по уточнению и высказывает свое мнение: *«Дело ведь, наверно, сложное с циркуляцией подземной, и нужны, наверно, стационарные наблюдения (ведутся ли они?) и точные материалы по стоку, осадкам, гипсометрии (располагаешь ли ими?). А явление, мне кажется, весьма заслуживающее внимательного изучения и описания»* (письмо от 20.07.1954 г.).

Наташа Поршнякова, пока родители работают в «поле», гостит в Боровичах у бабушки с бабушкой. Сюда же отправляет Зоя Сергеевна Юрочку, уже подростка и самостоятельного. Дедушке с бабушкой скучать некогда. Дедушка берет ребятишек на свои «экскурсии», бабушка приобщает к заботам об огороде и помощи по дому.

Яна в письмах Поршнякову с гордостью рассказывает: *«Юрушку утвердили в звании и должности доцента кафедры общей геологии. При голосовании в “большом” (университетском) Ученом Совете он прошел единогласно. В субботу встретила я в университете (Яна работает в лаборатории. – Авт.) одну из преподавательниц, вернувшуюся с крымской практики. Она мне расхваливала Юрушку, его поведение как начальника – без зазнайства»* (письмо от 20.07.1953 г.).

Бывший студент Георгия Сергеевича Натальин Борис Алексеевич¹¹, участвовавший в полевых практиках в Северной Фергане, отмечает его мастер-

¹¹ Натальин Борис Алексеевич (1950 г.р.) – геолог-тектонист, кандидат геолого-минералогических наук, профессор Стамбульского технического университета, ученик Г.С. Поршнякова.

ское умение делать рисунки местности: «Г.С. был великолепным мастером полевых рисунков. Когда он стал делать зарисовку открывающейся взору местности, нанося на чертеж названия вершин и рек, мастерски изображая рельеф и его соотношения с геологическими контактами, строение региона стало мне предельно понятным. Может показаться, что просто фотографии было бы достаточно, и пометки к ней не заняли бы много времени. Но позже, вспоминая этот эпизод, я понял, что Г.С., рисуя, думал, и отнюдь не о размерах штрихов и их толщине на рисунке. Он буквально видел скрытую от многих геологическую структуру местности. До него соотношение девонско-среднекаменноугольных и силурийских пород видели и другие не менее опытные и известные геологи, но все они интерпретировали их как просто разломы неопределенной кинематики или же считали соотношения пород согласными. Видеть и понимать геологическую структуру не каждый может»¹².

В 1955 году Г.С. Поршняков взял с собой в партию «бурого Васю» – свой мотоцикл, приобретенный специально для маршрутов, но ездить на нем в места полевых заданий не удастся – «горы крутоваты», а вот навещать работающую в соседнем районе – в Кара-Тау Яну вполне можно. «Ждем здесь Николая Михайловича (Синицына), обещал заехать». «Бурый Вася» сопровождает Георгия Сергеевича и в следующих экспедициях. «Я уже третий день в Саблино. Со мной здесь мой Юра Бискэ¹³ (сидит над нашей картой) и ассистент Дюфур¹⁴ (бывал в Боровичах). Да еще со мной мотоциклище, стоит в сарае» (письмо от 25.06.1960 г. С.Н. Поршнякову).

В письме от 4 сентября 1957 года Яна сообщает Сергею Николаевичу, что Наташа пошла в школу, а в письме от 3 сентября 1959 года просит Мавру Федоровну повлиять на Сергея Николаевича, не щадящего здоровья в экскурсиях по берегам Мсты, так как «годы не те». У Поршнякова-старшего развивается полиартрит. Он лечится, но своеобразно. «А вы, Сергей Николаевич, очень удивили меня своими купаниями и ныряниями. Хорошо, что все благополучно обошлось! ...Лучше уж не экспериментировать!» Георгий Сергеевич пишет, что готовит статью для «сборника памяти Николая Михайловича» (Синицына).

В 1968 году Наташа поступает в ЛГУ. Первый ее выезд на полевые работы в районе г. Ош на Тянь-Шане состоялся в августе 1969 года. «Жду не дождусь. Хочется солнышка и тепла настоящего» (письмо Н.Г. Поршняковой в Боровичи от 26.07.1969 г.).

¹² Натальин Б.А. Уроки Г.С. Поршнякова // Вестн. Санкт-Петербургского ун-та. Науки о Земле. 2018. Т. 63. Вып. 4. С. 399–406.

¹³ Бискэ Георгий (Юрий) Сергеевич (1939 г.р.) – профессор кафедры осадочной геологии Института наук о Земле СПбГУ, геолог, палеонтолог, сейсмогеолог.

¹⁴ Дюфур Михаил Сергеевич (1933 г.р.) – геолог, доцент кафедры общей геологии ЛГУ, участвовал в организации базы практики в Боровичах.

В 1971 году Георгий Сергеевич назначен заведующим кафедрой исторической геологии, где ведет педагогическую деятельность по новому курсу «Геология СССР».

В 1972 году Сергей Николаевич получает приглашение на свадьбу внучки Натальи с Володей Рошиным, который служит в воинской части на Черной Речке, гостей собирается больше 40 человек. А в октябре она заключает с университетом договор на полевые исследования, о чем подробно и с гордостью сообщает Сергею Николаевичу:

«Тема наша – “Исследование основных характеристик звуковосприятия на простейшей физиологической модели”. Эксперимент проводим на ста-тоцисте пластинчатожаберного моллюска (беззубка). В наших опытах лучше назвать это исследованием не звуковосприятия, а вибрационной чувствительностью, так как мы пытаемся получить электрическую реакцию статоциста в ответ на колебания воды, в которую помещен моллюск. Объект интересен тем, что еще никто не пытался проводить на нем подобных исследований» (письмо от 21.01.1973 г.).

Наталья очень довольна этой работой, хотя скоро ее ждут совсем другие хлопоты и заботы – появится на свет правнук С.Н. Поршнякова – Сереженька...

* * *

...Пожелтевшие письма открыли нам внутренний мир людей, связанных с историей нашего города, показали на примерах их жизни – что значит быть мастерами своего дела, вносить вклад в науку на благо родины.

Использованные материалы

1. НГМ КП 44217/2600–2914. Письма Поршнякова Г.С. родителям, 1936–1981 гг.
2. НГМ КП 44217/2915–2970. Письма Поршняковой Я.Ф. Поршнякову С.Н., 1941–1981 гг.
3. НГМ КП 44217/2971–2975. Письма Рошиной (Поршняковой) Н.Г. дедушке и бабушке, 1950-е гг.

**ПОЗНАВАТЬ, ПРОСВЕЩАТЬ,
НАПРАВЛЯТЬ...**

Камчатская экспедиция 1908 года и студент-доброволец Сергей Николаевич Поршняков

Сергей Николаевич Поршняков и Владимир Леонтьевич Комаров – двоюродные братья, но общего во взглядах, интересах, образе жизни у них было больше, чем иногда у родных. Они выросли на берегах Мсты в Боровичском уезде, в дедовской усадьбе Ровное-Михайловское, любили природу, много путешествовали; оба в разные периоды жизни посвящали себя литературному творчеству. Однажды пути братьев сошлись особенно тесно, случилось это на «заре туманной юности» С.Н. Поршнякова, поступившего на естественное отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета.

Владимир Леонтьевич к тому времени был признанным в России и в Европе ученым-ботаником, успевшим совершить несколько крупных экспедиций в отдаленные уголки Российской империи и получить за свои научные работы высокие награды. В 1907 году Комаров готовился к очередной экспедиции, на этот раз – на Камчатку. Известно, что в ней принял участие и Поршняков.

Можно смело предположить, что решение не было спонтанным. Летом 1907 года они вместе совершают «исследовательские маршруты по низовьям р. Увери, водоразделу Березайки и Мсты», во время которых Поршняков получает бесценный опыт работы в поле, учится определять и описывать растения под руководством высочайшего профессионала, каким был к тому времени Комаров. Думается, что именно по совету брата Сергей Поршняков на первом курсе идет работать экскурсоводом в Зоологический музей (он – будущий зоолог) и приобретает не только новые знания и навыки экскурсовода, но и знакомится с научными сотрудниками. С одним из них, Валентином Львовичем Бианки, ученым-хранителем коллекций Зоологического музея, ему предстоит вместе экскурсировать в окрестностях Петропавловска-Камчатского. Впоследствии Поршнякова и известного детского писателя-природоведа Виталия Бианки – младшего сына Валентина Львовича – свяжет многолетняя дружба.

Студент второго курса университета был включен в состав экспедиции в качества добровольца и получил возможность знакомиться со страной, ее самыми отдаленными территориями, общаться с множеством интересных людей, работать в одной команде с учеными. Камчатская экспедиция имела для становления Поршнякова, как будущего ученого, во многом определяющее значение.

Сборы, дорога, участники экспедиции

О, эта далекая Камчатка... Окраина Российской империи, целая страна, не изученная, не познанная, не описанная... Денег у Русского Географического общества для ее изучения долгое время не было. Помог случай. «В 1906-м совсем молодой Ф.П. Рябушинский, прослушав курс лекций по географии, загорелся страстным желанием побывать на Камчатке. Он был поражен, что она так мало изучена, удивлялся, как может оставаться необследованным обширный край, равный по площади всей Пруссии, край с такой своеобразной природой». Младший из восьми братьев Рябушинских, известных банкиров, промышленников, издателей, пожаловал на организацию и проведение комплексной экспедиции на Камчатку 200 000 рублей. Благодаря меценату, экспедиция Рябушинского стала одной из самых эффективных по собранному научному материалу.

Руководителем экспедиции был назначен ботаник Владимир Леонтьевич Комаров, он же возглавил ее ботанический отдел. Итогом двухлетней работы отдела стал написанный Комаровым монументальный трехтомный труд «Флора Камчатки». Нам же больше интересен его замечательный свободно написанный отчет «Путешествие по Камчатке в 1908–1909 гг.». Пролистаем его страницы, окунемся в атмосферу подготовки и проведения экспедиции и, конечно же, постараемся найти сведения в записях Комарова, связанные с Сергеем Николаевичем Поршняковым.

«В апреле 1906 года Федор Павлович Рябушинский лично обратился ко мне с предложением принять участие в организуемой им экспедиции для всестороннего исследования Камчатки. Он подробно изложил мне свой план организации такой экспедиции из шести более или менее самостоятельных отделов: топографического, геологического, ботанического, зоологического, метеорологического и этнографического, с многочисленным научным персоналом (всего предполагалось тогда 24 представителя различных специальностей, врач и фотограф). Цель экспедиции была исключительно научная – возможно полное и всестороннее описание Камчатки, никакими другими целями экспедиция не задавалась.

Относительно порученного мне ботанического отдела было решено, что он, кроме прямой своей задачи – изучение растительности и условий ее существования, должен заняться еще агрономическими исследованиями, но свободен от обязательства провести на Камчатке зиму и может ограничиться летними периодами 1908 и 1909 годов. Сообразно этому я сформировал личный состав своего отдела».

Подход к подбору участников своего отдела у Комарова был творческий. Он редко ошибался в людях, никогда не надеялся на «авось», предпочитал перед большим делом «провести разведку боем». Камчатская экспедиция это еще раз подтвердила.

«На место старшего помощника я пригласил Эдуарда Карловича Безайса, который... в течение девяти с лишним лет был агрономом тюремного ведомства на Сахалине, где заведовал устройством сельского хозяйства ссыльнопоселенцев. В 1905 году он при занятии Сахалина японцами, был взят в плен, по недоразумению приговорен к расстрелянию за то, что местное население не давало повод победителям, затем увезен в Японию. По возвращению в Россию г. Безайс временно оставил службу и поступил в Петербургский университет по агрономической группе наук физико-математического факультета. В 1907 году он ездил, по моему предложению, на работы по исследованию и описанию растительности побережья Онежского озера и представил подробные отчеты. Благодаря этому Безайс мог свободно считаться человеком, знакомым, как с агрономией, так и с ботаникой и, кроме того, особенно ценным, потому что долго работал в близком по условиям к Камчатке Тымовском округе северного Сахалина.

На места младших помощников я пригласил своих слушателей по Петербургскому университету, студентов-естественников Леонтия Григорьевича Раменского¹ и Всеволода Павловича Савича². Оба они, по моему предложению, исследовали в течение лета 1907 года растительность озера и болот Ямбургского уезда, а также берегов Чудского озера и реки Наровы и показали себя хорошими работниками. Еще большее значение имело то обстоятельство, что оба они много работали в криптогамическом отделении гербария Императорского ботанического сада над исследованием споровых растений.

Такой состав позволял распределить работу ботанического отдела следующим образом:

Комаров – коллекционирование и изучение цветковых растений; метеорологические наблюдения;

Безайс – агрономические исследования, изучение почв; вспомогательное коллекционирование цветковых;

Раменский – исследование болот и озер; коллекционирование и изучение мхов и водорослей; вспомогательные метеорологические наблюдения;

Савич – коллекционирование и изучение споровых, в особенности лишайников; фотография.

Сверх того, в качестве добровольца я принял в состав отдела моего двоюродного брата, также студента-естественника Петербургского университета Сергея Николаевича Поршнякова, ехавшего на собственные средства и предполагавшего производить вспомогательные исследования по зоологии. Вместе мы выработали план снаряжения и в течение февраля 1908 года непрерывно хлопотали над его своевременным изготовлением».

¹ Раменский Леонтий Григорьевич (1884–1953) – известный российский географ и геоботаник, специалист в области луговедения, доктор биологических наук. (Авт.)

² Савич Всеволод Павлович (1885–1972) – крупнейший советский ботаник-лихенолог, доктор биологических наук, профессор. (Авт.)

Комарову, как руководителю экспедиции, предстояло все продумать до мелочей. Метеорологические инструменты, планктонные сетки, аппараты для добывания проб ила и грунта; палатки, вьючные ящики, складные лодки, фотоаппараты, 30 прессов для сушки растений с железными рамами, семена растений, удобрения и многое другое члены экспедиции везли с собой.

«Благодаря ходатайству Императорского Русского Географического общества Министерство путей сообщения дало нам отдельный вагон от Петербурга до Владивостока; морское ведомство обещало доставить экспедицию из Владивостока в Петропавловск и обратно; военное ведомство отпустило 80 кавалерийских берданок и патроны, которые были поделены между отделами – частью для вооружения рабочих, частью для передачи населению в обмен на различные услуги.

За несколько дней до отъезда все наличные участники экспедиции собрались у П.П. Семенова-Тянь-Шанского, который напутствовал их речью, указав на большую важность экспедиции, как в научном, так и в практическом отношении, и на необходимость дружной и согласной работы.

21 апреля 1908 года мы со всем снаряжением тронулись из Санкт-Петербурга в путь с почтовым поездом Вологодской железной дороги. Любезно предоставленный министром путей сообщения в распоряжение экспедиции вагон вместил, кроме пяти членов ботанического отдела, еще зоологов В.Л. Бианки, П.Ю. Шмидта, А.Н. Державина, гидролога В.Н. Лебедева, препаратора Л. Бэра, геологов С.А. Конради, Е.В. Круга, В.М. Козловского и Н.Г. Келя; двое последних ехали с женами, так что всего составила компания в 16 человек. Оставшиеся свободные места и часть проходов мы заняли багажом экспедиции, что значительно помогло нам, так как провоз багажа до Владивостока, благодаря высокому тарифу Китайской Восточной железной дороги, очень дорог. Путь по железной дороге, разумеется, описывать нечего».

Дорога на Камчатку в описании Сергея Поршнякова

Некоторые впечатления от путешествия на восток страны на поезде удалось обнаружить в одной из «тюремных тетрадей» (1910) Сергея Поршнякова:

«Светлое весеннее утро. Поезд идет по высокой насыпи. Внизу, под окнами, по обе стороны ходят мутные волны, залившие леса. Странно видеть обыкновенный лиственный лес торчащим из какого-то желто-мутного озера. Все залито камским половодьем: ни островка, ни отмели. Отчего-то становится все светлее и светлее... Это приближается сама Кама. Сильнее пахнуло ветром в открытое окно, поредели, растаяли торчащие из воды вершины деревьев, и развернулось целое море, широкое, мутное, куда-то несущееся. Послышался ровный металлический гул и ритмическое позвякивание; замелькали железные балки: осторожно ползет поезд над быстро пе-

рекатывающимися где-то под колесами мутными весенними волнами. Едва виднеются где-то далеко берега. Движущийся белый пароход похож на какую-то небольшую водоплавающую птицу. Из-под самых колес выплывает, перекатываясь через волны, лодка с двумя предприимчивыми парнями. А сверху радостно светит утреннее солнце. Какое-то светлое бодрящее чувство охватывает душу при виде этого поистине волжского простора. Мозг невольно воскрешает широкую, привольную и буйную жизнь, кипевшую по этим когда-то единым артериям российской жизни.

...Перестали мелькать железные балки моста. Крутой поворот, и вместо Камы перед окнами бегут с головокружительной быстротой отвесные, как стены, каменные уступы берега. А потом и они исчезают, перед глазами мчатся вереницы товарных вагонов, скрипят тормоза, дрожит весь поезд и плавно подходит к каменному вокзалу: это Пермь.

...В зале первого и второго классов продаются открытки, мелькают официанты, важно жуют пассажиры с кокардами и без кокард. Остальная часть вокзала – это нечто вроде развороченного муравейника, где люди положительно кишат: проносят на спинах тяжелей, громоздкий багаж, ходят голодающие-нищие, бородатые, в лаптях, с котомками... На плоских выцветших лицах – выражение покорности судьбе. Снуют босые, в лохмотьях дети. Много физиономий монгольского типа. Душно. Еще несколько шагов; выкатываюсь через двери и подъезд в новый поток человеческих тел.

...Ко мне подходят трое парней – пристанские служащие – и просят сфотографировать (у меня на руках «Кодак»). Славные, прямодушные, здоровые физиономии, но уже не деревенского типа. ...Глаза разбегаются, до того все пестро, до того трагическое и жалкое переплетаются с весельем и смехом. Немало тут, быть может, знакомых Горького.

Я и трое из моих спутников (В.Л. Комаров, Л.Г. Раменский, В.П. Савич, ботаники) опоздали на поезд и вынуждены были догонять уехавших».

Владивосток, Петропавловск

19 суток длилось путешествие на восток страны, во Владивосток экспедиция прибыла 11 мая. И вот новые страницы из дневника Комарова:

«Во Владивостоке мы пробыли шесть дней в непрерывных хлопотах по заготовке провианта, оружия, кухонных принадлежностей и различных мелочей, необходимых для путешествия и жизни на необитаемых или мало обитаемых странах. Кроме того, заняли много времени выправка бумаг и улаживание переезда на Камчатку. За отсутствием в данное время рейсов казенных судов, мы должны были ехать на зафрахтованном Добровольным флотом для почтовых рейсов на Камчатку и Анадырь норвежском пароходе “Эйтин”. ...Морское путешествие с обычным для этого рейса заходом в Хакодате³ прошло совершенно гладко, без единого шторма. Здесь были по-

³ Город в Японии. (Авт.)

гружены на палубу два больших японских баркаса, необходимых для выгрузки в неудобных камчатских портах, так как лишь в Петропавловске пароход может подходить к берегу».

На страницах своего отчета Комаров приводит самые разные сведения, причем, точно, выверено, информативно.

«Хакодат является центром лесной и рыбной торговли. Отсюда выходят почти все рыболовные суда, курсирующие в наших водах. Здесь же закупают снасти, суда, соль и нанимают рабочих и засольщиков и здесь же осенью продают добрую часть своего улова наши рыбопромышленники. Кроме того, здесь помещается крупная банкирская фирма «Демби и сыновья», специально занятая субсидированием японской рыбопромышленности. Владелец этой фирмы – натурализовавшийся женатый на японке американец, и сыновья его, таким образом, наполовину японцы.

...27 мая мы проснулись перед Воротами (так называют узкий проход, ведущий в Авачинскую губу). ...Далеко за Авачинской губой и ближайшими к ней горами ярко блестит на солнце своими снегами стройный конус Вилучинской сопки, а впереди из-за низкой седловины выглядывает громада Коряцкой сопки...

...Первые впечатления от Петропавловска, как отправного пункта для экспедиции, были совершенно безотрадны. В городе не оказалось помещений, которые можно было нанять. По другому животрепещущему вопросу, можно ли достать лошадей и проводников, было еще хуже. Ночь на 28 мая мы провели на пароходу, утром продолжили подыскивать помещение, а днем выгрузились.

Прежде всего, я поторопился выдать участникам ботанического отдела их научное снаряжение, чтобы не было остановки с началом экскурсий в окрестностях Петропавловска. Затем выдал Кайдалову все необходимое для кухни и поручил ему купить дров и провизию, и приняться за варку пищи, так как с этого дня мы должны были столоваться уже по-походному. Товарищи мои, Байзас, Савич и Раменский поместились в домике компании, а я и Поршняков устроились в палатках...

30 мая, утром идет снег. В 9 утра ветер, сопутствуемый сильным дождем, превращается в ураган. В какой-то момент ветер приподнял крышу нашего домика, сместил на сторону верхний венец сруба, и досчатый потолок обрушился на наши пожитки. Пришлось с согласия Шмидта спешно перебираться в занимаемый им дом. ...С большим трудом мы разместились в небольшой комнате, а частью в кухне, так как около этого дома поставить палатки было негде. В работах я испытывал здесь совершенно невыносимое стеснение, имея в своем распоряжении лишь один угол комнаты...

...Было решено вести экскурсии вокруг Петропавловска до первой возможности переехать через Авачинскую губу в Тарьинскую бухту. Затем перебраться в долину р. Паратунки, столь заманчиво описанную Дитмаром, и возможно подробнее изучить ее. Затем искать случая – пробраться, на-

сколько удастся далеко, на запад в сторону Большерецка, и везде, где представится малейшая возможность, делать боковые экскурсии, особенно в южном направлении...

Проработав почти всю ночь над упаковкой и распределением нашего экспедиционного имущества, мы к часу дня 5 июня готовы были выступить из Петропавловска».

Работа «в поле» Комарова, Савича, Раменского, Поршнякова

Камчатка и сейчас у большинства обычных людей ассоциируется с гейзерами, горячими ключами и многочисленными медведями. Все это в изобилии встретили и участники экспедиции.

«В Паратунских ключах жители моют домашнюю утварь, мочат кадки, стирают белье и пр. Более крупные огорожены, так как в один из них как-то упала корова и затем погибла от ожогов. Растительность по берегам исключительно сорная. Оригинальная, вероятно, уничтожена, тем более что скот постоянно пасется по их берегам.

Главный ключ образует значительный теплый пруд, на берегах которого построены две лачужки для раздевания. ...Здесь по вечерам всегда есть купающиеся, так как ключ этот заменяет жителям бани, которых и нет в селении. Температура в этом ключе у выхода 47 градусов».

Прервем на этом месте описание многотрудного и увлекательного путешествия, и остановимся лишь еще на некоторых записях, касающихся Сергея Николаевича Поршнякова.

«24 июня мы с Поршняковым предприняли восхождение на Бабий Камень. ...Мы перешли Алешкину речку у самого подножия горы. Сначала поднимались по зеленому пологому склону среди зарослей ольховника, выбравшись на гребень хребта, попали в цветущие заросли золотистого рододендрона, с примесью красного камчатского рододендрона, а также в заросли голубики и брусники и заросли альпийского кедровника.

Савич, ходивший на экскурсию несколько дней назад в сопровождении С.Н. Поршнякова, столкнулся в густейшей чаще ивняков, около одного из богатых рыбой ключевых бассейнов р. Тихой, вплотную с медведицей с медвежатами и выстрелом из берданки уложил ее на месте. Поршняков другим выстрелом убил медвежонка. Мясо их составило солидное подспорье к нашим запасам...

15 июля мы, наконец, с большим трудом уговорили с помощью старосты двух местных домохозяев дать нам лошадей и ехать вместе с нами к подножию Коряцкой сопки. На шести лошадях были размещены небольшие вьюки со всем необходимым и восседали мы, то есть я, Раменский, Савич, Поршняков, наш рабочий и два проводника. Мы переехали Авачу на батах⁴,

⁴ Баты – лодки, выдолбленные из целого ствола тополя. (Авт.)

стараясь высадиться как можно выше по течению, ближе к устью Мутной речки, и там уже на окраине большого сенокосного луга навьючили лошадей... С берега Авачи быстро въехали в лес из белой березы с группами кедровника и можжевельника, следуя по плотной, сухой террасе над левым берегом реки Мутной. Справа – крутой склон верхней террасы...

Вечером мы были полны самых радужных надежд на завтрашнюю экскурсию к Коряцкой сопке. Утром снизу с моря стал приближаться туман, гонимый юго-восточным ветром; быстро пролетели мимо нас, совсем близко, клочья белой ваты, и через полчаса все кругом скрылось из глаз за сплошной морозящей пеленой. Савич с проводниками еще до тумана ушли в горы и вернулись к обеду с великолепным горным бараном; оживленно рассказывали об удачной охоте, а заодно и о безуспешной стрельбе по медведю, который скрылся. Теперь мы обеспечены, по крайней мере, дня на три прекрасным мясом, кстати пополнившим наши небогатые припасы».

Охота была для членов экспедиции не самоцелью, но необходимостью. Как пишет Комаров: «хлеба не было, но когда в одной руке кусок вареной медвежатины, а в другой – печеной на вертеле рыбы, то о хлебе насущном можно и забыть».

Поражает выносливость исследователей. Выйдя утром к верховьям какой-нибудь речки, они возвращались часто за полночь. Луговины, заросли ольховника и кедровника, каменные нагромождения, вулканические шлаки, снеговые мосты, в скалах – ущелья и в них пробивающиеся ключи... Все представляло интерес для экспедиции, все сведения аккуратно записывались, пополнялись ботанические сборы...

Поршняков выполняет все возложенные на него обязанности: сопровождает Комарова и других членов отряда, ходит на разведку, охотится, добывает дичь для отряда, должно быть, собирает дрова, разводит костер, готовит, фотографирует, делает зарисовки.

В ботаническом отряде вместе с Поршняковым было трое студентов. В будущем и Раменский, и Савич – станут известными учеными. Поршняков выберет своей миссией работу на ниве краеведения в родных Боровичах и оставит после себя немалое число учеников и единомышленников.

Читая записи Комарова, видишь, что с Поршняковым он практически не расставался, им было комфортно вместе – и вести исследования больших территорий, и делить кров. Как педагогу, Комарову было нужно на время отстраниться от своих студентов, отдохнуть, побыть не преподавателем, а просто исследователем. Думается, для этого случая Поршняков был идеальной фигурой.

Ну а Сергей Николаевич, всю свою жизнь посвятивший изучению истории и природы Боровичского края, получил мощный посыл для этого в Камчатской экспедиции, длившейся для него шесть месяцев 1908 года. Комаров, имевший замечательные качества организатора любого процесса, был примером для брата. Хорошим организатором, хотя и не такого масштаба стал и

Сергей Николаевич. Работая несколько десятилетий директором Боровичского краеведческого музея, он сумел сплотить вокруг себя множество людей, превратить их в исследователей своей малой родины. Его многочисленные корреспонденты поставляли в музей самую разную информацию: фенологические наблюдения, описание необычных природных явлений, интересные находки, народные сказания – все это шло в копилку музея.

* * *

«Экспедицию я закончил вместе со всеми моими товарищами по ботаническому отделу приездом в Петербург 15 октября. В конце ноября ездил с отчетом к Ф.П. Рябушинскому в Москву, причем Федор Павлович много расспрашивал меня о Камчатке, интересуясь всеми подробностями нашей поездки».

Благодаря высокому профессиональному уровню и общей эрудиции ее участников труды экспедиции Рябушинского не потеряли своей научной ценности и в наши дни. Специалисты говорят, что «результаты работы экспедиции сыграли и определенную политическую роль, показав приоритет России в исследовании Камчатки в XX веке».

* * *

Поршняков и Комаров будут общаться на протяжении всей жизни. Ни с кем больше из своих братьев у Комарова не будет таких доверительных, теплых отношений. В любимое Ровное, к Поршняковым, он приезжал до конца 1930-х годов; привозил друзей. В старом дедовском доме, где «барыне» Ольге Михайловне Поршняковой был выделен новой властью второй этаж, место находилось всем.

Использованные материалы

1. *Комаров В.Л.* Путешествие по Камчатке в 1908–1909 г. // Камчатская экспедиция Федора Павловича Рябушинского, снаряженная при содействии Императорского Русского географического общества. Ботанический отдел. Вып. I. М.: Типогр. П.П. Рябушинского, 1912.

2. https://elib.rgo.ru/safe-view/123456789/213195/1/0JrQsNC80YfQsNGC0YHQutCw0Y8g0Y3QutGB0L_QtdC00LjRhtC40Y8uINCR0L7Rgi4g0L7RgtC00LXQuy5wZGY

Естественнонаучные изыскания Сергея Николаевича Поршнякова

Сергей Николаевич был активным исследователем родного края. Организовывал экскурсии, лекции, писал статьи в местную газету, выпускал краеведческий журнал «Будем изучать наш край», вел дневники и огромную переписку, выступал с докладами и сообщениями на заседаниях Географического общества, в учебных заведениях города, много лет вел кружок юных краеведов; им собраны геологические, палеонтологические, археологические коллекции. В музейных архивах хранятся рукописи и машинописные тексты по геологическим и гидрологическим исследованиям С.Н. Поршнякова за период с 1930 по 1972 год.

* * *

Боровичский край является областью интенсивного развития карста. На сравнительно небольшой территории природа создала самые его разнообразные формы: периодические озера, воронки, речки с подземным течением, многочисленные источники, пещерные системы. Сергей Николаевич никогда не пропускал интересные карстовые явления и всегда описывал их в своих отчетах:

«В районе ст. Угловки, в среднем течении реки Валдайки, у Яковищ (Мошенской район), у Озерёва (Боровичский район) на памяти нашего поколения бывали случаи, когда люди с лошадьми, телегами, плугами проваливались в мгновенно образующиеся воронкообразные ямы, иногда глубиной до шести метров. У деревни Ровное Опеченского района в июне 1930 года на дне малой речки Шерёны образовался такой провал. Речка эта «ушла под землю» и перестала впадать во Мсту, пока ее не отвели от поглощающей воду воронки (ради водоснабжения окраины деревни). Нечто противоположное произошло на тихой реке Увери у д. Исадей в один из сенокосных дней 1921 года. Все население сбежалось на шум, производимый водой, прорвавшейся из недр земли. Фонтан высотой в 1,5 м и диаметром в 0,4 м долго бил от уреза воды, постепенно расширяясь и теряя высоту, пока не превратился в омутообразную яму, извергающую значительное количество подземной воды. С этих пор и перестала замерзать на зиму Уверь у д. Исадей»¹.

С глубокой древности использовали в нашем крае карстовые источники как двигательную силу. На таких мельницах, как Яковищенская в Мошен-

¹ НГОМЗ. Боровичский филиал. Фонд Р-46. Оп. 2. Ед. хр. 82.

ском районе, ключ окружен кольцевой насыпью, из которой вода бурно переливалась через край и шла на турбины: «У устья реки Уверь напорные воды очень сильного ключа были подняты по дощатой трубе со дна реки Мсты высоко над уровнем ее, и была построена мельница на искусственном острове»².

Сергей Николаевич на местном радио вел передачи на различные краеведческие темы, в том числе и о карстовых озерах. Вот текст радиопередачи, прозвучавшей весной 1953 года.

«Периодически исчезающее озеро Боровское, иначе называемое Раузинским, близ деревни Петухово. Карстовых озер, воды которых в определенное время года уходят через провальные ямы в пещеры, у нас в юго-восточной части Новгородской области немало. Небезопасно купаться в восточном конце озера Боровского, где довольно глубоко, и на дне множество провальных ям-воронки с отверстиями-понорами, всасывающими озерную воду. Вода в озере темная, буроватая. Но приезжайте на это озеро в конце августа. Вы не сразу найдете и узнаете его. По дну всего озера проходит пересыхающий ручей, который с шумом врывается в жерла-поноры, зияющие в твердой известняковой плите дна. Ямы эти похожи на глубокие воронки от бомбежки с воздуха. Но не вражеские налеты сделали ямистым дно. Многие века разъедала, растворяла здесь вода известняковую толщу... Проходят по сухому дну озера стада коров, проезжают грузовики. Раз, помню, в жаркий день я встретил здесь охотника, который долго искал на озерном дне воды, чтобы напоить свою собаку и с трудом нашел небольшую лужу. Перед окончательным уходом воды все рыбное население озера как в миске теснится в нескольких ямах-воронках. Бывает так, что рыболовы вычерпывают из ям кишашую в них рыбу. Однако и после этого озеро оказывается иногда вновь заселенным рыбой на следующий год. Как может это случиться? Возможно, что вместе с уходящей под землю водой уходит в пещеры и часть рыбного населения озера. Может, однако, подойти к озеру и новая рыба – из речки Галаховки, в которую переливается избыток воды полноводной весной в это озеро – по ложбинам и канавам»³.

Геологические объекты, которые можно наблюдать на территории нашего края – уникальны. Не случайно профессор Р.Ф. Геккер, много сделавший для правильного понимания строения этого района, писал:

«Работа над Мстинским разрезом... убедила автора в громадном интересе, представляемом разрезом: Мстинский участок является настоящим пробным камнем для наблюдательности исследователя и тщательности, и углубленной детальности его работы. ...Мстинский разрез задавал не одну

² НГОМЗ. Боровичский филиал. Фонд Р-46. Оп. 2. Ед. хр. 82.

³ НГОМЗ. Боровичский филиал. Фонд Р-46. Оп. 2. Ед. хр. 75.

загадку, разрешение которой доставляло исследователям немало труда, но также и большое удовольствие»⁴.

У Сергея Николаевича находим такое описание:

«Боровичский район расположен в северо-западной части Подмосковского бассейна. Древнейшие из встречаемых здесь образований относятся к девонской системе и угленосному ярусу карбона. Те и другие представлены линзами и пластообразными отложениями, накопившимися в приморских болотах, лагунах, в устьях рек, и обнаруживают незначительное падение от континента к древнему морю. Мста в среднем ее течении проложила себе путь по древней глубокой обширной ложбине, уступы которой местами расчленены и замаскированы озовыми и моренными грядами. От верховья и до устья Увери Мста прорезает исключительно четвертичные наносы. В 6–7 километрах ниже устья Увери по дну Мсты показываются каменноугольные известняки, спадая с которых река образует пороги. Несколько выше Боровичей Мста врезается уже в угленосную толщу карбона. А от Боровичей и до своих низовьев река обнажает цветные породы девона»⁵.

В своих очерках-отчетах Сергей Николаевич так описывает экскурсии с юными краеведами:

«Бодрым шагом, веселые и радостные, шли колоннами по трактам и проселкам, растягиваясь гуськом по узким тропам среди цветущих лугов, рассыпаясь с молотками и саперными лопатами по наносам и береговым кручам речек. По полям и колхозам разносили пионерские песни, спали на мягком сене, спали на жестких досках. Вполне сносно питались. И что главное, в конце шестого дня, сквозь дождь и холодный ветер, вернулись в город еще бодрей и веселей, чем вышли... Еще на выходе из Боровичей остановились на так называемой Коровьей горе, осмотрелись и поняли, что весь наш город не на горах, а на ступенях-площадках врезающихся все глубже в земные недра реки.

По таким террасам и шли мы вдоль Мсты – до Жданей, вдоль Керемерки, Сороды, Щуки и других притоков ее. Отходя к востоку, поднимались на древний береговой уступ когда-то бежавшего здесь потока, откуда открывались перед нами (вверх и вниз) необозримые синееющие дали. Здесь на этих высотах климат не совсем такой, как у берегов Мсты: позже наступает весна и раньше осень.

Вышли на Мсту в шести километрах от города у ручья Глубокого. Внизу – берег и отмель – завалены желваками колчедана, которые понемногу раз-

⁴ Поршняков С.Н., Поршняков Г.С. Геологические экскурсии в районе г. Боровичи. М.: ГЕОС, 2021.

⁵ НГОМЗ. Боровичский филиал. Фонд Р-46. Оп. 2. Ед. хр. 61.

рушаются от действия солнца, воды и воздуха... Мы видели в берегах Мсты, как серые глины, колчедан, угли и кварцевые пески, составляющие угленосную толщу отложений каменноугольного периода, лежат на цветных глинах (на «зеленухе»), отложенных ранее – в девонское время. Вот почему, идя вверх по Керемерке, против ее течения, мы встречали до Алёшина эти полезные ископаемые. Все пройденные нами по маршруту реки невелики, отличаются быстрым течением и холодной водой. В них водятся форели (по местному названию – «лососки»). Форели не имеют хозяйственного значения»⁶.

Сергей Николаевич умел собирать информацию. Не было случая, чтобы он не записал интересные воспоминания, рассказы об истории деревни, о местном промысле. В его дневниках – россыпь различных сведений, за неимением времени так и не систематизированных. Вот, например, что он записал, посетив деревню Перёдки, где когда-то жгли известь:

«7 мая 1945 года. Первый короткий выход в поле: ввиду задания Горисполкома, прошел в Перёдки (8 км).

От старика Нюкина Платона Васильевича я получил довольно скудные сведения по известняковому делу в Перёдках. “Жгли известь и деды и прадеды”. Направил он меня к Рябову Павлу Николаевичу, работнику Райпромкомбината – потомственному кустарю-горняку Перёдок. Застал я Рябова в подвале его бобылевской избы, в “мастерской” промкомбината – за валкой валенок с двумя женицами. Прошли мы с ним по Быстрице.

Разработки серпуховских известняков велись здесь главным образом штольнями-конурками из глубокой, узкой долины Быстрицы. Над старыми штольнями, по крутым задернованным склонам видны оврагообразные и воронкообразные провалы.

У кустарей своя “стратиграфия” серпуховской толщи, с которой Рябов ознакомил меня на обнажении-разработке против амбулатории и сельмага (против наиболее высокой точки по тракту сверху).

А. Серый плотный кристаллический известняк – “БРЯЧЕНЬ”, около 2,5 м.

Б. Буровато-серый мягкий песчаниковидный доломит с обильной микрофауной плохой сохранности – “СИНЯЯ”, около 0,6 м.

В. Известняк светло-серый землистого излома, разбитый горизонтальными и вертикальными трещинами на мелкую щбенку – “ПОДБОЙНАЯ ПЛЮШКА” (без кремня), около 1,0 м.

Г. “СИНЯЯ” – до уровня воды и ниже (толща “а”?), около 3,0 м.

Д. Ниже залегает пестроцветная (серо-фиолетовая) глина, когда-то разрабатывавшаяся и вывозившаяся в Петербург как добавка к тамошним глинам, на кирпичные заводы. Пестроцветная толща достигает мощности 1,5 м. Она разрабатывалась штольней.

⁶ НГОМЗ. Боровичский филиал. Фонд Р-46. Оп. 2. Ед. хр. 128.

Е. Под ней залегают красная пластичная не песчаная глина – 0,5 м. Мумия.

Ж. Верхний слой окских известняков, без кремней, очень твердый».

Далее – сведения об особенностях добычи, транспортировки, о том, какая известь использовалась местными жителями для собственных нужд и другие интересные зарисовки.

* * *

Десятки писем с фронта от недавних юных краеведов-боровичан приходят в годы войны Сергею Николаевичу. В них корреспонденты музея с благодарностью вспоминают беседы, экскурсии. Так, Григорий Павлович Гроденский⁷ пишет, что с юных лет определялось его призвание, избранное любимое дело жизни, профессия и специальность именно в кружке юных натуралистов при боровичском музее. Анатолий Белов рассказывает в одном из писем, как пригодились ему знания по геологии четвертичного периода, когда пришлось окапываться, находиться в блиндажах, искать питьевую воду, переходить речки. Добрым словом вспоминает он туристические походы и краеведческие экспедиции, в которых участвовал, будучи школьником. Памятью об исследовательских походах и о самостоятельной работе по изучению бассейна Вельгии овеяны письма фельдшера Менькина, корреспондента краеведческого музея. Кружок при музее стал для него практической школой географии, которая так необходима на фронте.

* * *

Интересные идеи Сергея Николаевича можем встретить в архиве музея об озеленении и благоустройстве нашего города:

«Боровичи (кроме южной окраины Заводской стороны) расположены на четырех площадках или террасах бывшего речного дна – вовсе не на горах и не на холмах, как это кажется некоторым. Террасы эти покрыты речными наносами, нижние слои которых состоят из галечника (подобного галечнику покрывающему дно нашей реки в настоящее время), а поверх галечников лежат песчаные речные наносы, от которых Боровичи получили свое название (поселение возникло на песчаном лесопокрытом боровом месте). Это создает относительно хорошие условия естественного дренажа и делает наш город от природы менее загрязненным, чем другие города. Но эти же условия, происхождение грунта, на котором стоит наш город, делают его чрезвычайно богатым родниковыми водами, заболачивающими склоны, подошвы склонов. Создаются местами нездоровые условия от близости грунтовых вод (например, в Пехове). Обилие родниковых вод вызывает образование зимних наледей (например, в нижней части Порожской и Тверской улиц). Кроме дренажа поверхностных и подземных канав и труб в понижении

⁷ НГОМЗ. Боровичский филиал. Фонд Р-46. Оп. 2. Ед. хр. 122.

уровня грунтовых вод могут помочь древесные насаждения, испаряющие листьями почвенную и подпочвенную воду. Особого внимания заслуживают ивы, чрезвычайно легко насаждаемые черенками и выносливые. Посадочный материал может быть найден и в самом городе. Прекрасным деревом для озеленения является обыкновенная береза»⁸.

Естественнонаучные изыскания Поршнякова – кладезь знаний о природе нашего края. Он писал: *«Только познание истории Земли дает нам возможность понимать ее строение и размещение в ее толщах глин, известняков и других полезных ископаемых».*

⁸ НГОМЗ. Боровичский филиал. Фонд Р-46. Оп. 2. Ед. хр. 74.

Музейный проект С.Н. Поршнякова

После Октябрьской революции, в мае 1918-го, коллегией Боровичского уездного отдела народного образования было принято решение об организации музея. Основой его создания послужила часть коллекции музея имени Жуковского и Гоголя, организованного в 1910 году при Боровичском реальном училище. Собрание нового музея пополнялось за счет «извлечения из бывших усадеб, а также от местного населения предметов старины и искусства, статуй, картин, драпировки, музыкальных и научных инструментов, а также архивов и книг». На занимаемом им здании появилась вывеска: «Боровичский музей пролетарской науки, искусства и промышленности имени тов. Реппо» (начальник местной ЧК М.А. Реппо погиб на фронте в 1920 году).

В первые годы музей имел хорошую посещаемость. «Главное внимание привлекали отделы древнего оружия, каменного века, огнеупорных и кислотоупорных изделий, а также естественнонаучный, в особенности зоологический. За месяц прошло около 1000 человек». Постепенно из-за отсутствия «каких-либо указаний на организованную посещаемость музея экскурсиями и на обслуживание школ» посещаемость стала снижаться. Профиль музея пролетарскому мало соответствовал, и в 1926 году его закрыли, а фонды складировали в разных местах. Из-за отсутствия охраны одни предметы старины были похищены, другие пострадали от сырости.

В 1927 году Боровичи стали центром одноименного округа, и встал вопрос о воссоздании музея и преобразовании его в «музей краеведческого профиля, как проводника культурной революции и новой коммунистической идеологии». На должность заведующего Окружным музеем имени Реппо был назначен Сергей Николаевич Поршняков. Будучи еще студентом естественного отделения физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета, он подрабатывал экскурсоводом в Зоологическом музее.

Свое назначение на должность заведующего С.Н. Поршняков начал с докладной записки в Боровичский окружной отдел народного образования. В ней сообщалось: «По инвентарной книге значится всего до 420 наименований предметов, не включая нумизматики, фотографий и двух неинвентаризованных коллекций. Преобладание предметов роскоши барского обихода XVII–XIX столетий (около 180 экспонатов) исключает возможность квалифицировать учреждение Музеем пролетарской культуры. Основная задача музея, как учреждения просветительского, облегчить возможно широкой массе трудящегося населения понимание современности».

Для восстановления музея стали искать здание. Из предложенных горсоветом и обследованных лично Поршняковым подходили только помещения в

Святодуховом монастыре, используемые под квартиры комсостава 47-го полка. «Здание это сухое и светлое и могло бы быть занимаемо музеем». Однако по неизвестным причинам для музея были выделены помещения в бывшем доме управляющего усадьбой Жадины В.А. Сосницкого, на набережной Октябрьской революции, 17, где три комнаты принадлежали здравотделу, а нижний этаж занимала караульная команда, которая «постоянными песнями сильно мешала работе».

Открытие экспозиции возрожденного музея состоялось 1 мая 1929 года, со стержневой темой: «Боровичи – важнейший центр керамической промышленности СССР». Экспозиция занимала лишь одну четвертую часть здания.

Во второй половине 1930-х годов музею уже принадлежали оба этажа, экспозиция показывала посетителю:

«естественные процессы, наблюдаемые в природе местного края, и их развитие на протяжении миллионов лет его геологической истории;

жизнь края во времена шведской и польско-литовской интервенция XVII в.;

реформы Петра I и Александра II;

эволюцию техники и реконструкцию хозяйства (коллективизация, научные основы, перспективы);

культуру и быт, связанные с развитием науки и преодолением религиозных верований;

замечательных людей нашей страны, связанных с Боровичским краем».

В результате развернутой собирательской работы музейный фонд пополнился коллекциями нумизматики, археологии и этнографии, предметами отечественного и иностранного обмундирования. По заказу музея были выполнены скульптуры рабочих, модели производств, керамические игрушки. Формирование коллекций постепенно приобретало научную основу.

Активное участие в пополнении фонда принимало население и корреспонденты музея. От них поступали палеонтологические находки: бивни мамонта, моржа, кораллы. Зоологическая коллекция была пополнена работами С.Н. Поршнякова и юных краеведов: черепа лисицы, зайца, кошки, вороны, сайки, голубя. Одной из ценнейших находок стал клад серебряных арабских монет (60 ед.), обнаруженный в 1935 году на берегу Мсты в окрестностях д. Плесо работницей комбината «Красный Керамик» тов. Конюховой. По заключению Государственного Эрмитажа монеты относятся к династии Аббасидов, отчеканены в Багдаде, Бухаре, Самарканде в VIII–IX веках.

Боровичане с глубоким уважением относились к директору музея; интеллигентный, хорошо образованный, он вызывал доверие. В 1934 году в музей поступили рисунки В.И. Сулоевой. В 1937 году портрет своей прабабушки помещицы А.М. Еремеевой передала в музей Евгения Алексеевна Макшеева-Синявина. От Л.В. Шарковой поступили портреты купеческой четы Шарковых начала XIX века. Вдова известного художника Кардо-Сысоева по заве-

щанию мужа передала в музей его пейзажи. От В.П. Божерянова, бывшего земского начальника, лишенца, поступили картины с видами края, который он любил и рисовал до последних своих дней. Сергей Николаевич планировал создать при музее художественный отдел. Сам он передал музею из усадьбы Ровное-Михайловское принадлежавшей его деду – генералу и статскому советнику М.К. Линденбауму – стол письменный овальный, кушетку.

Из закрываемых храмов передавались в музей иконы, напрестольные кресты, облачения священников и церковные книги. Из поступлений этого времени можно выделить каменный крест с рельефным деисусом, архангелами Михаилом и Гавриилом и четырьмя святыми, относимый к XIII – началу XIV века из боровичского Троицкого собора. В дневниковых записях С.Н. Поршнякова указано: крест находился в северном притворе и по преданию извлечен из реки. По своей форме он мог быть надгробием. В конце 1940 года экспонат был передан Государственному Русскому музею для выставки древнерусского декоративного искусства «во временное пользование, на срок действия выставки». В акте передачи от 28 ноября 1940 года было указано «по истечении срока крест будет музеем доставлен на место» (в настоящее время каменный крест по-прежнему находится в фонде Русского музея, в коллекции новгородских и псковских крестов). Всего в 1920–1930-е годы Поршняковым были внесены в книгу поступлений более 100 произведений живописи, графики и скульптуры.

Сергей Николаевич пешком исходил все окрестности города, всю округу, исследуя, изучая природу края. Он описывал все явления природы в своих отчетах, дневниках, схемах; им собрано большое число фотографий и открыток с видами города.

В сентябре 1941 года по распоряжению уполномоченного по эвакуации города товарища Белявского экспозиция была свернута и все материалы подготовлены к эвакуации; часть фондов была «захоронена» – зарыта в землю. Эвакуировали только важнейшие материалы «первой очереди»: семь ящиков с документами, фотографиями, чертежами, живописью, резным шкафом известного городецкого мастера Г.Е. Токарева-Казарина из села Рютино.

К концу 1942 года, когда угроза оккупации миновала, музейная экспозиция была восстановлена, в вестибюльной части размещен стенд агитационно-исторических картин – «Били, бьем и будем бить интервентов». По воспоминаниям С.Н. Поршнякова, в эти годы «усиленно шло обслуживание военных и гражданских учреждений консультациями, справками, записками о местных сырьевых ресурсах, путях сообщения. Требовались военно-географические данные для справочника штаба фронта... Произведены работы по изучению местного лекарственного сырья и других видов полезных дикорастущих, значительно расширено обслуживание военных и гражданских организаций лекциями».

В ноябре 1945 года материалы Боровичского краеведческого музея реэвакуированы из Кировской области в Новгород. Перевезены в Боровичи только четыре ящика, в Новгородском областном музее остались рулон с живо-

писью (сильно пострадавший от сырости в эвакуации) и два ящика с резным шкафом.

В конце 1940-х экспозиция музея носила природоведческий характер: Боровичский край с его ландшафтом, геологическая история, ресурсы местной природы и их освоение в 4-й Сталинской пятилетке.

В отчетах за 1950-е годы С.Н. Поршняков отмечает нарастающий интерес к изучению местного края у населения, особенно среди молодежи, детей и преподавателей. Научно-исследовательская работа музея связана с созданием отдела советского периода: изучалась работа промышленных и сельскохозяйственных предприятий края, собирались образцы продукции.

Достаточно острой оставалась проблема музейных кадров: «закрепить на постоянную работу в музее научного сотрудника практически невозможно, пока ставка на уровне 266 рублей, что ниже ставки уборщицы в соседних учреждениях на 100 рублей», – с грустью отмечал директор музея.

В 1952 году С.Н. Поршняков, которому уже исполнилось 63 года, подал заявление об увольнении. В архиве по истории музея хранятся три варианта заявлений, написанные собственноручно с разъяснением как более общих причин – по состоянию здоровья, так и более конкретных – переболел цингой. Во всех вариантах неизменно указано – готов служить музейному делу в качестве внештатного корреспондента. Свое обещание он сдержал и служил делу краеведения еще не один десяток лет.

В октябре 1989 года в новом здании музея на набережной Октябрьской революции открылась обновленная экспозиция, небольшая часть которой иллюстрировала деятельность С.Н. Поршнякова. В этом же году решением Облисполкома музею было присвоено имя С.Н. Поршнякова – фактического основателя музея, Почетного гражданина города.

Основоположник палеонтологического краеведения в Боровичском крае

Сергея Николаевича Поршнякова можно уверенно назвать основателем палеонтологического краеведения в Боровичах. Он первым стал знакомить с окаменелостями древних морских животных своих кружковцев – юных любителей природы, исследовал вместе с ними известняковые берега Мсты, Крупы – эти древние отложения каменноугольного моря. Собранная им коллекция – кораллов, моллюсков, иглокожих – составила в 1940-е годы целый раздел краеведческого музея.

Как все начиналось

Откуда у Поршнякова этот интерес к геологии, палеонтологии и природе в целом?

Все дело в уникальном месте, в котором мы живем!

Берега Мсты и ее притоков – музей под открытым небом, своего рода природный геопарк – оказались в центре внимания ученых еще в середине XVIII века, на заре развития науки палеонтологии. Первые геологические исследования Боровичского края вели немецкие ученые на русской службе Самуил Готтлиб Гмелин (1744–1774) и Петр Симон Паллас (1741–1811). В 1839 году впервые исследовал Валдайскую возвышенность и порожистую часть реки Мсты, установил возраст пород и отнес их к нижнему карбону один из основоположников русской геологии Григорий Петрович Гельмерсен (1803–1885).

В 1840-е годы побывал на Мсте и Прикше, собрал здесь коллекцию ископаемых организмов сэр Родерик Импей Мурчисон (1792–1871), знаменитый англичанин, установивший силурийскую, девонскую (совместно с А. Седжвиком) и пермскую системы Международной стратиграфической шкалы. Посвятив несколько лет геологическому и палеонтологическому изучению Российской империи, он не обошел вниманием и наши места! В этом путешествии его сопровождал известный французский палеонтолог Э. Вернейль (1805–1873)¹.

¹ Вот как описывают эти ученые наши места: «...Исследуя берега Мсты и ее притоков (единственной значимой реки, протекающей поперек Валдая), мы находим разрезы верхнего отдела [девонской] системы, которые по ясности если не превосходят, то равны разрезам любой части Европы. Лучшие свидетельства перехода от красной почвы к вышележащему каменноугольному известняку видны в уединенной долине реки Белой, притока Мсты, примерно в двадцати пяти верстах... от Бо-

До Мурчисона, в 1817 году, окрестности Петербурга и порожистую часть Мсты обследовал англичанин Уильям Томас Хорнер Фокс-Странгвейс (1795–1865). Об этом пишет в своей книге «На силурийском плато» известный исследователь мстинского карбона, доктор биологических наук Роман Федорович Геккер (1900–1991).

Вернувшись в более близкое к нам время, можно вспомнить Федора Александровича Витберга, собравшего в 1900 и 1904 годах на Мсте коллекцию окаменелостей неизвестных ранее растений времен раннего карбона. Историк литературы, гостивший в усадьбе Пестрецово и прогуливавшийся по берегам Мсты, и подумать не мог, что найденные им древние семена, названные *Boroviczia karpinskii* (Боровичия), будут притягивать внимание палеоботаников вот уже больше века.

В поисках полезных ископаемых

Мог ли С.Н. Поршняков, оказавшийся волею судеб после Октябрьской революции в Боровичах, не заинтересоваться геологией и палеонтологией края, когда о них вскоре заговорили все вокруг!

«Погружение» в тему геологии для Поршнякова началось еще до прихода в музей. В 1920-е годы он создал в Первой средней школе нашего города кружок юных краеведов и совершал со школьниками экскурсии по интересным природным объектам края, прежде всего, по мстинским берегам.

В 1930-е годы началось активное изучение Боровичского края, шла разведка полезных ископаемых – огнеупорных глин, бокситов, угля – в нее активно включился и директор краеведческого музея Поршняков. Он участвует в работе геологических партий, выполняя самые разные задания. В 1929-м принимает участие в геологической съемке Боровичского района, проходившей под руководством А.В. Фааса (Геолком). В 1932–1934 годах им написаны статьи о диатомитах Бологовского района, месторождениях серного колчедана в бассейне р. Мсты, минеральных ресурсах края. Можно сказать, что все это приближало, подготавливало его к палеонтологии.

Палеонтология выходит на первый план

«Предвоенное десятилетие было отмечено необычайным интересом к палеонтологическим знаниям. Палеонтология вошла в планы подготовки не только геологов, но и географов и биологов Ленинградского университета. Обоснованно считая, что подготовка специалистов не может проходить без

ровичей. Непосредственно к северу от живописной деревни Шереховичи речушка Прикша впадает в Белую, и, следуя по первой до ее истока, вы поднимаетесь по сильно заросшему лесом и обводненному узкому ущелью, по бокам которого расположены естественные разрезы, в значительной степени вертикальные, около 200 футов высотой» (*Murchison R.I., Verneuil E. de., Keyserling A. The Geology of Russia in Europe and the Ural mountains. Vol. 1. Geology. London: John Murray, 1845. P. 45*).

полевых исследований, М.Э. Янишевским была организована летняя учебная практика студентов, которая с 1935 года стала проходить и проходит до сих пор на р. Волхов и на р. Мсте в окрестностях города Боровичи»². За год до этого решения С.Н. Поршняков обращается к Янишевскому с пространственным письмом-просьбой, которое говорит о том, что он к тому времени был уже хорошо знаком с Михаилом Эрастовичем.

*Проф. М.Э. Янишевскому,
г. Ленинград, 16 л. В.О., д. № 29,
палеонт. лаборатория ЛГУ.*

Многоуважаемый Михаил Эрастович.

Уточняю просьбу, с которой я обращался к Вам в январе от имени Боровичского Краеведческого Музея. Не откажите написать до 1-го апреля с.г. для выпускаемого Музеем сборника статью о разрезе окской и серпуховской свиты карбона по Мсте и ее бассейну.

Статью, В ОСНОВНОЙ ЕЕ ЧАСТИ, желательно дать в возможно более ПОПУЛЯРНОМ ИЗЛОЖЕНИИ, чтобы сделать ее доступной пониманию хотя бы массы сельского учительства. Материал, требующий большей подготовки со стороны читателя, можно отделить звездочками для набора более мелким шрифтом.

В статье желательно стратиграфическое и литологическое описание Мстинского разреза, с характеристикой смены фациальных условий, с кратким описанием главнейших представителей фауны и флоры, 2) выделение полезных ископаемых, качественная и количественная характеристика их (насколько Вы располагаете для этого данными), 3) беглое геоморфологическое описание долины Мсты и ее порогов (хотя бы в виде попутных замечаний).

Далее весьма важно было бы связать известняки Мстинского разреза с известняками Рождества, Валдайки, Угловки, Передок и других участков с выходами S_1 в бассейне Мсты (4), а также – параллелизацию описываемых свит карбона в Боровичском р-не – с соответствующими свитами южного крыла Подмосковского бассейна (5).

В заключении желательно было бы указать на практическое значение приводимых стратиграфических выводов и выяснения общего: геологического строения района.

Сообщите, пожалуйста, можем ли мы рассчитывать на получение Вашей рукописи, переписанной на машинке на 1 стороне листа к 1 Апреля.

² *Савицкий Ю.В. Век нынешний и век минувший (из истории кафедры палеонтологии Санкт-Петербургского университета) // Палеонтология в системе высшего образования. Материалы Всероссийского совещания (Санкт-Петербург, 17–19 декабря 2009 г.). СПб., 2009. С. 7–11.*

Объем статьи – до 1 печатного листа (3/4 – 1 л.). Половина гонорарной суммы (из расчета 250 рублей за печатный лист) может быть выплачена по получении рукописи, а вторая половина – до 5-IX-34 г.

С приветом и пожеланием всего доброго –

Зав. Боровичским краеведческим музеем:

(С. Поршняков)

26-II-34 г.

*г. Боровичи, Лен. обл.,
набер. Окт. революции, 17.*

С легкой руки Янишевского – основателя и руководителя палеонтологической кафедры университета – многие поколения студентов получали на Мсте навыки работы в «поле», становились со временем высококлассными специалистами; среди них – всемирно известный палеонтолог Борис Сергеевич Соколов, академик, открывший первым в нашей стране остатки вендских животных. Янишевский и сам активно занимался изучением нижнего карбона на Мсте. В 1949 году им выполнена геологическая съемка (41-й лист) района Боровичских порогов. Директор музея принимал в организации практик деятельное участие, а студенты непременно посещали музейную экспозицию. Поршнякова в эти годы интересовал карст. В «Известиях государственного Географического общества» выходит его материал «О карстовых явлениях Валдайской возвышенности» (1939), этой теме будут посвящены еще несколько его работ. Многие годы он состоял членом Географического общества, принимал в его работе деятельное участие.

Увлеченно и продуктивно работал в то время на Мсте и основатель палеоэкологии Роман Федорович Геккер, с ним у Поршнякова сложились длительные дружеские отношения. Геккер, несомненно, оказал на Сергея Николаевича большое влияние, всячески поддерживал его и держал в курсе новостей палеонтологии. Помогал и практически – в определении окаменелостей, в понимании особенности геологических процессов на Мсте.

В трудные военные годы, когда часть музейной коллекции была эвакуирована, Сергей Николаевич уделяет большое внимание природным объектам края, в том числе – изучает вместе с детьми мстинский разрез. Вот запись из его дневника от 30 июля 1944 года:

«Обнажения у Порожской улицы и по другому берегу Мсты – против улицы Революции, показывают внизу пласты серых огнеупорных глин, ископаемого угля и доломита, отлагавшиеся сотни миллионов лет до нас – в начале каменноугольного периода в приморской низине, каковой был тогда нынешний Боровичский район.

Теплое карбоновое море то распространялось на территорию нашего края со своими кораллами и толстостенными раковинами, то отступало при медленном поднятии земной коры. Море оставляло ракушечники, известковые илы и пески, впоследствии сцементировавшиеся и давшие пласты

известняка. Приморские болота, озера, лагуны отлагали глинистый ил и растительные остатки, которые используются теперь как огнеупорные глины и местное топливо – боровичский уголь.

Огромный интерес у ребят вызвали находки окаменелых морских животных, которые мы во множестве нашли в Тинском овраге и около 5-го цеха. Ребята собрали множество образцов для музея. Встретились нам одиночные и колониальные – кустами разросшиеся кораллы, членики крупных морских лилий, мшанки, раковины плеченогих (одни размером с кулак, другие с горошину), брюхоногих, пластинчатожаберных и головоногих моллюсков.

В погоне за новыми обнажениями, расположенными на разных высотах, мы ездили по железной дороге в Угловку, ходили по береговым кручам Мсты и ее притоков. Не раз юным краеведам приходилось спать в лесу, на сене. Вечером ребята наловят рыбы, сварят сами уху и кушают с большим удовольствием. Однажды попробовали даже необычную пищу – вареных моллюсков – беззубок. Оказалось, неплохо...»

Работа «в поле» позволила организовать большую выставку. О ее богатстве и оригинальности говорит отзыв Р.Ф. Геккера, написанный Поршнякову в апреле 1943 года из далекого Фрунзе:

«Ваша новая экспозиция очень жива и динамична. Подобного я нигде не видел. По-видимому, она единственная в своем роде в наших музеях. Несколько к ней приближается выставка по четвертичному периоду, организованная в свое время Комиссией четвертичного периода АН СССР в залах б. Геологического музея на Тучковой набережной. Но здесь, все же, центр тяжести был в красивых увеличенных фотографиях и очень ценных, часто уникальных экспонатах. Такой продуманности и разработки экспонируемого материала не было, не применены также те разнообразные методы экспозиции, к которым Вы прибегаете и за которые особенно хвалю.

Не зря, а совершенно по заслугам, благодаря Вашей столь передовой работе ваш музей стал областным. Поздравляю!»

«Ваше письмо меня очень порадовало...»

Переписка двух увлеченных людей длилась больше тридцати лет. В письмах нашли отражение, как вопросы палеонтологии, так и дела житейские.

Р.Ф. Геккер – С.Н. Поршнякову

15.03.1943 г., Фрунзе

Дорогой Сергей Николаевич! Только что Вы меня порадовали письмом от 26.02. Письмо от 22.01 я ношу с собой уже давно, на него еще не отвечал.

Должен Вам сообщить, что, несмотря на весьма немалые концы Боровичи – Фрунзе, почта по ним работает образцово и доставляет мне больше интересных сведений, чем откуда бы то ни было. ...Хотя я очень «доволен»

здесь местами, их красотами и своеобразием – для нас, ленинградцев... все же очень большое удовольствие возвращаться в мыслях к «старым знакомым», не столь эффектным, но зато богатым содержанием и очень поучительным местам. Несмотря на то, что я здесь, в Средней Азии, видел уже немало, я не нашел еще ничего, что могло бы сравниться с палеозоем Ленинградской области по содержательности и специфичности, по палеоэкологическому интересу². ...Одним из этих наиболее интересных мест является Мста с ее разрезом нижнего карбона. Вы рассказывали, что угрожало Мсте³. Я очень рад, что волею судеб она по-прежнему течет по своему руслу и разговаривает на перекатах.

...Весь мой богатый материал по карбону Мсты дальше выставки в музее и трех статей так и не пошел, обработка полевых сборов и наблюдений и главное – изложение на бумаге у меня всегда отнимает больше времени, чем полевые работы. Сейчас вперемишку с киргизской тематикой продолжу работу над рукописью «Экология населения морей Главного девонского поля». По замыслу, это крупнейшая монография по палеоэкологии целого бассейна, первая не только в советской, но и мировой науке. С этой работой у меня предстоит еще много возни, и закончить ее мне удастся только в Москве. По ее окончании возьмусь за сводку по Ленинградскому карбону. Осуществить ее будет уже легче, так как писаться она будет по образцу девонской работы.

Р.Ф. Геккер – С.Н. Поринякову

27. 01.1951 г.

Дорогой Сергей Николаевич! Посылаю Вам привет с палеонтологического совещания, которое проходит уже третий день в помещении на Волхонке. Съехалось невиданное количество народу, присутствует человек шестьсот.

Много выступлений, в общем, на хорошей высоте и спокойно содержания. «Эксцессов» не было. Давиташвили⁴ ведет себя смирно, но в своем докладе упомянул о своей ответственности только за недостаточное развертывание теоретических вопросов в своей демагогической статье в «Изв. АН». Всю же клевету на Борисяка⁵, ПИН и тем самым на советскую палеонтологию обошел молчанием. В ответ на мою записку ответил, что с Бо-

² С 1927 по 1944 год Боровичи и район входили в Ленинградскую область. (Авт.)

³ На Мсте планировали построить каскад гидроэлектростанций, реку пустить по новому руслу. (Авт.)

⁴ Лео Шивич Давиташвили (1895–1977) – советский палеонтолог, эволюционист и историк палеонтологии, доктор геолого-минералогических наук, профессор, академик АН Грузинской ССР, директор Института палеобиологии АН Грузинской ССР, лауреат Сталинской премии.

⁵ Алексей Алексеевич Борисяк (1872–1944) – российский и советский геолог и палеонтолог, академик АН СССР. Основатель и первый директор Палеонтологического института АН СССР.

рисяком по-прежнему не согласен, а на другие вопросы ответил шуточками... В своем докладе сблизил меня (правда, не назвав фамилии) с американскими метафизиками и морганистскими экологами. В общем, остался себе верен. От некоторых выступавших Д. получил – в корректных словах – жесткую оценку. Дабы не разгорелись страсти, приходится смягчать слова.

Завтра будут заключительные выступления Орлова⁶ и Давиташвили, принятие обширной резолюции.

Народ горит желанием широко, глубоко и координировано работать.

...Мы, «морские палеонтологи» выступили небольшой компактной группой с очень конкретными сообщениями.

Р.Ф. Геккер – С.Н. Поршнякову

28.06.1951 г.

Дорогой Сергей Николаевич!

Сейчас в самом разгаре разъезды художников, командированных для писания картин для помещений кафедры в новом здании МГУ. Я руковожу этим делом по Геологическому факультету. Имеем право заказать 75 картин. Для кафедры палеонтологии заказываю картины по дорогим моему сердцу местам. В том числе, одна картина – Мсты. Выбрал участок выше Ровного – Гверстку.

Художник Иванов появится как-нибудь у вас. Пожалуйста, поспособите ему в его деле. Несомненно, он напишет еще несколько этюдов, потому покажите ему Мсту от Витц до Гверстки».

С.Н. Поршняков долгое время был в музее единственным сотрудником, на его плечах лежала организационно-хозяйственная работа, экскурсии, вся связь с «внешним миром»; зарплата же у музейного директора была мизерная. Видя это, Геккер, несмотря на свою занятость, решил хлопотать за друга.

Р.Ф. Геккер – С.Н. Поршнякову

9.07.1951 г.

Дорогой Сергей Николаевич!

Простите, что Вам давно не писал. Хотел обязательно побывать у Ваших московских «властей» и затем уже писать.

Был вчера в Музейном управлении. Там кстати оказалась знакомая из «Госкультпросветиздата», где она раньше служила (там выпущен альбом «Развитие жизни на Земле»). Она знает Вас и Ваш музей (по отчетам), он входит в ее территорию, и возможно когда-то появится в 1952 году в

⁶ Юрий Александрович Орлов (1893–1966) – российский и советский зоолог, палеонтолог, академик АН СССР.

Боровичах (зовут Надежда Ивановна Журавлева). С ней ходил разговаривать к заму Игнатьевой (она в отпуске).

Ситуация следующая. Об общем повышении зарплат Музейный комитет раз уже хлопотал перед вышестоящими органами. Ничего не получается, говорят – не время. Переброска единицы научного сотрудника из Новгородского музея в Боровичский будет, видимо, опротестована Музейным управлением (как в очень своеобразной чиновничьей витиеватой фразе выразился этот зам. Л.З. Крейн). Причина: Новгородский музей по причине большого значения Новгорода, как «города-музея», собираются превращать в государственный. (Крейн спрашивал меня – не согласны ли Вы переехать в Новгород, в будущий госмузей, заведующим отделом природы.)

Единственное, что может быть еще предпринято, это обращение в Новгородский облисполком с просьбой: 1) предоставить Вам творческий отпуск (срок не указывается) для работы над вашими материалами и рукописями, 2) дать единицу на музей для административно-хозяйственной работы, чтобы освободить вас от этой нагрузки.

Далее в письме идет ответ Геккера на заданный Поршняковым вопрос.

...По поводу выписки относительно ямы в известняках Ровного.

Вряд ли можно думать о «риффе» и рифоподобном нечто (и у Малого Порога не риф, а просто «шапки» кораллов, слово «риф» М.Э.Я. употребил не к месту). В известняке «b», во всяком случае, скопления крупных скелетов организмов быть никак не могут («b» – сложен тиховодными осадками с мелкими и легкими животными; «d» – представляет в своем основании другие фации, но и здесь заподозрить крупные скопления раковин трудно). Т.о. полость эта может быть лишь карстовой, или же это просто вырез углом в пороге, где, на узком месте концентрированная струя могла образовать водоворот.

Р.Ф. Геккер – С.Н. Поршнякову

4.09.1951 г.

Дорогой Сергей Николаевич!

В Москве нашел различные ваши «послания».

Как досадно, что Вам пришлось вернуться в город, на работу: Вам же нужно длительное спокойствие. И как не повезло Муре Федоровне с ушибами! Вы пишете о многих предстоящих трудностях. Я много зарабатываю, имею на книжке значительные остатки, которыми помогаю друзьям. Я был бы рад, если б мог оказать Вам хотя бы финансовую поддержку. Напишите, какая сумма нужна, до нескольких тысяч, я вышлю ее Вам без возврата. Вы находитесь незаслуженно в очень необеспеченном материальном положении, я же, наоборот, получаю с избытком..., финансовая помощь Вам доставит мне большую радость и удовлетворение.

Большое спасибо Муре Федоровне за помощь Иванову. Думаю, что он свое дело сделает хорошо, этюды мне понравились, картин же своих он мне не показывал. То, что он увлекся писанием этюдов – залог успеха!

Сергей Николаевич ушел на пенсию в 1952 году в возрасте 63 лет. Этому предшествовали раздумья, переживания, которыми он, видимо, делился с Геккером... Пенсия не помешала их переписке, она продолжалась, как и работа Поршнякова, если раньше – за мизерную зарплату, то теперь – бесплатно.

Р.Ф. Геккер – С.Н. Поршнякову

1954 г.

Посылаю только что поступившую в продажу Инструкцию («наставление») по палеоэкологии. В нее войдет и Мстинский разрез. Буду очень благодарен, если найдете время ее неспешно прочитать... и правдиво перечислить – какие места не доходят или плохо доходят до читателя.

Кремневые жгуты в разрезе S_1 у Понеретки (обязательно с ложным ходом внутри) образованы таким образом. Слой известняка был пронизан животными (природа их не выяснена), а затем по этим «слабым» местам отчасти оставшимися в форме пустот, пошло окремнение, нарастающее из центра к периферии. Таких образований я больше нигде не встречал. Как они, так и другие ходы в том же S_1 Мсты и различное другое я поместил на таблицах к курсу Палеоэкологии, которые мне рисовали в МГУ в прошлом году.

Р.Ф. Геккер – С.Н. Поршнякову

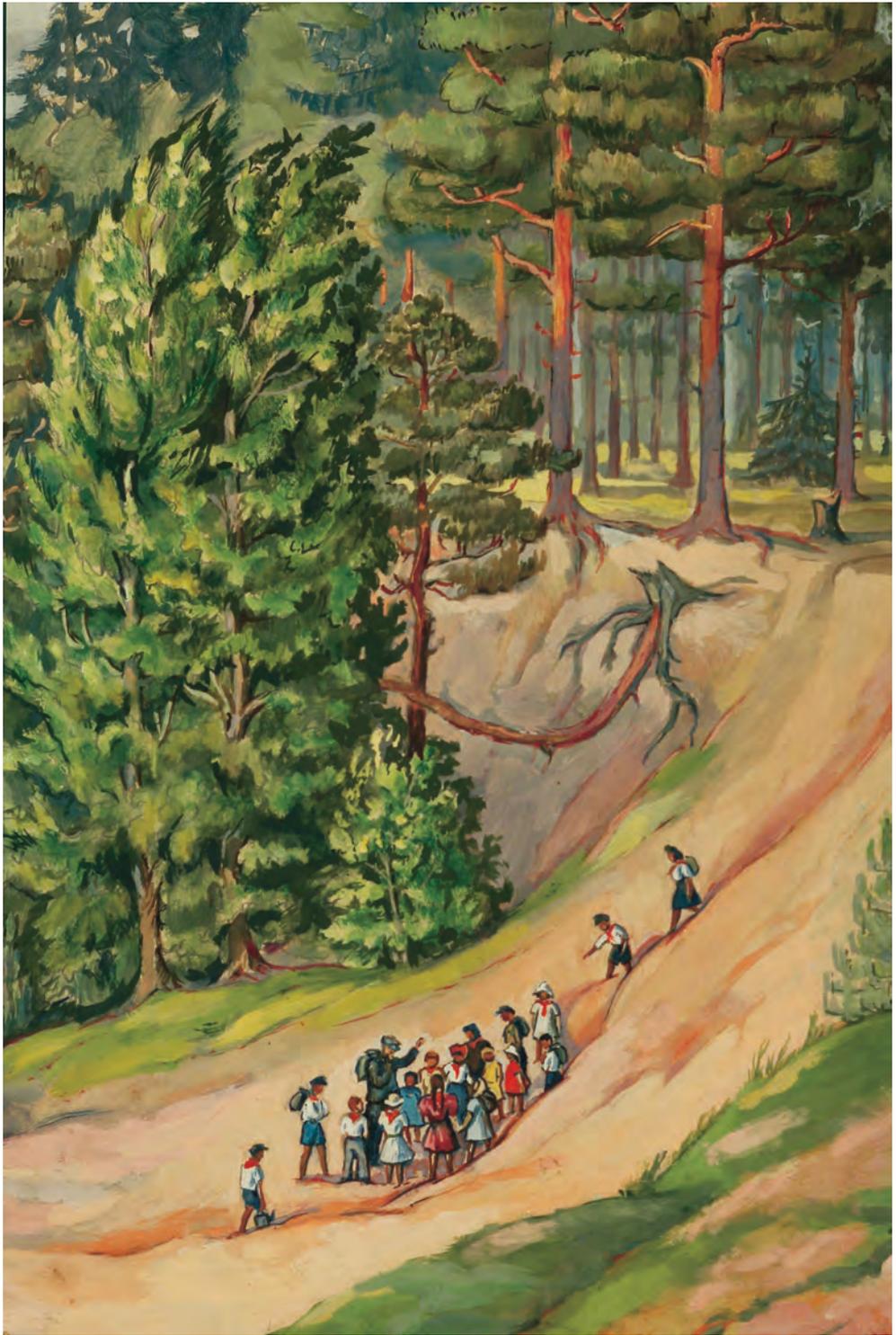
11.06.1957 г.

...Поздравляю с окончанием Юрой аспирантуры. Толковый, хороший человек и ученый получился.

Смеялся над вашей Златой. Все причитала, что беспокоит меня своим появлением в неурочный час. На самом деле: ничуть не беспокоила, милости прошу и в следующий приезд. Чересчур ее хорошо – как раньше полагалось – воспитали. Сейчас кое-что из этих прежних навыков надо отбрасывать. Но и большую пользу это воспитание принесло: лауреатское звание, с чем Вас поздравляю! Всего Вам наилучшего. Большой привет Муре Федоровне и отпрыскам.

И в другом письме:

Об использовании в работе руководящих палеоэкологических и биостратомических (закономерности захоронения) признаков пишу сейчас во всех методических статьях и инструкциях, прилагая рисунки толщи «а» Мсты.

С.Н. Поршняков среди юных краеведов (рисунок Е.В. Гренфельдт)

Портрет С.Н. Поршнякова работы неизвестного художника

Пусть ваш Юра, если ему по штату положено касаться на занятиях и таких вопросов – пропагандирует этот метод (годный и для сравнительно небольших площадей) на «родном» ему материале.

Второй новый метод: метод закономерной смены комплексов форм.

... Что ваш Юра «страдает», это хорошо (хороший актер, одинаково и балерина должны переживать, сомневаться в себе, иначе у них ничего не получится); терпеть не могу людей с апломбом (что легко может случиться со способными людьми, которым наука или преподавание легко даются), от них и им от себя – многосторонний вред.

А.И. Осипова⁷ – С.Н. Поршнякову

20.08.1971 г.

...Хочу ответить на некоторые из ваших вопросов.

1) Известняк a_2 местами бывает размыт очень сильно или даже нацело. Например, в скв. 1395 (Быково) на глубинах 121,6–125,7 м вскрыты:

известняк a_1 мощностью 0,80 м

над ним глина – 2,60 м

выше известняк a_2 – всего 0,40 м

выше – около 6 м алевритов и известняка a_4 .

В скважине 1427 (Меглецы) вообще нет известняков a_1 и a_2 , на этом уровне находятся пески и алевриты (глубины 117,5–123,10 м).

Так что возможен размыв a_2 и вблизи Опеченского.

2) Известняк a_3 у нас сомнений не вызывает; мы имеем материал, собранный Н.Г. Беляевой на Каменке. Однако я не считаю, что известняк a_3 отвечает особому продвижению моря, таковому как было во время отложения a_4 , a_5 и a_6 . Я думаю, что образовывался, как и известняк a_2 , в алексинское время и может быть синхроничен самому верху известняка a_2 – там, где известняк a_2 наиболее полно представлен, например в скв. 1090 (Ровное), где мощность a_2 достигает 3,6 м. На Каменке между a_2 и a_3 клиниваются пески и глины, но если сравнить мощности, то получается, что a_3 Каменки как раз соответствует верхам a_2 в скв. 1090.

3) Что касается отложений, залегающих выше a_2 в Витцах, то мы думаем, что пески образовались после отложения a_4 в долине, которая не только прорезала известняк a_4 , но местами врезалась и в известняк a_2 . Мы с Татьяной Николаевной⁸ допрашивали Романа Федоровича, пересматривали свои дневники, а также материалы других геологов, и пришли к заключению, что

⁷ Александра Ивановна Осипова (1914–2007) – литолог и палеонтолог, доктор геолого-минералогических наук, научный сотрудник Палеонтологического института АН СССР, жена и многолетний сотрудник Р.Ф. Геккера. (Авт.)

⁸ Татьяна Николаевна Бельская (1923–1995) – литолог и палеонтолог, кандидат геолого-минералогических наук, сотрудница Палеонтологического института АН СССР. (Авт.)

в Витцах a_4 никто не видал, а в Путлино a_4 есть. Когда именно произошел размыв и отложение песков – сказать трудно, так как следы размыва с образованием долин есть после a_4 (см. Брунс, 1940, статья «Косая слоистость в песках нижнего карбона Боровичского района», стр. 105 и 106, фиг.1; Геккер, 1938, стр. 18–19); после a_5 (Геккер, стр. 20 под Путлино) и после a_6 (Геккер, стр. 20 под Ёглой).

Письмо продолжает Р.Ф. Геккер:

Дорогой Сергей Николаевич!

Рады были Вашему письму, Ваши вопросы, касающиеся геологии, нас не смущали: Татьяна Николаевна и Александра Ивановна на них ответили, обсудив их вместе.

Для нашей большой работы они Мсте уделили много внимания, используя как данные буровых работ, которых в «наше» время еще совершенно не было. Я изучал только обнажения, по которым в моих записных книжках имеется много зарисовок (детальных) за ряд лет, в частности, зарисовок промытых русел под Ёглой и против нее. Наверно будет полезно эти рисунки скопировать и Вам прислать – для использования Вами и геологами, с которыми Вы находитесь в контакте.

...Юре передайте... привет. А не думает ли он составить какой-нибудь геологический очерк – типа Путеводителя что ли по Мсте для практикантов и для «науки»? Давно бы следовало это сделать! Данных для него – а ведь Мстинский разрез исключительный по сравнению с другими разрезами S_1 северо-западного крыла – более чем достаточно!

Коллективно не трудно было бы одолеть такой труд. И мои рисунки и фотографии (я когда-то посылал вам для музея увеличенные отпечатки, и вы их выставляли) – могли бы пригодиться. Конечно, напечатать такую книжечку должен Ленинградский университет.

В этих соображениях свяжитесь, пожалуйста, с Юрой.

А.И. Осипова – С.Н. Поршнякову

17.02.1972 г.

Глубокоуважаемый Сергей Николаевич!

Сегодня я вышла на работу после болезни и решила погасить свои долги по отношению к Вам, тем более что их накопилось очень много. Роман Федорович ответил на часть вопросов, теперь очередь моя.

1. На ваши вопросы, связанные с морфологией р. Мсты, ее притоков, роли рельефа известняков, я на основании собственных данных Вам ничего сказать не могу, так как я не имела возможности проводить наблюдения такого рода. Мне не представляется «блажным» (как вы пишете) роль известняков в образовании речных излучин, но как показывают работы многих исследователей, здесь действует комплекс факторов.

...Вы дважды ссылаетесь на Гарецкого, когда пишете о Пра-Мсте. В какой работе это опубликовано? Я знаю одну его книгу «Аллювий великих антропогенных прарек Русской равнины» (1964), где пишется о реках Камского бассейна; есть еще и вторая, но у меня ее нет.

2. Осадки, разделяющие известняки a_2 и a_3 , очень интересны, но для того, чтобы разобрать в деталях их соотношения, важно максимально подробно сопоставить данные по скважинам. Вы пишете, что их много. Но сейчас мы лишены возможности этим заниматься. Роман Федорович еще в первых своих работах так убедительно показал необходимость изучения положения стигмарий, характер ходов и другие особенности, позволяющие установить принадлежность того или иного слоя известняков к a_4 , a_5 , a_6 . Вот их-то и надо использовать при обработке скважин и никак нельзя ограничиваться тем, что писать «алексинский», «михайловский». Если Кирсанов не затрудняет себя (или не имеет возможности) устанавливать с каким «а» он имеет дело, то интереснейшая история осадконакопления в вашем регионе еще долго не будет раскрыта.

3. По нашим наблюдениям в 1950 году получалось, что по дну Варушенки выходил известняк a_5 . У Татьяны Николаевны в дневнике 1965 года есть схематичная зарисовка каменоломни, где показана неровная поверхность известняка a_6 , но никаких соображений об условиях образования она не высказала.

4. На ваш вопрос о причинах ритмичного переслаивания доломитов и известняков с кремнями в стешевском горизонте я затрудняюсь ответить. В каменоломне, находящейся примерно против устья Понеретки... ритмичного переслаивания мы не наблюдали... доломиты не образуют строго выдержанных слоев.

5. Не знаете ли Вы, где можно еще хорошо на Мсте или ее притоках видеть толщу «b» (кроме как под Ровным)?

Надеемся, что когда-нибудь побываем на Мсте с Машей⁹, но конечно, не в 1972 году: нынче она должна поступать в вуз.

6. Причина обилия кварца в овраге безводного русла Понеретки нам неизвестна.

А.И. Осипова – С.Н. Поршнякову

1972 г.

...Маша чуть было не сорвалась: заболела ангиной перед последним экзаменом. Но все же справилась и с ним. Очень измучена и даже не может радоваться.

⁹ Мария Романовна Геккер (1954 г.р.) – дочь А.И. Осиповой и Р.Ф. Геккера. Окончила кафедру палеонтологии МГУ и затем работала в Палеонтологическом институте. (Авт.)

Роман Федорович собирается в Казахстан, а я в Подмоскowie. Будем описывать разрезы, которые в 1975 году должны демонстрировать участникам Международного конгресса по карбону. Жара мучительна для всех. Берегите себя. Я мечтаю, что вы проведете для Маши экскурсию по Боровичскому музею и расскажете ей о Никите-соколе и многом другом.

Письмо продолжает Р.Ф. Геккер:

Да, вытянула наша Марья! Это было большим потрясением, настоящей борьбой. При этом временами борьбой школьников, детей, уставших от выпускных экзаменов, с нечестным к ним отношением сверху! Так, например, русский язык сдавали отдельно обычные школьники, городские – из крупных центров, и дети нацменьшинств. Первые писали сочинение на одну из четырех предложенных тем, а вторым был прочитан рассказ, и они его излагали. Более того, сверху были «спущены» три пятерки для распределения между вторыми, среди первых пятерки никто не получил!

А.И. Осипова – С.Н. Поршнякову

4.06.1973 г.

Мы с Машей вернулись из Таллина 27-го и вскоре имели удовольствие видеть Георгия Сергеевича, который передал нам материалы по Мсте. Большое спасибо за них; надеюсь, что через некоторое время мы с Татьяной Николаевной их внимательно рассмотрим и дадим свою трактовку возраста отдельных горизонтов известняка. Как я уже писала, она несколько расходится с общепринятой. Роман Федорович сейчас много работает, пока мы никуда не собираемся, так как накопилось очень много дел. Пока очень не устанем – в отпуск не пойдём. Маша в августе должна поехать на Белое море с группой студентов на практику по биологии моря. Завидно! Всего Вам доброго.

* * *

В переписке С.Н. Поршнякова с четой Р.Ф. Геккер – А.И. Осипова всегда присутствует Мста. Особенно детально и подробно идет обсуждение разрезов и находок в период подготовки Путеводителя по Мсте, большого труда по геологии, задуманного отцом и сыном Поршняковыми, как видим из писем, не без участия Романа Федоровича Геккера.

«И в сыне своем ты себя узнаешь...»

С детства участвуя в полевых практиках студентов, экскурсиях, организованных отцом, у Георгия Поршнякова практически не было другого пути, как стать геологом. 1935 году он поступает в Ленинградский университет, на геологический факультет. В 1960-е годы уже сам привозит на практику на Мсту студентов университета. Георгий Сергеевич был верен выбранному пути, стал доктором геолого-минералогических наук, профессором, заведующим кафедрой исторической геологии.

Была у него еще одна миссия, которую он выполнил вместе с отцом, по большому отцовскому желанию. Их «Геологические экскурсии в районе г. Боровичи» были готовы в 1982 году и стали первой книгой, написанной о Мсте в жанре путеводителя. Поршняковы отдали свой долг родным мстинским берегам, в которых запечатлелась история Земли! Служение науке было для обоих превыше всего, во всяком случае – своих личных интересов.

С «Геологических экскурсий» начинали свои исследования на Мсте многие ученые, но по неизвестным причинам они не были изданы. Книга хранилась в Боровичском краеведческом музее в машинописном варианте и увидела свет только в 2021 году, благодаря научным сотрудникам Геологического института РАН (Москва) Юлии Владимировне Мосейчик и Игорю Анатольевичу Игнатьеву. Доступ к информации о мстинском разрезе самому широкому кругу людей был, наконец, открыт! Издание книги восстановило и справедливость в отношении замечательных исследователей края.

Палеонтологическое краеведение в Боровичах живет!

...В краеведческом музее после ухода из него С.Н. Поршнякова природо-ведческие традиции постепенно утрачиваются, чему немало способствовали снос старого здания музея и строительство на его месте нового.

Новый всплеск интереса к природе края, каменноугольным отложениям реки Мсты связан с созданием турфирмой «Горная Мста» – при участии ученых кафедры палеонтологии Санкт-Петербургского университета и Геологического института РАН (Москва) – частного Музея палеонтологии. Открытый в 2017 году на берегу Мсты у красивого порога Бели, музей стал местом притяжения для всех интересующихся геологическим прошлым края. Познакомиться с его богатой коллекцией ископаемых животных и растений, собранных на берегах Мсты, считает своим долгом каждый приехавший в Боровичи геолог, палеонтолог, биолог, студент или просто любитель.

Музей стал участником LXV сессии Палеонтологического общества при Российской Академии наук (музейная секция; ВСЕГЕИ, Санкт-Петербург, 2019 г.); экспедиций московского Палеонтологического музея им. Ю.А. Орлова в Боровичском и Окуловском районах (2018 г.). В сентябре 2019 года его посещение было включено в программу полевой экскурсии по разрезам Мсты V Всероссийского палеоботанического коллоквиума.

Палеонтологическое краеведение, начинателем которого был в Боровичах Сергей Николаевич Поршняков, продолжает жить и развиваться!

Использованные материалы

1. НГОМЗ. Боровичский филиал. Фонд № 46. Оп. 1. Ед. хр. 222. Письма С.Н. Поршнякова группе ученых. 1934 год.
2. НГОМЗ. Боровичский филиал. Фонд № 46. Оп. 1. Ед. хр. 223.
3. НГОМЗ. Боровичский филиал. Фонд № 46. Оп. 1. Ед. хр. 224. Письма Р.Ф. Геккера С.Н. Поршнякову.

Поршняков и братья Гарновские

Quid est veritas?¹

Эпистолярное наследие Сергея Николаевича Поршнякова – это около тысячи писем от самых разных людей, от крупных ученых и писателей до простых школьников. Его адресатом мог быть любой человек, причастный к изучению родного края.

Краеведение Поршняков называл научной самодеятельностью, считая его подспорьем для ученых, а также прямым путем для юных краеведов в большую науку...

Особой радостью в жизни Поршнякова была многолетняя дружба с братьями Гарновскими, Кронидом² и Виталием³, ученым и литератором.

Полная их переписка до нас не дошла, но в фондах музея хранятся около ста писем Сергея Николаевича В.В. Гарновскому и несколько десятков – Кронида Всеволодовича Поршнякову. Эти документы – редкий культурный памятник мыслей и чувств, богатства языка, широты знаний, преданности дружбе и любимому делу. Когда-то поэт Владислав Ходасевич утешал друзей перед эмиграцией: «Будем аукаться именем Пушкина». Письма этих людей напоминают такое «аукание» в родной стране, отуманенной идеологией. Они полны любимыми именами русской и мировой классики, научными исследованиями и открытиями, мыслями великих людей. Внутри этого удивительного триумvirата были и диаметрально противоположные суждения, но они не мешали прекрасной «роскоши» их человеческого общения.

Познакомились они еще до войны по инициативе Поршнякова, искавшего по всему свету единомышленников; тех, кто, по его выражению, обладал «пушкинской жадной любовью к окружающему миру, к познанию и освоению его», тех, кто, как и он, главным в жизни считал научное познание. Идеи позитивизма, примыкавшие к идеям марксизма, которые исповедовал Поршняков, охватили тогда весь интеллектуальный мир. Ими он, вероятно, «заразился» еще учась на естественном отделении Санкт-Петербургского университета. Но у Сергея Николаевича было еще и чисто русское стремление про-

¹ Что есть истина? (лат.).

² Кронид Всеволодович Гарновский (1905–1988) – ботаник, зоолог, научный сотрудник Кондо-Сосвинского заповедника, поэт и писатель, серьезно изучал топонимику Боровичского края.

³ Виталий Всеволодович Гарновский (1902–1986) – краевед, писатель, автор исторической повести о легендарном местном мастере-изобретателе пирогранита Матвее Веселове и многих рассказов о природе. Работал редактором газеты.

свещать народ, укрощать, по выражению того же Пушкина, «нравы наукой», вести, как ни смешно это для кого-то прозвучит, – к «светлому будущему». И эта вера его, не в пример многим «апологетам коммунизма», была глубока, ее хватило на всю жизнь! Эта вера, очевидно, сблизила его и с интеллектуалами Гарновскими. Рабами и фанатами одной идеи они, конечно, не были ввиду пытливого ума, обширных знаний и жажды истины. Оттого-то жаркие споры, сомнения, не заканчивались у них никогда. Эта сторона жизни Сергея Николаевича ярко отразилась в публикуемой переписке, особенно в письмах к нему К.В. Гарновского, который прожил большую трудную жизнь, оставив литературное наследие, еще ждущее своего читателя. Поршняков ценил и любил его, называл Кроней, что не исключало несогласий с ним, желания обратить в свою веру.

Публикуя некоторые из писем, относящиеся к разным периодам времени (1937, 1943, 1945, 1968, 1969, 1970 годы), мы надеемся, что читатель оценит удивительные качества этих людей, искренность и деликатность в дружбе, способность, отстаивая свои убеждения, уважать мнение другого, делать вместе общее дело.

С.Н. Поршняков – В.В. Гарновскому

1945 г.

...Из произведений мировой литературы читал как следует Верхарна, например, даже в подлиннике. Элемент риторического или образного поучения присущ, бывает, иногда гениальным писателям. Чрезмерное обилие философ-диогенов из пролетарской или полупролетарской среды – в произведениях М. Горького (правильно Вами отмеченного) как-то не снижает художественной ценности его произведений (за редким исключением). То же можно сказать о В. Гюго, с его героями-носителями идей автора. В исторических романах Мережковского поучительно-риторическая тема настолько легко отделяема от исторического содержания, что чистое луцение ее может произвести не только любой редактор, но и любой наборщик. Значительно более тяжелый случай – произведения Толстого и Достоевского. Не буду говорить о таких прозараженных (так в подлиннике. – Авт.) вещах, как «Бесы» Достоевского и «Воскресение» Толстого, где художественные образы становятся какими-то прорехами, на которых построены (религиознейшие) идеи автора. Может быть, заблуждаюсь я, но кажется мне, что даже в романе «Война и мир» (который я очень давно читал) живой, как будто, землей пахнувший Платон Каратаев в большой степени удобная подушка с тончайшим пухом идей автора, понадобившаяся для его душевного покоя и удовлетворенности. И Пьер Безухов с паспортом как будто декабриста, призрак кающегося дворянина второй половины XIX века.

С.Н. Пориняков – В.В. Гарновскому

25.10.1943 г.

Несколько глав из «Наполеона» Тарле я прочел. Тарле общепризнан как историк-биограф, историк-портретист. Равдоникаса, как археолога-рассказчика, я совсем не знаю. Очень интересуется меня облик его и Брюсова как ученых и рассказчиков-популяризаторов. С Арсеньевым⁴ я однажды познакомился у В.Л. Комарова (ок. 1924 г.), и очень досадно сейчас, что мало с ним поговорил, не задал нужных вопросов. Хорошую борозду провел он своей жизнью в истории нашей культуры. Но в отношении Японии, которую он назвал единым национальным организмом, у него был какой-то недостаточно обоснованный, почти мистический страх. Вообще художника в нем больше, чем ученого-исследователя...

С.Н. Пориняков – В.В. Гарновскому

19.02.1943 г.

Еще о Пришвине. Конечно, ни у одного беллетриста нет такой суммы тонких наблюдений над природой – наблюдений биологических (а не эстетических только). И досадно, что здесь у него какая-то тяга к отрыву от науки, к Чуркинскому мужичковскому эмпиризму и практицизму, к кустарицине...

С.Н. Пориняков – В.В. Гарновскому

7.03.1943 г.

Кстати, знакомы ли Вы со стихами Клюева – аборигена Вологодской области, сына местной крестьянки-сказительницы? У меня лежит сейчас сборничек – цикл его песен «Мать-суббота». Его дал мне геолог-инженер, поэт Марков, лично знавший Клюева и называвший его Рабиндранатом Тагором Севера. Первое впечатление – ахинея и мистика. А подумав, чувствуешь, что это творения небезынтересные с точки зрения истории русской литературы и проникновения в фольклор. Мировоззрение, психологию, лексику и обиход старухи и избы старой, ушедшей под колеса истории, он использует для того, чтобы придать большую изобразительность и яркость передаче своих чувств и мыслей – человека 20-го столетия. Атеист фюрзихь (для себя), он является ан зихь (по себе) – в проявлениях только ради этой изобразительности. На «Матери-субботе» я понял, что значит в русском языке слово «заумное»: крайний символизм. И еще то, что внимания заслуживает у него, это замечательная музыкальность стиха, может быть, фольклорного происхождения, может быть, своя. Конечно, рядиться

⁴ Владимир Клавдиевич Арсеньев (1872–1930) – русский путешественник, географ, этнограф исследователь Дальнего Востока.

ради этого в обличье религиозной старухи я не стал бы ни за какие «чертовы пирожки». И популяризировать его стихи, пока не выкорчеваны до конца возможности рецидива религиозных настроений, тоже не стал бы...

С.Н. Поршняков – В.В. Гарновскому

9.07.1943 г.

Кронины стихи для меня праздник, не вчитался в эти, Вами присланные, но чувствую уже, что хорошо. Лучшие всего, Кроня над «Божественной комедией» поработал (К.В. перевел 17-ю песнь «Ада» из «Божественной комедии» Данте. – Авт.). Стихи шлифовать надо, как ново-гвинейские неолитики Миклухо-Маклая свои орудия шлифовали... Сообщение, что у Вас есть нечто вроде полного собрания сочинений Крониных стихов, меня порадовало очень и музейно-краеведческую жадность разожгло. Нельзя ли так сделать: заказать машинистке копию всего этого собрания и прислать наложенным платежом Боровичскому музею...

Достоевского, как истерического ренегата-петрашевца со всяческими порывами души, я ненавижу, но гениального художника не могу в нем не видеть. Предельно четки и осязаемы не только переживания преследуемого Раскольникова, но весь фон разночинно-мещанского слоя большого города не с подъездов, а «со двора». Мостики, подворотни, комнатухи, полицейские участки, запах штукатурки, весь колорит осязаемее, чем в живописи...

Сейчас получил от Крониды Всеволодовича в подарок тетрадь из его стихов, помеченных главным образом июлем 1936 года. Написано талантливо и хорошо сработано. Но, к сожалению, лейтмотив – «и как батрак я в чет-и-нечет сыграл с хозяином-судьбой». Мне кажется, что Кронид Всеволодович за красивые стихи продаст хозяину-судьбе по каплям крови свою жизнь. Это, конечно... черт знает что такое. Против хозяина-судьбы нужен хороший батрачком (комитет батраков. – Авт.), а не поэтизация болезни и смерти. А его очень трудно настроить на боевой сопротивленческий лад. Больше он склонен созерцать и любоваться, может быть своим отчаянием...

С.Н. Поршняков – В.В. Гарновскому

17.02.1937 г.

Брата Вашего недавно видел... Горе в том, что капризные требования Аполлона и других небожителей продолжают определять расписание его жизни, отчего многое он не кончает, начавши, стихи пишет хорошие. Их понемногу печатают, и в результате я видел его как дэнди лондонский одетым. Перешел на ботанику...

К.В. Гарновский – С.Н. Поршнякову

11.01.1945 г.

Кондо-Сосвинский заповедник.

*Мне очень хочется теперь, когда я приобрел геоботанический опыт, по-
экскурсировать по родному краю (боровичскому. – Авт.). Хочется некото-
рых простых вещей, например увидеть васильки во ржи, услышать крик пе-
туха и бляние овцы, пройти по дороге с настоящими колеями, по которой
летом ездят... Оказывается, по этому можно соскучиться, если в продол-
жении нескольких лет видеть только тайгу, да таежные речушки...*

* * *

В мае 1968 года Кронид написал Поршнякову страстное письмо о разрушении церковей в сталинское время. Писал, хорошо зная, что Поршняков резко противоположного мнения на этот счет. Тут столкнулись, очевидно, две противоположные точки зрения, и может быть даже больше – два мировоззрения. Хотя письма с ответом Поршнякова на это письмо Кронида не сохранилось, из ответных писем Кронида видно, что это была отповедь столь резкая, что многолетняя дружба оказалась под угрозой. Кронид, вероятно, знал, что Поршняков давал заключения об исторической и художественной ценности старых церковей Боровичского района, как бы давая добро на их закрытие (сохранилось в музее его заключение о Пиросской церкви Петра и Павла). Во всяком случае, антирелигиозность и атеизм Сергея Николаевича не были секретом. И поэтому письмо это содержало скрытое обвинение своему другу.

И все-таки дружба их устояла. Переписка их продолжалась вплоть до середины 1970-х годов. Победила высота духа и культура этих людей, умеющих сдерживать свои страсти ради чего-то высшего и большего, в чем были согласны они оба. Может быть, примирило их и сознание того простого и древнего утверждения, что истиной в чистом виде никто не обладает... Впрочем, судить читателю.

К.В. Гарновский – С.Н. Поршнякову

28.05.1968 г.

То, что Москва, как Вы пишете, «перепахана лемехами истории», ну что ж, это закономерно. Только выполнено это было с такими накладными расходами, что невольно думаешь: а нельзя было делать это как-нибудь иначе? То, что в Москве слетели с лица земли сотни и тысячи церковей и других замечательных зданий – это такой жуткий разгул вандализма, что та же История проклянет за это наше поколение. Кто дал нам право распоряжаться тем, уничтожать то, что принадлежит не только нам, а и будущим поколениям? Кто дал нам право ограбить их? Нет и не будет нам оправдания за вырванный с мясом и кровью огромный пласт русской, а значит

и мировой, культуры! Можно, наконец, назвать вещи своими именами, а не молчать стыдливо? Да и вообще, вся эта так называемая «антирелигиозная работа» проводилась у нас в столь уродливых формах, что их не оправдаешь никакими высокими целями. В результате ее выиграли мы «пищик», а потеряли безмерно много. Простите меня за то, что я разгорячился, но Вы сами вызвали меня на это словом «перепахано». Оно невольно породило во мне самые горькие ассоциации, не с одной Москвой связанные. Это очень больной для меня вопрос, стоивший мне долгих и трудных размышлений...

К.В. Гарновский – С.Н. Поринякову

25.12.1969 г. Ленинград

Вам – хорошо. Вы как вступили с юности на свою дорогу (в смысле мировоззрения и мироощущения), так и пошли по прямой (мне, по крайней мере, так кажется). То, что Вы считали плохим, желательным и нежелательным, всегда продолжало оставаться для Вас тем же (я не говорю о деталях, конечно). Поэтому Вы тверды, определены и положительны. И у Вас нет оснований стыдиться за что-либо сказанное или написанное Вами когда-либо. У меня другое, может быть, отчасти потому, что в юности не выбирал, как Вы, свой путь...

Вы пишете, что в прошлом году я «торпедировал» Вас письмом о церквях. Правда, я был вызван на это именно Вашим желанием откровенности (не в данном вопросе, а вообще). Ну, я стал говорить откровенно. А нужно ли было это делать? Пробежала черная кошка после стольких лет дружбы. Хорошо ли это? И зачем это нужно? Проигрывают обе стороны. Я-то во всяком случае. Лгать, фальшивить, обманывать, это, конечно, самое последнее дело. Совсем другое – обходить опасные места. В этом я не вижу ничего плохого...

К.В. Гарновский – С.Н. Поринякову

Апрель 1970 г.

Вы упомянули о различии между Вами и мной. Мне кажется, основное различие заключается в том, что Вы по натуре своей всегда были революционером, стремились активно воздействовать на жизнь. Я же эволюционист, я не столько деятель жизни, как свидетель, наблюдатель. С Вашей революционностью связано Ваше твердое мировоззрение, убежденность в том, что хорошо, что худо. У меня же тут – полный разброд. В сущности, я никогда не знал, какому богу молиться, а теперь знаю менее, чем когда-либо... Относительно понятия «дружба». Как видно, мы останемся каждый при своем мнении. Ну и пусть. Ведь все равно друг друга не переубедим. Повторю только, что существующая степень откровенности между мной и близкими мне людьми, меня вполне устраивает (принимая во внимание исторические условия). И не это меня мучает, окрашивает все в противный

цвет. Не это, а нечто более общее – живой закон великой лжи. В картине, статуе, в поэме, как говорил Гумилев.

Использованные материалы

1. НГОМЗ. Боровичский филиал. Фонд № 46. Оп. 2. Ед. хр. 426.
2. НГОМЗ. Боровичский филиал. Фонд № 46. Оп. 1. Ед. хр. 223.

МОЙ ПОРШНЯКОВ
(воспоминания современников)

Мне посчастливилось быть его последователем

Есть натуры, которые в силу своей увлеченности делом, каким бы оно ни было, оказывают столь сильное влияние на соприкасающихся с ними людей, что зачастую определяют не только отдельные поступки, но и многие основные черты их дальнейшей практической и духовной жизни. Вот такое влияние испытал на себе и я, оказавшись в детстве на несколько лет в орбите удивительного человека, нашего земляка Сергея Николаевича Поршнякова. Им и еще одним человеком – исследователем Дальнего востока Владимиром Клавдиевичем Арсеньевым – в основном определился выбор моей профессии геолога, исследователя природы, путешественника.

* * *

В первый раз я увидел Сергея Николаевича на берегу Мсты, на набережной в Опеченском Посаде, мне было тогда лет десять. Он показался мне высоким, со спортивной фигурой, в простой, выдавшей виды удобной для полевых работ одежде, с рюкзаком и геологическим молотком. Несколько позднее, будучи покорно в него влюбленным, я восхищался его сухим, с крупными чертами, загорелым лицом. Оно казалось мне похожим на индейское или на лицо викинга. В те годы я уже зачитывался книжками Джека Лондона, Фенимора Купера, Кервуда, Луи Буссенара. Не только внешне Поршняков казался похожим на героев этих книжек. В первую же нашу встречу Сергей Николаевич покорила тем, что, посмотрев на вечернее небо, спокойно сказал, что завтра будет ветреная, облачная погода с прояснениями. Так оно и оказалось. Потом я был частым свидетелем точности его предсказаний погоды. Ну чем не литературный герой! Запомнилось его знание голосов редких птиц. Это произвело такое впечатление, что я разыскал книжку профессора Кайгородова о птицах, изучил ее от корки до корки. Стал коллекционировать старые гнезда птиц и собирать образцы их яиц.

И тогда я твердо решил стать орнитологом. От этого увлечения остались мои поздние стихи о птицах.

Мои родители уже давно были знакомы с Поршняковыми. И они попросили Сергея Николаевича взять меня в его природоведческие, геологические, археологические походы по Боровичскому краю. Сухость его лица вполне соответствовала и заметной сухости его характера. Он был немногословен, точен в репликах и определениях, иногда, возможно, излишне суров в своей требовательности. Но аккуратность обращения с найденными образцами, его неутомимая внимательность в исследовании геологических разрезов и районов стоянок древнего человека, даже его легкая походка, одежда, вызывали у меня чувство детского восхищения.

Нужно сказать, что мой отец, все предки которого – местные, мстинские, ставший профессором и заведующим кафедрой Московского университета, в молодые годы, окончив в городе на Неве Институт путей сообщения, работал во множестве районов страны и много путешествовал. Он увлекательно рассказывал нам о горах и реках, о вечерних кострах на каменистых косах Камы, Узы, Витима, Лены. Поэтому дух романтики странствий и любви к природе был в нашей семье постоянно. Моя мать, урожденная Соллертинская, из профессорской питерской семьи, была музыкально одаренной, любила стихи, и также глубоко понимала и любила природу. Эта культурная основа, думаю, была связующей в отношениях всех нас с Поршняковым.

Насколько я помню, около Сергея Николаевича почти всегда была группа сопровождавших его мальчишек, с которыми он ходил на обнажения крутых берегов Мсты и ее притоков в исследовании отпечатков древних кораллов и раковин моллюсков в известняках, красных, рыжих и желтых минеральных красок, стяжений кремния, служившего некогда материалом для орудий людей неолита. Обследовали мы речки Крупу, Вельгию, таинственную Понеретку, саму Мсту. Зарисовывали обрывы Бобровой горы. Запомнилось, как Сергей Николаевич нарисовал нам такую словесную картину: конец ледниковой эпохи. Тают и отступают ледяные горы. Бродят шерстистые носороги и мамонты. Одинокий мамонт стоит на бровке Бобровой горы и глядит на лежащую вокруг тундру. Этот рассказ запал в сердце настолько, что я, уже старый человек, занимаясь резьбой по дереву, создаю фигуры мамонтов. Огромный березовый кап (нарост), весом около двухсот килограммов я превратил в грустного мамонтенка и подарил Боровичскому краеведческому музею. Побывав на выставках в нескольких городах, скульптура стоит в этом музее у входа в демонстрационный зал. Написал я и стихотворение «Последний мамонт», опубликованное в ряде газет. Это тот – «поршняковский» мамонт.

Интересным занятием для нас были поиски старых монет для музея. Собирались они всюду: у знакомых в разных домах, но также в песке и галечниках по берегам реки. Об этом мое стихотворение «Монета», опубликованное в газете «Красная искра». В воображении рисовались картины, как богатые барки разбивались в порогах и монеты купцов оказывались на дне. Их истирало между камнями. Порой от них оставались лишь тонкие серебряные и медные чешуйки. Но часть сохранялась, и на них можно было видеть признаки их времени и места чеканки.

Нет слов, я раздумал быть орнитологом и стал мечтать о геологии и археологии, особенно их в то время не разделяя. Важно, что эти профессии предполагали исследования Земли и главное – путешествия.

В этом меня укрепляло еще и счастливое знакомство с великим исследователем Дальнего Востока – Владимиром Клавдиевичем Арсеньевым. Дело в том, что мой отец в двадцатые годы был работой связан с тем таинственным восточным районом и близко сошелся с Арсеньевым. Будучи на востоке, он останавливался у Арсеньевых, а Владимир Клавдиевич, будучи в Москве, – у нас.

Для меня потрясающим событием было получение в подарок самого первого издания знаменитой краеведческой книги Арсеньева «В дебрях Уссурийского края», синяя обложка и круг с изображенной в нем оскаленной головой уссурийского тигра. Незабываемый Дерсу Узала. Книга с надписью после обращения к отцу: «...и его сыну, будущему путешественнику». Эти слова были мне как заповедь. Они соединились с впечатлениями путешествий по Боровичскому краю с С.Н. Поршняковым. Перекинулся мост через всю страну, которую я вознамерился исследовать. Я решил, что моя будущая деятельность обязательно должна позволить мне поехать и в дебри Уссурийского края.

Примечательно, что между Поршняковым и Арсеньевым я находил много сходства. Это касалось и внешности (те же крупные «индейские» черты лица, спортивная фигура), но, и это в первую очередь, их обоюдное поразительное знание природы в ее мельчайших оттенках.

* * *

Ко времени, когда я окончил в 1930 году семилетку (в Архангельске), мы переехали в Москву, и я поступил в 1931 году, конечно же, в Московский геологоразведочный техникум. А уже в 1938 году окончил Московский геологоразведочный институт по специальности «поиски месторождений и геологическая съемка». Урал, Крым, Енисейский край, Восточный Саян – районы геологических работ до получения диплома. Хромиты и золото – объекты исследований геологических партий, в которых я принял участие студентом с увлечением и приспособленностью к полевым работам, полученными в детстве.

С 1939 года до осени 1947 года – долгое время трех войн, которые оторвали меня от геологии. Но, удивительное дело, боевые годы забросили меня на Волховский, Карельский и 1-й Дальневосточный фронты, природная обстановка которых для меня не была новостью. А на войне умение учитывать эту обстановку оказалось необыкновенно важным. Закалка, полученная в походах с С.Н. Поршняковым, позволяла мне легче, чем моим товарищам, действовать и жить среди болот, в круглогодичной сырости блиндажей и землянок, передвигаться среди лесов и топей с военным грузом, спокойно относиться к комарам и непогодам. Мало того, приобретенные знания природы дали мне возможность руководить с начала 1944 года составлением специальных военно-геологических карт условий ведения боевых действий для высшего и среднего командования фронтов. Эти карты, которые готовились специальными военно-геологическими отрядами каждого фронта, имели целью показать все природные особенности полей предстоящих наступательных военных действий, чтобы ни болота, ни водные преграды, ни бездорожье, ни особенности фортификационного строительства и проходимость не были для командования неожиданными. И здесь, на Волхове и в Карелии, я столкнулся со знакомыми мне по окрестностям Боровичей и Опеченского Посада описанными С.Н. Поршняковым и его сотрудниками типами морен-

ных гряд, сложенных валунными суглинками, камов и озов – песчаных ледниковых холмов и насыпей.

Науку о природе я всегда с благодарностью вспоминал во всех своих путешествиях и в качестве профессионала геолога, работая после войны в самых различных районах страны: в лесах, степях, пустынях, в заоблачных горах. От Валдайских холмов, через Урал до дебрей Уссурийского края. Я рад, что выбрал специальность, подсказанную в основном на склонах холмов и в долинах нашего края. В мирное время, помимо разработки и внедрения новых методов поисков месторождений, я занялся разработкой и внедрением карт природных условий поисков, позволяющих выбрать наиболее эффективные методы применительно к каждой данной природной обстановке с учетом их разнообразия.

Сергей Николаевич Поршняков, как и Владимир Клавдиевич Арсеньев на Востоке, – создатель краеведческого музея. Это стало важнейшим итогом увлекательной жизни каждого из них. Замечательным культурным событием в Боровичах в 1989 году был день, когда в городе, по инициативе городской администрации и краеведческого музея, мы отметили 100-летие со дня рождения С.Н. Поршнякова. В числе прочитанных при этом докладов был и интересный доклад сына Сергея Николаевича – Георгия Сергеевича Поршнякова, доктора наук, геолога, профессора Санкт-Петербургского университета. Нет сомнения, что выбор специальности им был сделан под влиянием отца.

У Сергея Николаевича много известных, а также неизвестных – «скрытых» последователей. Мне посчастливилось быть среди них. Это сказалось в войну и в мирное время, в стихах, деревянных скульптурах зверей и птиц.

**«...Наше знакомство
постепенно перешло в незыблемую дружбу»
(из «Автобиографии»)**

...Должно быть, в 1922 году, я случайно услышал, что на Владыкино в школу приехал человек с микроскопом, и все желающие могут смотреть в этот прибор. Микроскоп я до тех пор видел только на рисунках и, конечно, побежал в школу. Человек с микроскопом уже уехал, но вскоре я все же познакомился с ним.

Это был школьный инструктор Сергей Николаевич Поршняков. Он жил тогда в сорока километрах от нас, в селе Ровное, по пути от нас в город. Мы с братом уже знали, что Поршняков интересуется всякой всячиной, и однажды явились к нему с карманами, набитыми окаменелостями с берегов Увери. Мы были приняты радушно. Нас встретил высокий и, видимо, не очень крепкого здоровья человек, темноволосый, с небольшой бородкой, с роговыми очками на светлых голубовато-серых глазах. Взгляд прямой, очень спокойный и внимательный. Чувствовалось, что ни одно из слов собеседника не проходит мимо. Книжки по разным отраслям знаний, спиртовые препараты, научные приборы много говорили об интересах их хозяина. Для меня это был человек из иного мира, не похожего на тот, который окружал меня.

С тех пор не раз я по пути в город заходил к Поршнякову, приносил ему окаменелости и другие находки. Гостеприимная Мура Федоровна, жена Сергея Николаевича, не отпускала меня, не накормив досыта. Иногда я ночевал у Поршняковых. Я очень дорожил этим знакомством. Оно как-то повышало меня в собственных глазах, служило мне точкой опоры в эти годы сомнения в самом себе. Поршнякова, краеведа по призванию, знали далеко кругом. Он внушал уважение и своим видом, и умением вести разговор, но за интерес, проявляемый к таким бесполезным вещам, как камни, насыпи, древние курганы и прочее, его считали чудаковатым...

– Вчера из города ехала, Сергея Николаевича видела – опять камушки собирает на Мсте, такой чудак! – говорила наша владыкинская школьная учительница Анна Александровна, и в голосе ее звучала нотка снисходительно-превосходства по отношению к «чудаку».

Вскоре я убедился, что поршняковский дом является своеобразным культурным центром, привлекавшим к себе внимание самых различных людей, объединенных интересом к знанию. Здесь можно было встретить и любознательных комсомольцев, и учителей, и приезжих ученых. Как-то летом 1923 года я ночевал у Поршняковых. К ужину в столовой появился невысокий, довольно плотный человек, лет за пятьдесят, с большим, переходящим в лы-

сину лбом, веселый и оживленный. Он много рассказывал о Ленинграде, о Дальнем Востоке, вспоминал об Арсеневе. После ужина, на мой вопрос о госте Сергей Николаевич ответил: Это мой двоюродный брат, ботаник Владимир Леонтьевич Комаров, академик. Утром за завтраком я уже всю глядел на самого настоящего академика, который по-прежнему вел себя неприужденно, смеялся и дразнил свою крестницу, маленькую Злату Поршнякову.

Недели через две я опять пришел в Ровное, чтобы участвовать в ботанической экскурсии, которую проводил Комаров для всех желающих. На другой день мне случилось идти с ним вдвоем до речки Понеретки, километра за три от Ровного. А затем я уже много лет не видел его. Знакомство оказалось слишком мимолетным и ни к каким практическим результатам для меня не привело. Да я и не знал, какие нужны результаты.

* * *

В начале двадцатых годов в Боровичах над дверью невысокого дома, фасадом выходившего на городскую площадь, помещалась большая, издалека видная вывеска: «Боровичский музей Пролетарской науки, Искусства и Техники». Впрочем, наименованию вопреки, ничего специфически пролетарского в музее не было. Тут можно было видеть старинные и просто старые иконы, разнокалиберные кремневки, человеческого зародыша в спирту, бивень мамонта, панцирь самурая, два-три гобелена из помещичьих усадеб... В общем – кунсткамера местного масштаба.

На видном месте под стеклянным колпаком помещался коричневый от окислов железа человеческий череп. В свои пятнадцать лет я с благоговением смотрел на него, ибо этикетка лаконично сообщала, что это – «череп варяга». Много позже я узнал историю черепа. Он был найден при добыче песка на Коровьей горе близ города. По смутным преданиям, на этой горе была какая-то битва. Ну, а с кем могли биться древние боровичане? Надо полагать – с варягами. Стало быть, это и есть череп варяга. Остается написать этикетку. В один разряд с «черепом варяга» следовало поместить и ряд других экспонатов музея. Первые строители музея, видимо, были людьми решительными и не склонными к сомнениям.

Подобные музеи-кунсткамеры возникали в первые годы Революции едва ли не в каждом уездном городке, возникали почти стихийно, даже без указаний сверху, а просто усилиями какой-то части местных работников, может быть, плохо разбиравшихся в искусстве и истории, но, тем не менее, стремившихся сохранить для будущего культурные ценности, выплывавшие на свет преимущественно из ликвидированных помещичьих усадеб. В усилиях этих работников было много наивного и неумелого, но, так или иначе, а в результате организации музеев было прибрано к месту и спасено от гибели в случайных руках, наряду с никчемными вещами, немало и действительно ценного – по всей-то матушке Руси.

В своем первоначальном, кунсткамерном виде Боровичский музей просуществовал года три-четыре, а там чье-то рвение к нему охладело, и музей

решили законсервировать. Вторично он открылся в 1929 году, теперь уже на новой основе, как музей краеведческий, посвященный отражению жизни местного края. Это была инициатива Сергея Николаевича Поршнякова. Он же стал директором музея.

* * *

С момента нашей первой встречи в селе Ровном я не терял связи с Сергеем Николаевичем, и наше знакомство постепенно перешло в незыблемую дружбу. Во многом помогал мне Поршняков в трудное для меня время безработицы, да и впоследствии тоже.

Бескорыстие по отношению к самому себе, равнодушие к собственному благополучию привели Поршнякова к тому, что он не сделал себе карьеры, отказавшись от очень хороших возможностей в этом отношении. Влюбленный в просторы родного края, он навсегда остался верен ему, посвятив свою жизнь всестороннему краеведческому изучению его. Краеведение – незамеченная, неблагодарная, никем по достоинству не оцениваемая работа, и причисление краеведческих работников к числу настоящих деятелей науки порой способно вызвать снисходительную улыбку на устах иного признанного научного работника. Но краеведение – в его лучшем выражении – действительно научная работа и, мало того – в наше время, когда ученые, в общем, так хорошо обеспечены, энтузиасты краеведения с их скромной зарплатой, может быть, более чем кто-либо, заслуживают звания «бескорыстных деятелей науки». Ни один приехавший в Боровичи научный работник, будь то этнограф, зоолог, ботаник, экономист, археолог – не мог миновать здесь Сергея Николаевича с его музеем. Энциклопедичность Поршнякова была исключительной, но более всего его влекло к геологии, особенно к вопросам карстоведения.

Сергей Николаевич был директором и, в то же время, единственным, не считая сторожихи, сотрудником музея до тех пор, пока и для меня не нашлось тут места сотрудника без особой специальности. Мне нравилась моя работа, хоть я и не считал, что нашел самого себя, и навечно оставаться в Боровичах не думал. На поршняковское самозабвение, на отдачу всей жизни делу изучения родного края я не чувствовал себя способным. Хотелось чего-то пошире в «географическом» смысле. Но на срок, необходимый мне для окончания вечерней школы и рабфака, работа в музее была для меня наилучшей из всех возможных.

Начался небогатый событиями и очень спокойный период моей жизни. Днем – музей, вечером – рабфак. Впереди – ясная цель – высшее учебное заведение. Было, правда, голодно и порядком – голодно: такие уж года пошли. Но все же, сидя на одном месте и «прикрепившись» к продуктовому магазину, можно было существовать. Только вот о дальних поездках теперь уже не приходилось думать.

Работа в музее сталкивала меня с самыми различными отраслями промышленности. Собирая материалы для музея, я посещал стекольные заводы, спускался в шахты, заходил на заводы огнеупорных материалов, на бумажную фабрику...

Иногда в музей звонили из НКВД – предлагали принять участие в разборке какого-нибудь интересного имущества – церковного или выморочного. Так, я однажды несколько дней возился с наследством некоего Ивана Яковлевича Беляева, бывшего фабриканта глиняной посуды. Он прикрыл свое дело перед революцией и, может быть, поэтому не подвергался никаким репрессиям. В глубокой старости он был убит с целью грабежа своими квартирантами – глуповатой девкой Фишей из деревни Барышово и ее любовником. Родных у старика не было, и его имущество перешло в НКВД.

Странное чувство испытывал я, разбирая это имущество старого скряги и ханжи, помеси Плюшкина и Иудушки Головлева, в последние свои годы жившего чуть ли не подаянием. Все комнаты, кладовые, подвалы большого дома были забиты ценными вещами и хламом, неведомо зачем сохранявшимся. Глиняные садовые вазы, почти не ношенные, но окончательно изъеденные молью шубы и шарфы, самовары разных видов, дамские шляпы довоенных времен, сотни глазурованных горшков, бидоны с олифой... Иногда встречались книги... Но вот мне подвертывается стопка тетрадей, исписанных корявым почерком. В них старик пытался дать что-то вроде своих воспоминаний. Беляев едва владел пером. Записки его ужасающе безграмотны. И все же, как ни плохо, как ни примитивно записаны эти тетради, все же они в какой-то, пусть в очень небольшой, мере позволяли почувствовать «дух эпохи». Эти записки показали мне, что совсем не обязательно владеть художественным талантом и прочими исключительными предпосылками для того, чтобы написать «человеческий документ», имеющий некую историческую ценность.

* * *

Я почти не писал, невзирая на настояния Сергея Николаевича. В многогранной натуре этого человека жила и настоящая любовь к поэзии, что так редко встречается вообще, даже в среде культурных людей. Поршняков был моим суровым критиком. Поклонник жизни с большой буквы, он был влюблен в прославлявшую жизнь поэзию Э. Багрицкого. Он осуждал меня за не редкие у меня мотивы упадничества и пассивного восприятия мира, но, в то же время, считал, что писать я должен, и называл преступлением мое поэтическое молчание...

* * *

Теперь закончился и третий период моей жизни – боровичский, рабфакровский.

В кармане у меня лежало университетское извещение о начале приемных испытаний. Я собрался в дорогу. Ни брата, ни сестры к тому времени уже не было в Боровичах. Поздно вечером на вокзал железной дороги меня проводил Сергей Николаевич, с которым я четыре года делился всеми планами, раздумьями, радостью и горем...

Впереди – новая полоса жизни. Что она сулит мне? Разве угадаешь что-нибудь по стуку колес вагона, по огням полустанков и станций, по звездам в темном небе.

Гремит поезд...

Воспоминания о встречах с С.Н. Поршняковым

Первая моя встреча с Сергеем Николаевичем состоялась в сентябре 1954 года. В то время я учился в шестом классе Польшинской школы (бывшая средняя школа № 6. – *Авт.*), и учительница географии Антонина Ивановна Иванова организовала экскурсию в краеведческий музей. Здание музея, открытого в 1929 году, располагалось в небольшом двухэтажном доме, на набережной Октябрьской революции, 17, рядом с поликлиникой комбината огнеупоров. Низ музея был каменный, верх – деревянный. Позднее старое здание (бывший частный дом Сосницких) снесли. И на его месте возвели новое здание музея.

И вот перед нами появился высокий худощавый мужчина лет шестидесяти, с бородой и усами, в очках, костюме с галстуком. По внешнему виду – интеллигент. Он и провел с нами – шестиклассниками – экскурсию, рассказ начал с геологической истории края. Сергей Николаевич пригласил нас в путешествие в далекий каменноугольный период. Словно в машине времени мы перенеслись на 300 миллионов лет назад, на берег теплого и неглубокого Восточно-Русского моря, простиравшегося от современной Приильменской низменности до Уральских гор. Сергей Николаевич поведал о таинственных геологических событиях раннего карбона. Рассказал, почему в нашей местности возникли месторождения бурого угля и огнеупорных глин. Помню, одноклассники внимательно слушали Сергея Николаевича.

В геологической экспозиции, представленной в застекленных напольных витринах, он обратил наше внимание на образцы окаменелостей и отпечатков животных, обитавших в мелководном внутриконтинентальном море. Внимательно мы рассматривали экспонаты колониальных и одиночных кораллов, раковин брахиопод, головоногих моллюсков. Для меня, да и, наверное, для одноклассников, это было откровением, удивительным открытием. Я, например, понял, почему в долине реки Крупы и в устьевой части ручья Бьон есть пласты известняков, которые постоянно наблюдал в течение двух лет на пути в школу.

Я тогда еще далек был от мысли, что экскурсия в музей станет для меня судьбоносной, определит в дальнейшем мою профессиональную траекторию. Но из музея я не пошел вместе с одноклассниками домой. ...Спустился от моста на левый берег Мсты и пошел, пробираясь вдоль русла вверх по течению до поселка Устье; переворачивал небольшие плоские глыбы и обломки известняка, находил в них окаменелости и отпечатки уже знакомых по музею вымерших животных. Так родилась моя первая палеонтологическая коллекция.

...Прошли долгие годы. Позади – восьмилетка, учеба в горно-керамическом техникуме, служба в армии. Затем – учеба в институте. Следующая встреча с Сергеем Николаевичем произошла в 1971 году в том же здании краеведческого музея, на очередном собрании клуба краеведов. В его составе кроме Л.В. Подобед, Сергея Николаевича были другие авторитетные и колоритные личности, имевшие самое непосредственное отношение к изучению истории края: В.К. Кирсанов, Г.И. Ивановский, В.С. Иванов, В.В. Гарновский, Н.И. Кутузов, Х.Х. Оршанский, Л.Р. Фрумкин и другие.

На встречи с краеведами приглашались ученые, деятели искусства из Москвы и Ленинграда, потомки и родственники известных людей, прославивших наш край. На обсуждение членов клуба выносились тематические доклады, лекции. Нередко возникали дискуссии и споры на краеведческие темы. Выступления Сергея Николаевича всегда были аргументированными, вескими. Несомненно, он был авторитетом, крупной личностью в изучении природы и особенно геологии нашего края. Свежую для меня геологическую информацию из его выступлений я старательно конспектировал.

Среди членов клуба были и представители более молодого поколения: З.С. Сорокина, В.П. Малышева, А.П. Константинов, Н.В. Агеева и автор этих строк. На собраниях обычно присутствовали школьники старших классов до десяти-пятнадцати человек. Вероятно, в романтику краеведения их активно вовлекала Зоя Степановна Сорокина, учитель истории седьмой школы, создавшая прекрасный школьный музей.

В 1976 году по инициативе Сергея Николаевича между нами возникла переписка. Так, например, он прислал мне письмо в д. Семёнкино Мошенского района, где базировалась наша изыскательская экспедиция. Сергей Николаевич подробно описал особенности геологии окрестностей озера Меглино, полагая, что сведения будут полезны: мы в этой местности вели комплексные изыскания для проектов реконструкции автомобильных дорог Вологда – Валдай (участок Меглецы – Пестово) и Красная Гора – Семёнкино – Ореховно.

Как-то Сергей Николаевич пригласил меня в гости. Он жил в однокомнатной квартире в пятиэтажке на ул. Пушкинской, напротив бывшего кинотеатра «Дружба». Интерьер квартиры был скромным, характерным для советского быта и уклада. Впечатляло лишь обилие книг и журналов: стопки книг были даже на кухне. С некоторыми изданиями хозяин меня познакомил. Например, с четвертым томом «Геологии СССР», посвященным геологии Северо-Запада Русской равнины. Это издание в тот момент я держал в руках впервые (позже изучал этот источник в библиотеке, работая над своими отчетами об изысканиях). Затем показал монографию Льва Гумилевского «Вернадский» (ЖЗЛ, 1961). Биография гениального русского ученого, которую я впоследствии не без влияния Сергея Николаевича прочитал, оказала на меня сильное мировоззренческое влияние.

Однажды летом клубом краеведов была организована экскурсия по горной Мсте, инициатором и гидом которой выступил С.Н. Поршняков. Он знакомил нас с малоизвестными геологическими (в том числе и карстовыми)

явлениями в долине реки. Сергей Николаевич был уже в преклонном возрасте, передвигался медленно, часто отдыхал, сидя на траве.

Вероятно, С.Н. Поршняков как-то вычислил, заметил во мне своего приемника в области изучения природы нашего края, этим я объясняю его внимание и интерес к моей персоне. Сам я с гордостью считаю его своим учителем. К сожалению, мне, в свою очередь, не удалось подготовить последователя из молодых педагогов-мужчин, проявлявших интерес к геологии, ландшафтам края. Есть и объективные причины. Но – это уже аспект из системной проблемы нашего отечественного образования последних десятилетий.

Сергей Николаевич Поршняков в Великом Пороге

Сергей Николаевич Поршняков – один из самых известных людей нашего края. В 70-е годы XX века – годы моей юности – не было в моем окружении человека, кто не слышал бы об этом исследователе, историке, общественном деятеле, или не был знаком с ним. Мне довелось, хоть и немного, лично встречаться и беседовать с этим интереснейшим человеком, о чем и хочу здесь рассказать.

Автор этих строк – уроженка и (в настоящее время) житель д. Великий Порог Боровичского района Новгородской области. Я родилась в 1954 году. Мой дед, Люлин Алексей Алексеевич, 1888 г.р., всю жизнь прожил в д. Великий Порог. Здесь родились его семеро детей. Дочери Евгения (моя мать – 1927 г.р.) и Антонина (моя тетя – 1918 г.р.) всю жизнь прожили в этой деревне.

Дедушка окончил земскую школу (три или четыре класса), был крестьянином, потом колхозником. Это был очень разносторонний, знающий человек. Он много читал, выписывал газеты, журналы. Дедушка умер, когда мне было восемь лет, но я хорошо его помню у керосиновой лампы, с книгой или газетой в руках. Из рассказов мамы и тети я много слышала об одном из друзей деда – Сергее Николаевиче Поршнякове. Когда и где они познакомились, к сожалению, не знаю.

Возможно, это знакомство произошло, когда С.Н. Поршняков, как писал в статье «Ветеран Боровичских краеведов» Г. Ивановский, в 1909 году участвовал в организации нелегальных кружков в деревнях Ровное и Великий Порог¹. Входил ли в один из этих кружков мой дед, я от родственников не слышала.

Мама помнит, как еще до Великой Отечественной войны, в середине 1930-х годов, Сергей Николаевич приезжал (или приходил) в наш дом в Великом Пороге, где жила семья дедушки, иногда один, а иногда вместе с группой детей. Вероятно, это были краеведческие экспедиции. Мама говорила, что бабушка специально по такому случаю варила яйца в самоваре. Ночевали Сергей Николаевич и его спутники на сеновале. Возможно, в ходе одной из таких экспедиций было исследовано озеро Радошино и его окрестности². Озеро находится в 4 км от д. Великий Порог, в 2,5 км от д. Лазница.

¹ *Ивановский Г.* Ветеран Боровичских краеведов // Красная искра. 1979. № 30 (20 февраля).

² *Поршняков С.Н.* Карта озера Радошино и его окрестностей. 1935 г. НГОМЗ. Боровичский филиал. Фонд № 46. Оп. 1. Ед. хр. 133.

Сергей Николаевич составил план озера, а также несколько геологических разрезов. Для этого были пройдены скважины глубиной до 3–4 метров с помощью бура Гиммера. Выделены четыре слоя: лед, сапропель жидкий – 1–1,5 м., сапропель вязкий – 1 м (не везде), коренные породы (глина). От озера отходит «Мельничная канавка».

В 1930-е годы в Боровичском и Опеченском районах шли изыскания в связи со строительством на р. Мсте гидроэлектростанций, а также велись поиски горючих полезных ископаемых, торфа в частности. Сергей Николаевич в 1930–1935 годах был сотрудником геологических партий Ленинградского геологического треста и Гидроэлектропроекта. Возможно, работы С.Н. Поршнякова в окрестностях оз. Радошино были связаны с этой его геологической деятельностью.

Моя сестра Красикова Раиса Николаевна, 1951 г.р., помнит, как в конце 1950-х или начале 1960-х годов (не позднее 1962 г., года смерти А.А. Люлина) Сергей Николаевич приезжал к нему. Раю поразила необычная внешность, поведение, разговор этого человека, и она с большим интересом, а скорее, любопытством, наблюдала за беседой дедушки и его друга.

Сергей Николаевич много времени посвящал работе со школами, выступал на собраниях перед учителями, школьниками с лекциями о родном крае, краеведении. Бывал он и в Великопорожской средней, с 1962 года восьмилетней школе, в которой работали мои родители.

Хорошо помню один из его визитов к нам в 1971 году, когда я заканчивала 10-й класс Опеченской средней школы. Сергей Николаевич, побывав в Великопорожской школе, зашел к нам домой навестить родителей – Николая Васильевича и Евгению Алексеевну Абакумовых, а также Антонину Алексеевну Люлину, которых он хорошо знал. Узнав, что я собираюсь быть геологом, стал отговаривать меня, а особенно маму, от такого решения. Главный аргумент – это работа не для женщины. Но я, конечно, не согласилась. Родители не очень возражали, и я поступила в Ленинградский государственный университет на геологический факультет.

После первого курса все студенты факультета проходили учебную геологическую практику, часть которой была организована в окрестностях города Боровичи. Студенты поочередно, группами по 15–20 человек, приезжали в Боровичи на поезде. Практику вели преподаватели кафедры исторической геологии ЛГУ, нашей группой руководил доцент Владимир Иванович Волгин.

В Боровичах мы жили в школе № 2, спали в спортзале на полу, на матрацах, в маршруты выезжали на рейсовых автобусах. В один из вечеров к нам школу пришел С.Н. Поршняков (его пригласил В.И. Волгин), рассказывал нам об истории, геологии, природе Боровичского края. Здесь мы снова встретились с Сергеем Николаевичем, и он узнал, что я все-таки учусь на геологическом факультете.

В августе 1972 года, когда я была на каникулах в своей деревне, С.Н. Поршняков прислал мне письмо. Он сожалел, что пытался повлиять на мое решение стать геологом и приглашал к себе в гости. В его квартире в Боро-

вичих мы долго беседовали – в основном о краеведении. К большому сожалению, письмо это не сохранилось, и содержание беседы я уже почти не помню. Конечно, говорили о р. Понеретке, еще одной карстовой речке – Семиводке. Говорили и о походах. В нашей Великопорожской школе краеведением занималась Альбина Алексеевна Евстигнеева, учитель географии. Она организовывала экскурсии, походы, иногда многодневные. Мы и самостоятельно путешествовали – на р. Понеретку, озера Лодейное, Долгое, не ради науки, а просто потому, что это было интересно.

Больше я с Сергеем Николаевичем не встречалась, но часто о нем слышала. Помню киножурнал «Наш край», в котором Сергей Николаевич рассказывал об исчезающих озерах Боровичского края. Такие киножурналы показывали перед демонстрацией фильмов в кинотеатрах.

После окончания университета я работала в горах Тянь-Шаня, в Южно-Киргизской геологической экспедиции. В ее фондах довелось изучать отчеты, составленные другим Поршняковым – Георгием Сергеевичем, сыном С.Н. Поршнякова. Это был очень известный в Киргизии человек, который еще в 1950-е годы занимался здесь геологической съемкой и поисками полезных ископаемых.

Доктор геолого-минералогических наук, профессор, заведующий кафедрой исторической геологии геологического факультета ЛГУ, автор многих научных работ, в том числе монографии «Герциниды Алая и смежных районов Южного Тянь-Шаня»³. Георгий Сергеевич Поршняков вместе с сотрудниками своей кафедры в 1970–1980-е годы приезжал в Южно-Киргизскую геологическую экспедицию, встречался с геологами, и я тоже присутствовала на этих встречах.

Как и отец, он был очень доброжелательным, мягким человеком, его уважали и любили студенты. Профессор Поршняков не любил ставить плохие оценки на экзаменах – студентов, не знавших предмет (в нашей группе он вел «Геологию СССР»), просил подготовиться и сдать еще раз.

В 1993 году я, как и многие среднеазиатские геологи, уехала из Киргизии и геологией больше не занималась. Вернулась в родные места, в свою деревню Великий Порог. Продолжаю изучать наш край, его историю, природу. Каждый год бываю на озере Радошино и, отдыхая на берегу Мельничной канавки, добрым словом вспоминаю тех, кто сооружал в наших лесах и болотах дороги, мосты, каналы, вспоминаю и первого исследователя-краеведа этих мест – Сергея Николаевича Поршнякова.

³ *Поршняков Г.С.* Герциниды Алая и смежных районов Южного Тянь-Шаня. Л.: Изд.-во ЛГУ, 1973.

Его личность притягивала¹

Я знала Сергея Николаевича довольно близко с 1968 года. Он был представителем некогда достаточно многочисленной прослойки русской интеллигенции, но для Боровичей 1960–1980-х годов это был уже «мастодонт», уникал и посему выпадал из общего ряда «обычных советских людей».

Внук генерала, сын профессора медицины, воспитанный достаточно демократически настроенной средой, окончив гимназию в Петербурге и поступив в Санкт-Петербургский университет, он примкнул к революционному движению в годы Первой русской революции, вернее, после ее поражения. Как один из организаторов подпольной типографии РСДРП (членом этой партии он, кстати, не состоял) был арестован, три года провел в знаменитых «Крестах».

После освобождения экстерном закончил естественное отделение физико-математического факультета, какое-то время был на фронте. А с 1918 года оказался в Боровичах, уже семейным человеком, волной революции выброшенным из Петрограда. С Боровичами его связывало многое.

В усадьбу своей матери Ольги Михайловны Линденбаум-Поршняковой – Ровное-Михайловское, он приезжал еще ребенком, затем студентом университета (подпольная типография РСДРП, вывезенная из Петербурга, некоторое время хранилась в Ровном в 1910 году).

Семейная жизнь его родителей сложилась не совсем удачно, они были очень разные люди – медик-ученый, поглощенный работой, «сухой» и далекий от увлечений своей очаровательной жены, обожавшей общество, любительские спектакли, часто благотворительного свойства, участницей коих в летнее время в Ровном она бывала. С.Н. Поршняков, несомненно, больше походил на отца – и внешне и внутренне. Сам он женился в 1914 году на дочери ёгольского крестьянина Ф.А. Бочкова – Мавре, которую всю жизнь называл Мурой. Так ее и все звали – Мура Федоровна. Эта женитьба соответствовала его демократическим взглядам, к тому же Мура Федоровна была хороша собой, получила образование в профессиональной школе для крестьянских и мещанских девочек генеральши Ю. Аргамаковой в Боровичах. Мягкая, добрая, труженица, влюбленная в своего «Сереженьку» до конца дней своих (умерла в 1964 г.), она была ему верной подругой, опорой, прекрасной женой и матерью.

Итак – Боровичи, уже советские... Думаю, Сергей Николаевич, не принимавший непосредственного участия в революционных событиях 1917 года,

¹ Впервые опубликовано в газете «Красная искра» от 3 сентября 1998 года.

принял революцию, нисколько не сомневаясь в ее необходимости, веря в прекрасные идеалы своей революционной юности.

Работал инспектором УОНО, а с 1927-го принял заведование местным краеведческим музеем, учрежденным еще в 1918 году.

Стремление к материальным благам, к ученым званиям, зависть к удачам других – все это начисто отсутствовало у него. Человек образованный, увлеченный своим делом, он явился создателем новой для конца 1920-х годов краеведческой экспозиции, в основу которой были положены принципы, используемые до сих пор в экспозиционных методиках с вариациями сегодняшнего дня. 1920-е годы называют «золотым веком» краеведения, а Сергей Николаевич, как мне кажется, считал, что «краеведение спасет мир», как красота у Достоевского.

Он работает страстно, увлеченно. Живет в квартирке при музее. Быт трудный: трое детей, зарплата мизерная. Маленький огородик, корова... Исколесил весь край вдоль и поперек. Один или с юными краеведами, с рюкзаком за плечами, ночуя в крестьянских избах или в стоге сена. Возвращался с «добычей». Собраны коллекции геологические, палеонтологические, археологические, большой этнографический материал. Создан отдел природы, где полно и интересно была представлена тема «История Земли на геологических материалах».

Серьезно занимался карстом. Собранные по этой теме материалы используются до сих пор.

Действительный член Географического общества, выступал с докладами и сообщениями различного рода на его заседаниях.

Атеист по убеждению, он, вероятно, спокойно относился к разрушению православных святынь. В «Красной искре» 1930-х годов проскальзывают его заметки на эту тему с позиций «вульгарного материализма», как мы это сейчас называем.

Мало собрал вещей уходящего быта? И здесь его жизненная позиция – этот быт ушел со старой жизнью и ничего интересного не представляет. Произведения искусства? Критерии оценки тогда были иные, и, вероятно, С.Н. считал, что истинных произведений искусства в провинциальной России не так уж много, и если и сохранились такие, то должны стать достоянием специализированных музеев – Эрмитажа, Русского музея и т.д. Наши художественные и вещевые коллекции собраны в основном уже после ухода Сергея Николаевича, в 1970–80-е годы.

Личность его притягивала к себе. Бывшие «юные краеведы» до конца дней своих считали, а ныне живущие и сейчас считают его своим учителем, духовным наставником.

Он создал краеведческий актив. Известные в Боровичах в дальнейшем краеведы – братья В.В. и К.В. Гарновские, В.С. Иванов, Г.И. Ивановский, Л.Р. Фрумкин, В.К. Кирсанов – во многом его ученики и последователи. Последующее поколение краеведов – Л.И. Быков, В.Я. Павлов, З.С. Сорокина, автор этих строк и другие, несомненно, ощутили на себе влияние «патриарха». Его высокая, худая фигура в далеком от моды и новизны, но всегда

очень опрятном костюме, с непременно галстуком летом или в темном длинноватом демисезонном пальто осенью и зимой, с потертым портфелем, перевязанным резинкой (замок держался плохо), выделялась какой-то своей особой неповторимостью, «породой». В нем не было старческой суеты, спокойная созерцательность и мудрость освещали лицо с правильными чертами, седой бородкой, в очках, за которыми – глаза, не утратившие живого блеска.

Я в начале своей работы в музее довольно часто общалась с ним. Уйдя на пенсию в 1952 году, он до конца своих дней был связан с музеем, хотя отношения со своими преемниками – Л.А. Коноваловой (до 1971 г.), а потом со мной, были довольно ревностными, хотя, как человек воспитанный, никогда никакого явного недовольства не высказывал.

Очень требователен был к публикациям краеведческого толка. Может быть, отчасти поэтому сам не систематизировал свое разбросанное по дневникам и письмам, отдельным заметкам наследие. Но здесь еще причина была и другая, как мне думается. Здесь чисто русская, барская, может быть, несобранность сказывалась в нем. Хотя трудно судить объективно... Может быть, считал, что не сможет (в силу своего физического нездоровья – уже с 1930-х годов его одолевали сильные головные боли) осилить этот труд.

А вот переписку вел огромнейшую, судя по количеству ответных писем, их десятки сотен только в музее хранится...

Его корреспонденты – ученые, писатели, учителя, агрономы, геологи, гидрологи и т.д., среди которых известный палеонтолог Р.Ф. Геккер, географ Д.Л. Арманд, писатель В. Бианки...

Мне он казался скучноватым, «суховатым», увя, и по своей молодости, занятости – работа, семья и т.д. – не смогла взять в полной мере того, что могла бы получить от этого очень щедрого на такие «подарки» человека. К сожалению, понимание этого пришло слишком поздно, так часто бывает в жизни.

Когда стали строить новое здание музея, а старое было снесено окончательно, Сергей Николаевич приходил на старое «пепелище» и, вероятно, погружался в прошлое, и кто знает, какие «видения» посещали его тогда? Сдержанный, он явно не проявлял сентиментальных чувств...

Боровичский музей с 1989 года одно время носил имя С.Н. Поршнякова. Это обязывает ко многому. Не только к созданию музейных экспозиций (и обязательно отдела природы), но и к постоянному профессиональному росту, к стремлению в работе к той высшей отметке, с которой начинал свою историю наш музей.

И здесь пример Сергея Николаевича – вдохновляет.

Сведения об авторах

Абакумова Людмила Николаевна – кандидат геолого-минералогических наук. Работала в Южно-Киргизской геологической экспедиции (геологическая съемка и поиски полезных ископаемых в горах Тянь-Шаня, Туркестано-Алая). С 1993 года живет в д. Великий Порог Боровичского района Новгородской области. Преподавала в учебных заведениях города, изучает историю населенных мест края.

Арсентьева Елена Николаевна – научный сотрудник Музея истории города Боровичи и Боровичского края.

Быков Леонид Иванович – инженер-геолог, краевед, педагог, исследователь природы родного края. Создатель и руководитель Новгородской областной общественной организации «Эколог». Провел более двадцати молодежных комплексных экологических экспедиций в Боровичский и соседние районы области.

Гарновский Кронид Всеволодович – геоботаник (Кондо-Сосвинский и Ильменский заповедники, Ботанический сад Ленинградского государственного университета). Литератор. Сотрудник Боровичского краеведческого музея в 1930-е годы.

Игнатъев Андрей Александрович – старший научный сотрудник Музея истории города Боровичи и Боровичского края. Автор и составитель книг исторического и литературно-краеведческого содержания. Член Союза писателей России, создатель «Музея Данте».

Кудесова Лариса Бадриевна – педагог-библиотекарь, член Боровичского литературного объединения, Боровичского общества краеведов. Занимается литературным краеведением, пробует себя в книжной графике.

Николаева Любовь Васильевна – главный редактор Мстинского альманаха «Боровичи», член Боровичского общества краеведов. Ранее – научный сотрудник Боровичского краеведческого музея, журналист газеты «Красная искра».

Подобед Людмила Владимировна – с 1970 по 2004 год директор Боровичского краеведческого музея. Автор, составитель и редактор многих краеведческих сборников. В 2013 году вышла ее монография «Боровичи. Страницы истории».

Столбова Ирина Анатольевна окончила Джамбулский педагогический институт, работала вторым секретарем Красногорского РК ЛКСМ Казахстана. С 1993 года живет в Боровичах. С 2004 года – заведующая Боровичским филиалом Новгородского государственного музея-заповедника.

Терешков Владимир Иванович – преподаватель истории, директор школы, заведующий РОНО в г. Кировске Мурманской области. Выйдя на пенсию, вернулся на родину, в д. Ровное Боровичского района Новгородской области. Изучает историю края.

Шарков Юрий Владимирович – кандидат геолого-минералогических наук, занимался разработкой урановых месторождений и новыми методами их обнаружения. Выйдя на пенсию, часто приезжал в Боровичи и родной Опеченский Посад. Автор поэтических сборников «Бочаги» (1990), «До новых птиц» (1994), «Долгое мгновенье» (2000). Прошел три войны: Финскую, Великую Отечественную и Японскую.

Яковлев Константин Сергеевич – журналист, фотокорреспондент газеты «Красная искра», кинорежиссер. Руководитель городского фотоклуба, член Боровичского общества краеведов.

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю (<i>Л.В. Николаева</i>)	5
--	---

На жизненном пути

Патриарх боровичского краеведения (<i>Л.В. Николаева</i>)	9
Жизнь, отданная родному краю (<i>В.И. Терешков</i>)	14
«Тюремные тетради» Сергея Поршнякова (<i>А.А. Игнатъев</i>)	22
«Я отрезан от мира цепями застав» (из «тюремных тетрадей», 1910 г.) (<i>С.Н. Поршняков</i>)	29
Личное дело С.Н. Поршнякова (из материалов Боровичского отдела народного образования) (<i>Л.В. Николаева</i>)	38

Семья

Сергей Николаевич Поршняков и его предки (<i>А.А. Игнатъев</i>)	43
«Помню я себя с четырехлетнего возраста...» (из «тюремных тетрадей», 1912 г.) (<i>С.Н. Поршняков</i>)	55
«...Встречи, эпизоды... переживания и думы...» (из воспоминаний, 1950-е гг.) (<i>С.Н. Поршняков</i>)	74
Что написано пером... (из писем Георгия Сергеевича Поршнякова и его семьи) (<i>Л.Б. Кудесова</i>)	101

Познавать, просвещать, направлять...

Камчатская экспедиция 1908 года и студент-доброволец Сергей Николаевич Поршняков (<i>Л.В. Николаева</i>)	117
Естественнонаучные изыскания Сергея Николаевича Поршнякова (<i>Е.Н. Арсентьева</i>)	126
Музейный проект С.Н. Поршнякова (<i>И.А. Столбова</i>)	132
Основоположник палеонтологического краеведения в Боровичском крае (<i>Л.В. Николаева</i>)	136
Поршняков и братья Гарновские (<i>К.С. Яковлев</i>)	150

Мой Поршняков (воспоминания современников)

Мне посчастливилось быть его последователем (<i>Ю.В. Шарков</i>)	159
«...Наше знакомство перешло в незыблемую дружбу» (из «Автобиографии») (<i>К.В. Гарновский</i>)	163
Воспоминания о встречах с С.Н. Поршняковым (<i>Л.И. Быков</i>)	167
Сергей Николаевич Поршняков в Великом Пороге (<i>Л.Н. Абакумова</i>)	170
Его личность притягивала (<i>Л.В. Подобед</i>)	173
Сведения об авторах	176

Научно-биографическое издание

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ПОРШНЯКОВ

**история замечательной жизни
в очерках, исследованиях, воспоминаниях**

Редактор издательства *А.Л. Анидралантов*

Подписано к печати 31.05.2023.

Формат 70×100 1/16. Бумага офсет № 1,80 г/м².

Печать офсетная. Уч.-изд. 16,0 п.л. Тираж 200 экз. Заказ № 23К0776

Издательство «ГЕОС»

125315 Москва, 1-й Амбулаторный пр., 7/3–114

Тел./факс: 8 (495) 959 3516, 8 (499) 152 1914, 8 (926) 222 3091

E-mail: geos-books@yandex.ru

Сайт: www.geos-books.ru

Отпечатано в полном соответствии с предоставленным
электронным оригинал-макетом
в АО «ИПК «Чувашия»,
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13.